Корень и Понятіе.

ОПЫТЪ

изъ

ОБЛАСТИ АРІЙСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

СОСТАВИЛЪ

Іос. Ант. Микшъ.

ТАМБОВЪ.
Типографія Дм. Серг. Семенова
1884.

Печатается съ разрѣшенія Педагогическаго Совѣта Тамбовской Губ. Гимназіи.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕМУ

ЮБИЛЕЮ

ПЕРВАГО ИЗДАНІЯ

„СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ“

ФР. БОППА.

ПАМЯТИ ЕЯ АВТОРА, ОТЦА ЛИНГВИСТИКИ,

посвящаетъ издатель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о происхожденіи языка не можетъ считаться ни метафизическимъ, ни палеонтологическимъ, т. е. онъ не принадлежитъ ни къ тому разряду тайнъ человѣческой науки, которыя, какъ напр. происхожденіе чувства изъ движенія, на всегда останутся загадкою для насъ, ни къ тѣмъ задачамъ, которыя по малочисленности данныхъ, до насъ дошедшихъ, представляютъ при своемъ рѣшеніи непреодолимыя затрудненія. Огромный матеріалъ языка, тщательно собранный и обработанный, долженъ непремѣнно дать исходную точку для правильнаго рѣшенія вопроса. Создатель этого языка—человѣкъ—живетъ на землѣ во всѣхъ возможныхъ степеняхъ своего развитія. Ученный филологъ выставляетъ *свои* корни, антропологъ ихъ принимаетъ или исправляетъ сообразно съ данными, добытыми въ языкѣ народовъ образованныхъ и дикарей, въ рѣчи дѣтей и взрослыхъ. *Какая была первая форма корня, почему и когда онъ возникъ?*—Вотъ вопросы, которымъ мы посвятили свою статью. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ великій Боппъ положилъ начало новой наукѣ своей сравнительной грамматикой арійскихъ языковъ. Трудно себѣ представить, сколько работы, сколько ума было посвящено ея изученію. Эта огромная работа даетъ возможность даже намъ скромнымъ труженникамъ говорить въ наше время о періодѣ корней, о происхожденіи языка. Мы старались прочитать и прослѣдить главныя мысли въ подобныхъ сочиненіяхъ, но такъ какъ книги не могли уяснить намъ періода корней, то мы обратились къ *словамъ* Арійцевъ всѣхъ временъ и старались въ нихъ прочитать первую исторію ихъ происхожденія. Мы никогда бы не рѣшились издать свою статью, если бы не убѣдились изъ современной литературы этого вопроса, что даже знаменитые грамматики ложно

понимаютъ значеніе и форму перваго корня. Такъ напр Фиккъ, прекрасный словарь котораго намъ былъ главнымъ руководствомъ, своими корнями все болѣе и болѣе побуждалъ насъ къ составленію статьи.

Наша работа была писана и печатана въ провинціи; поэтому внимательный читатель навѣрно проститъ намъ тѣ многочисленныя опечатки, которыя вкрались въ наше изданіе. Указателя къ статьѣ мы не присоединили, такъ какъ въ самомъ скоромъ времени издадимъ *корни русскаго языка*, при чемъ постараемся изслѣдовать статистику корней, т. е. показать численное отношеніе пракорней къ корнямъ послѣдующихъ періодовъ и дополнить тѣ пробѣлы, которые могутъ оказаться въ настоящемъ трудѣ.

Наконецъ мы должны выразить свою искреннюю благодарность товарищу по службѣ В. К. Вяжлинскому, который съ рѣдкою готовностью прочитывалъ и рукопись и корректуру этой работы.

Тамбовъ. Августъ мѣсяцъ 1883 года.

ПОПРАВКИ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

На	2	стр.	9	строкѣ вычеркнуть слово „же.“
—	3	—	18	— tabula rasa,
—	7	—	29	— макрокозма.
—	15	—	27	— одни.
—	16	—	1	— впечатлѣній — понятіе.
—	—	—	24	— лишенныхъ.
—	21	—	1	— cret+dare (cret = довѣріе, по скр. çrat-dhâ.)
—	24	—	24	— modification.
—	26	—	3 сн.	— θυγάτηρ.
—	31	—	12	— pet-tis.
—	34	—	4	— pèchovati.
—	44	—	21	— цел.
—	36	—	10	— πέτ-ρος.
—	37	—	22	вычеркнуть фразу отъ слова Нѣсколько — толчками.
—	37	—	26	— перечня.
—	39	—	12	— σφαδάζω изъ pad;
—	—	—	24	— Φθάνω.
—	40	—	10	— однихъ.
—	42	—	8	— стебель.
—	44	—	7	— utíkati
—	45	—	26	— sti(g)lus.
—	—	—	29	— стезя.
—	49	—	2	— domitor; у Гомера
—	60	—	1	— mad.
—	61	—	17	— μήστωρ.
—	66	—	11	— *лица*
—	67	—	7	— molestus.
—	67	—	21	— marîci.
—	69	—	20	— Schmeichler.
				schmeicheln.

— 70 — 10 — schmaehen.
— — — 12 — mahen.
— 78 — 14. 14 — γfαμ, γfαν.
— 83 — 23 — γέρων.
— 84 — 8 — hoìe.
— — — 16 — hledèti.
— 86 — 2 — žasnouti.
— 95 — 11 — лить.
— 98 — 21 — коп-ыто, коп-ье.
— 100 — 21 — kumba, kumbha
— 102 — 5 — κατά
— 104 — 19 — куцый.
— — — 23 — šaty.
— 106 — 10 — kráčeti.
— 111 — 1 — škrtiti.
— 112 — 16 — чермнаго.
— 117 — — — послѣ kart читай и.
— — — 18 — и пр. принадлежать сюда,
— — — 24 — совершился
— 118 — 3 — *царапать*
— 121 — 10 — ξύω
— 124 — 27 — ἐντρέπεσθαι
— 127 — 15 — strměti
— 128 — 28 — содержащее
— 131 — 22 — городъ
— 136 — 6 — *палевый*
— 133 — 2 — близка
— 140 — 4 — едва ли
— 150 — 3 — *лить*
— — — 25 — *Ревностный*
— 152 — 28 — lassen
— — — 29 — lâbor

— 166	—	22	—	kȕućeti
—	—	23	—	*καγχάομαι*
— 167	—	18	—	презирать;
— 170	—	14	—	дышащее
— 171	—	25	—	žád-ati
— 180	—	22	—	kvapa-s
— 182	—	23	—	dávıti
— 183	—	17	—	лит. devas
— 184	—	18	—	*сосать*
— 191	—	23	—	žád-atı
— 191	—	27	—	κώπη
— 201	—	26	—	ощущеній
— 202	—	9	—	первоначальное
— 205	—	10	—	безчисленному

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

Georg Curtius: Grundzuge der griechischen Etymologie (1879 5-ое изд.)

Fick A.: Vergleichendes Wörtebuch der indogermanischen Sprachen. Gottingen. 4 Bde. 1874—76.

H. Grassmann: Worterbuch zum Rig Veda. Leipzig 1873.

J. Grimm: Geschichte der deutschen Sprache. Berlin 1853.

Franz Bopp: Vergleichende Grammatik. Leipzig 1857—61.

Fr. Miklosich: Lexicon Paleoslovenico—Graeco—Latinum. Vindobonae 1862—1865.

G. J. Ascoli: Lezioni di Fonologia comparata. Torino e Firenze. 1870.

Pictet: Les Origines Jndoeuropéennes ou les Aryas primitifs. 3 voll. Paris 1874.

Max Muller: Lectures on the Science of Language 2. vol London 1880.

A. H. Sayce: Jntroduction to the Science of Language. 2 v. London 1880.

W. D. Whitney: Life and Growth of Language. London 1875.

A. Howelacque: La Linguistique. Paris 1876.

A. F. Pott: W. von Humboldt über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaus. 2. B. Berlin 1876.

H. Steinthal: der Ursprung der Sprache Berlin 1877 (3-е изд.)

E. B. Tylor: Anthropology. London 1881.

В. И. Шерцль: Сравнительная грамматика Харковъ 1873.

Č. Šercl: Z oboru jazykozpytu. Praha. 1882.

Антонъ Будиловичъ: Первобытные Славяне. Часть первая. Кіевъ 1878.

I.

Мы привыкли всегда отдѣлять въ своихъ сужденіяхъ рѣчь отъ мысли. Мысль для насъ вообще имѣетъ значеніе чего-то правильнаго, высокаго, божественнаго, между тѣмъ какъ на рѣчь мы смотримъ какъ на что-то случайное, слабое, человѣческое. Чистая мысль была издавна идеаломъ всѣхъ философовъ, а на рѣчь тѣ же философы смотрѣли какъ на единственную обузу, мѣшающую всякому высшему полету нашей души. Полное незнаніе основныхъ законовъ рѣчи только болѣе и болѣе подкрѣпляло такой взглядъ; поэтому, въ то время какъ мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ мало мальски умныхъ людей достаточное количество хорошихъ мыслей, въ наши глаза бросается на всякомъ шагу такое множество словъ, не имѣющихъ для насъ теперь никакого значенія, кромѣ условнаго, символическаго, что мы по неволѣ на слова смотримъ какъ на пустые звуки, не поддающіеся законамъ никакой науки. (*).

(*) Наши грамматики съ громаднымъ числомъ своихъ исключеній и со своей сбивчивой и неточною терминологіей подтверждаютъ этотъ взглядъ. Грамматическія теоріи были созданы въ то время, когда люди имѣли весьма смутное понятіе о законахъ рѣчи: поэтому почти вся грамматика нуждается въ коренномъ преобразованіи. При свѣтѣ науки то, что было прежде исключеніемъ, дѣлается только болѣе точнымъ примѣненіемъ основныхъ законовъ рѣчи, пока намъ неизвѣстныхъ; множество правилъ синтаксиса являются такимъ же примѣненіемъ болѣе широкаго закона. Исключенія такимъ образомъ объясняются или нашимъ незнаніемъ законовъ языка, или неточнымъ примѣненіемъ тѣхъ же законовъ въ данной рѣчи въ періодъ ея жизни. Первый родъ исключеній долженъ исчезнуть совсѣмъ изъ нашихъ грамматикъ.

Такимъ образомъ пустословіе сдѣлалось противоположнымъ обилію мыслей, слово—мысли. Это ложное заключеніе не замедлило принести своихъ плодовъ: философы, изслѣдуя законы человѣческаго ума, обращались исключительно къ чистой мысли и на самомъ дѣлѣ выработали хорошія анатоміи и физіологіи мысли—логику и психологію, но мысли какъ будто чистой, безъ словъ. Рѣчь удостоилась такой научной обработки только во 2-ой половинѣ нашего столѣтія. Благодаря этимъ работамъ, мы имѣемъ теперь такую ~~же~~ анатомію и физіологію рѣчи, хотя, конечно, далеко еще не оконченную, что къ крайнему изумленію намъ нерѣдко теперь приходится измѣнять и исправлять многія наши традиціонныя логическія и психологическія воззрѣнія согласно съ данными, добытыми наукою о языкѣ. Изученіе человѣческой рѣчи постепенно открываетъ намъ бывшія неизвѣстными стороны

Для примѣра приводимъ образованіе Perfecti въ латинскомъ языкѣ глаголовъ III спряженія, гдѣ считаются неправильными именно тѣ глаголы, которые образовались совершенно правильно. Латинское Perfectum образовалось изъ соединенія основы глагольной или основы настоящаго времени съ корнемъ вспомогательнаго глагола въ его совершенномъ или несовершенномъ видѣ Наприм dixi dic-|-(e) s-|-i, mon-|-ui = mon-|-(f) u-|-i, audi-|-v-|-i = audi-|-(f) u-|-i Это законъ. Каждое другое образованіе должно считать исключеніемъ, не смотря на то, что другіе роды образованія болѣе древніе, чѣмъ это сложное образованіе Эти исключительныя образованія допускаются также по извѣстному закону; такъ, въ III спряженіи образуютъ посредствомъ удлиненія тѣ глаголы, глагольная основа которыхъ была короткою, наприм leg-o, legi, хотя, какъ видно изъ сложныхъ, и здѣсь часто образованіе бываетъ правильное. Наконецъ, остается какъ самое старинное образованіе—удвоеніе, которымъ опять объясняются другія „исключенія“ латинскаго спряженія, наприм. tul-|-i произошло изъ te-tol-|-i и tol (ср pe-pu-li отъ pel) произошло посредствомъ подъема изъ корня tel греч. τελ, ταλ, τλα и Perfectum образовалось одинаково какъ греч. τέτοκα отъ корня τεκ. Фонологія и болѣе правильное раздѣленіе глаголовъ, чѣмъ наше на 4 спряженія, могутъ объяснить остальныя исключенія.

человѣческаго духа, стороны, которыя постоянно ускользаютъ отъ насъ въ область чистой мысли; однимъ словомъ, мы душу изъ области фантастическаго тумана перенесли въ область человѣческой рѣчи и, тамъ слѣдя за ея качествами, строимъ болѣе прочныя основы логики и психологіи, чѣмъ прежде. Старинныя преданія о божественномъ происхожденіи рѣчи находятъ свое оправданіе въ работахъ новаго времени. Мысль и рѣчь такимъ образомъ являются полюсами одного и того же міра, центръ котораго мы называемъ душою; мысль и рѣчь суть только проявленіе той силы, которую вполнѣ открыть не удастся ни одному философу. Чистая мысль — *философія* — отвергла въ лицѣ многихъ своихъ представителей языкъ и сдѣлала его простымъ средствомъ сообщенія человѣка съ человѣкомъ, при чемъ руководилась слѣдующимъ воззрѣніемъ.

Положимъ, что существованіе человѣчества ограничилось однимъ человѣкомъ, такимъ-же какъ и мы, съ тѣми же первоначальными способностями души. Сначала, конечно, его душа— tabula rasa, т. е. въ ней всякое отсутствіе впечатлѣній, представленій, понятій, которыя образуются у него только со временемъ. Этотъ воображаемый человѣкъ, по мнѣнію апріорныхъ философовъ, если проживетъ достаточное количество времени, оставаясь въ своей человѣческой природѣ, но не говоря ни одного слова, выдумаетъ такіе же законы мысли, такую же философію, какъ и мы. Умъ его будетъ находиться на такой же степени развитія, какъ и у насъ, живущихъ въ обществѣ говорящихъ людей. Мало того, онъ будетъ думать даже гораздо правильнѣе, такъ какъ свободному движенію его мысли никогда не мѣшала человѣческая рѣчь.

Такой приблизительно взглядъ находимъ мы между прочими у Локка (Locke), какъ на это указалъ уже Максъ Мюллеръ (Max Muller) въ своихъ лекціяхъ. Не хотимъ спорить о томъ, возмо-

женъ ли вообще такой умъ при другихъ условіяхъ, чѣмъ наши, такъ какъ всѣ такіе вопросы похожи на вопросъ о существованіи воображаемыхъ людей Гельмгольца (Helmholtz), живущихъ въ мірѣ о двухъ измѣреніяхъ, и слѣдовательно они для насъ неразрѣшимы за неимѣніемъ другихъ данныхъ, кромѣ данныхъ нашего человѣческаго ума. Но одно все-таки можемъ утверждать—именно, что человѣкъ, какъ мы изъ плоти и крови, безъ рѣчи есть просто абсурдъ (absurdum), т. е. отсутствіе рѣчи есть minus, уничтожающее самое понятіе о человѣкѣ, рѣчь же—то plus, которымъ человѣкъ возвышается надъ животнымъ. *Безъ рѣчи нѣтъ ума, безъ ума нѣтъ человѣка.* (*).

Но уже мы слышимъ со всѣхъ сторонъ множество возраженій: думаемъ мы постоянно, но не говоримъ, слѣдовательно, думаемъ и безъ словъ; во снѣ, когда мы почти ничего не говоримъ, въ нашей головѣ чередуются картины, представленія, мысли, мы сочиняемъ цѣлые романы, судимъ о житейскихъ дѣлахъ и пр. и пр.; многіе люди лишены отъ рожденія возможности говорить, а все-таки думаютъ; дѣти безъ сомнѣнія умозаключаютъ, сопровождая свои умозаключенія безсвязнымъ лепетомъ, и наконецъ умъ въ животныхъ въ наши дни уже считается истиною неоспоримою, какъ можно убѣдиться изъ любой исторіи животныхъ, изъ любаго журнала, гдѣ особые отдѣлы посвящаются интеллекту животныхъ. Изъ всего этого выводятъ, что

(*) F. Max Muller· Lectures II p 75
Steinthal Der Ursprung der Sprache 210.
Sayce: Introduction I p 2
W Wundt· Grundzuge der physiologischen Psychologie Leipzig 1873 p. 850.
Bain. Logic London 1873 I p 42

рѣчь есть только средство для сообщенія нашихъ мыслей; тамъ же, гдѣ въ сообщеніи мы не нуждаемся, думаемъ безъ нея, такъ какъ она намъ при чистомъ мышленіи только въ тягость.

Съ такимъ взглядомъ легко примиряются всѣ логическія и другія ошибки нашей грамматики, и допускается несмѣтное количество неправильностей языка на томъ основаніи, что мысль, какъ нѣчто въ высшей степени совершенное, можетъ выразиться такимъ низкимъ средствомъ, какъ языкъ, только въ высшей степени несовершенно и случайно. Это все, конечно, будетъ вѣрно только до тѣхъ поръ, пока мы будемъ витать въ области чистой мысли, и не возьмемся за точное опредѣленіе тѣхъ словъ, которыя мы такъ склонны презирать на всякомъ шагу. Вспомнимъ старинное правило Декарта (Descartes): не вѣрить ничему, что не является въ нашей мысли столь ясно и отчётливо, что сомнѣнію ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть мѣста. Мы примѣнимъ это правило и къ нашему вопросу и постараемся точно опредѣлить, что мы себѣ представляемъ, говоря о мысли и о рѣчи.

Мыслію мы называемъ первое проявленіе движенія, какъ всемірнаго факта, въ какомъ либо организмѣ, т. е. въ такой массѣ, которая, воспринимая внѣшнее движеніе, отвѣчаетъ ему своимъ движеніемъ и на перекрестномъ пути того и другаго рождаетъ то, что мы называемъ чувствомъ. Но, принимая такое опредѣленіе мысли, мы не можемъ отказать въ душевной жизни даже самымъ простѣйшимъ организмамъ не только царства животныхъ, но и растительности. Дарвинъ (Darwin) и другіе современные изслѣдователи указываютъ довольно примѣровъ чувствительности растеній. Извѣстный физикъ Цельнеръ (Zollner) въ своей прекрасной книгѣ „über die Kometen“ не разъ даетъ случай наблюдать эту субъективную сторону движенія даже въ мертвой массѣ и тамъ искать вмѣсто механическихъ законовъ законы психиче-

скіе. Тогда, конечно, для мышленія нужно не болѣе двухъ молекюловъ, чтобы имѣ съ древними философами приписать любовь и вражду, а съ новыми—просто волю. Слѣдуя прекрасному, хотя часто и очень монотонному методу Спенсера (Spencer), мы можемъ, несомые на крыльяхъ фантазіи психофизической, построить изъ перваго сіянія мысли, какъ чувства, всю душу человѣка—соединеше чувства, ума и воли. Въ концѣ концовъ такой путь можетъ привести насъ въ ту же область чистой мысли, гдѣ та же самая мысль для насъ неуловима, гдѣ мы ясно и отчетливо сознать ея не въ силахъ, такъ какъ она, если вѣрить Гартманну, (Hartmann) и въ насъ и повсюду живетъ безсознательно. Словомъ-понимать такъ мысль-тоже, что желать построить домъ не изъ камней, а изъ неосязаемыхъ молекюловъ.

Не менѣе шаткія и обывчивыя опредѣленія существуютъ и относительно рѣчи. По многимъ ученымъ отчетамъ послѣдняго времени обладаютъ рѣчью и животныя. Какъ это понимать? Очень просто: если назвать рѣчью всякое проявленіе какого либо чувства во внѣшней части организма, то, конечно, нельзя отказать въ рѣчи и всѣмъ существамъ въ природѣ; всякое чувство по своей природѣ должно непремѣнно какъ нибудь проявиться во внѣшности организма; поэтому и животныя, какъ и люди, говорятъ, если не всегда звуками, то по крайней мѣрѣ своимъ выраженіемъ лица. Однако это refiexum чувствъ едва ли кто сравнитъ съ человѣческой рѣчью, которая въ своихъ основныхъ признакахъ, не смотря на свой органъ (рѣчь фоническая и мимическая у нѣмыхъ), не имѣетъ ничего общаго съ патологической рѣчью, общей всему царству чувствительности.

Обращаясь на основаніи всего сказаннаго къ опредѣленію нашей человѣческой рѣчи и мысли, мы должны замѣтить, что и при такомъ громадномъ разстояніи человѣческой мысли и рѣчи

отъ мысли и рѣчи остальныхъ существъ, мы считаемъ такую разницу только въ степени развитія, но не въ сущности. Для большей наглядности представимъ себѣ еще разъ tabulam rasam Локка, т. е. душу безъ всякаго содержанія, receptaculum впечатлѣній, зеркало, въ которомъ должны отразиться всѣ явленія внѣшняго міра, substratum души. Физіологически это есть, говоря согласно съ новыми физиопсихологами, однородная первная масса въ самомъ простомъ своемъ сложеніи, мозгъ, только безъ его формы, безъ его безчисленныхъ извилинъ и разностей. Зеркало отражаетъ всѣ свѣтовыя явленія, не оставляя въ себѣ никакихъ слѣдовъ этихъ отраженій: оно остается всегда безъ измѣненія. Не таково зеркало нашей души: оно принимаетъ явленія, но не отражаетъ ихъ, а оставляетъ ихъ отпечатокъ у себя, и подъ вліяніемъ ихъ само перерождается болѣе и болѣе, соотвѣтственно ихъ силѣ и многочисленности: всякая картина внѣшняго міра заносится въ каталогъ нашей души и остается въ этой чудной галлереѣ навсегда, какъ воспоминаніе, хоть и не живое, но всегда способное къ жизни при достаточномъ возбужденіи. Физіологически первоначальная однородная первная масса дѣлается въ высшей степени разнообразною подъ вліяніемъ разнородныхъ движеній міра внѣшняго; движеніе внѣшнее въ массахъ и молекюлахъ находитъ свой отголосокъ и какъ будто бы продолженіе въ молекюлярномъ движеніи первной массы; міръ внѣшній и внутренній являются какъ нѣчто безпрерывное, проявленіе одного и того же движенія, которое есть великолѣпное примѣненіе того закона, что все въ жизни всемірной связано однимъ общимъ звеномъ по закону безпрерывности. Однимъ словомъ, милліоны молекюловъ нашего головнаго мозга отвѣчаютъ своимъ дѣйствіемъ милліонамъ движеній внѣшняго міра; микрокозмъ души есть отчасти плодъ и воспроизведеніе макрокозма природы. Анатомически выражается это безчисленными проходами

и извилинами мозга, химическою разнородностью отдѣльныхъ молекюловъ и ихъ сочетаній. Психологи, физіологи, химики соединяютъ свои работы, чтобы, хоть въ нѣкоторой степени, опредѣлить развитіе нервной массы до совершенства человѣческаго мозга. Изъ всѣхъ ихъ работъ одно остается навсегда вѣрнымъ, что изъ внѣшнихъ впечатлѣній ни одно не пропадаетъ даромъ, онѣ должны храниться навсегда, пока самое substratum не разрушится. Согласно съ ученьемъ чистаго психолога, для котораго душа есть высшая потенція, т. е. сила, превращающая движеніе въ чувство, которое уже навсегда хранится въ sensorium, память есть что-то вѣчное въ родѣ ἀνάμνησις Платона, или вѣчныхъ, апріорныхъ законовъ души новыхъ философовъ, только съ той разницей, что новые философы апріориту объясняютъ вѣчностью въ одномъ направленіи начала безъ конца, между тѣмъ какъ Платонъ объяснялъ ἀνάμνησις въ двухъ направленіяхъ вѣчностью безъ начала и безъ конца. Физіологъ, онъ же эмпирическій психологъ, не отрицая такого высокаго понятія о душѣ, уже изъ причинъ физическихъ, такъ какъ всякая физика при тщательномъ наблюденіи дѣлается метафизикой, всякое тѣло духомъ, ограничивается рѣшеніемъ задачи въ томъ смыслѣ, что, пока не разрушенъ физическій субстратъ, не разрушимъ и этотъ дивный микрокозмъ. Но онъ идетъ путемъ чисто физическимъ еще дальше: не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями, онъ съ помощью эмбріологіи доходитъ до заключенія, что микрокозмъ, какъ зародышъ, передается изъ рода въ родъ, и что вся внутренняя работа нашихъ предковъ содержится въ тѣсномъ пространствѣ нашего мозга, что она не пропадетъ, хотя остался бы въ живыхъ только одинъ человѣкъ. Теорія эта, названная теоріей наслѣдственности, дала въ послѣднее время такіе блестящіе результаты, что уже перестала быть гипотезой, хотя едвали мы узнаемъ когда либо ея точные законы.

Руководясь этими немногими замѣтками, можемъ теперь возвратиться къ явленіямъ движенія и чувствительности.

Всѣ движенія, какъ извѣстно, управляются закономъ причины и послѣдствія. Юмъ (Hume) въ своемъ, всеподавляющемъ скептицизмѣ отвергнулъ этотъ законъ, такъ какъ порядокъ внѣшнихъ явленій, какъ признанный фактъ, еще не законъ. Кантъ нашелъ этотъ законъ въ человѣческомъ умѣ и своимъ могучимъ изреченіемъ, что мы предписываемъ природѣ ея законы, а не она намъ, высказалъ глубокую, многимъ до сихъ поръ непонятную истину. Эта истина своей глубокой правдой навсегда *уничтожила всякую матеріалистическую теорію природнаго порядка.* Матеріализмъ нашего столѣтія, вооруженный и поощряемый всѣми данными новой науки, долженъ былъ признать полное свое ничтожество и безсиліе, лишь только нашлись люди, которые поняли априорную истину Канта въ полномъ ея значеніи. Предписываемъ мы законы природѣ по той простой причинѣ, что, хотя умственная формула-законъ такъ мало похожа на самое происшествіе въ природѣ, какъ чувство на движеніе, но тѣмъ не менѣе сами мы не болѣе какъ составная часть той же природы. Человѣкъ въ глубинѣ своей души хранитъ то номенонъ (nimenon), которое видѣлъ Кантъ во всей природѣ, и во имя единства, съ которымъ мы даемъ законы природѣ въ согласіи съ ней, т. е. наши законы, будучи продуктомъ ума, не что иное, какъ correlatum внѣшнихъ фактовъ, какъ продуктовъ творчества, принимая слово творчество въ какомъ угодно смыслѣ. Творчество всегда тутъ первое (prius), природа въ своихъ двухъ проявленіяхъ—ума и движенія—послѣдующее (posterius,) слѣдовательно наши законы не пустой звукъ, а выраженіе чего-то всемірнаго.

Переходимъ теперь къ законному порядку явленій и къ зарожденію первой сознательной мысли.

Если мы признаемъ порядокъ во внѣшнемъ мірѣ, то должны допустить, что большинство впечатлѣній сообщается нашей душѣ именно въ такомъ порядкѣ, и что вслѣдствіе этого физіологически образуются ряды молекюлярныхъ движеній, строго соотвѣтствующихъ внѣшнимъ явленіямъ, и что *въ цѣломъ складъ движеній внѣшняго міра передается мозговымъ движеніямъ.* Психически: движенія должны перейдти въ правильные ряды впечатлѣній и представленій, въ концѣ концовъ устройство нашей души должно быть также правильно, какъ само устройство вселенной, съ одной, конечно, разницею, что природа, какъ низшая степень развитія въ сравненіи съ человѣческимъ умомъ, ничего не помнитъ, а въ безпрырывномъ теченіи событій спѣшитъ далѣе и далѣе, между тѣмъ какъ наша душа, будучи сокровищницею воспоминаній, сопротивляется часто теченію макрокозма и изъ своихъ элементовъ строитъ свой особый міръ. Одно можемъ тутъ всегда утверждать: извѣстные ряды событій вызываютъ имъ соотвѣтствующіе ряды представленій.

Если, наприм., совершится событіе A, которому обыкновенно сопутствуютъ событія B, C, D, то непремѣнно, при повтореніи такого же событія A и безъ событій B, C, D возникнутъ въ умѣ всѣ соотвѣтствующія имъ представленія, т. е. не только a, но и b, c, d, при чемъ послѣднія представленія возникнутъ раньше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ совершаются событія B, C, D. Таковъ законъ сдруженія представленій (associatio idearum), который, по мнѣнію Милля, (Mill), считается чрезвычайно важнымъ: по его словамъ, его открытіе сдѣлало въ психологіи то-же, что законъ Ньютона (Newton) въ области физическихъ наукъ. Для примѣра представимъ себѣ существо, уже съ высокообразованнымъ огранизмомъ, хоть „ближайшаго друга человѣка“ собаку. Положимъ, что собака въ первый разъ видитъ огонь, дрова и замѣ-

титъ сгараніе со всѣми его признаками: извѣстный звукъ, запахъ и проч. Положимъ, что собака неосторожно подойдетъ къ огню и обожжетъ свои лапы; вызванное обжогомъ чувство боли сильнѣе другихъ, такъ что оно и можетъ замѣнить частое повтореніе того же явленія своей собственной силой. Положимъ, что изъ ряда этихъ явленій A (огонь), B (дрова), C (запахъ), D (шумъ огня) и пр. повторится хоть C, у собаки даже безъ ея воли появится весь рядъ представленій a, b, c, d..., и она уже не подойдетъ неосторожно къ огню, такъ какъ новое впечатлѣніе (чувство боли) уже успѣло тѣсно слиться съ прежними впечатлѣніями. И такъ какъ этотъ процессъ у животныхъ происходилъ громадное количество времени и передавался по закону наслѣдственности однимъ племенемъ другому, то по необходимости образуется цѣлый калейдоскопъ представленій, картинъ, родящихъ одна другую. Изъ такихъ картинъ подъ руководствомъ самой жизни образуется то, что мы обыкновенно называемъ инстинктомъ. Инстинктъ это душа (внутренній принципъ) безъ ума, нуль умственной дѣятельности, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ главный признакъ ума въ собственномъ смыслѣ, т. е. воля. Здѣсь психическая дѣятельность есть сумма вліяній внѣшняго міра за все время существованія того или другаго рода организмовъ. Мы не споримъ, что и въ этой,—говоря словами Платона, „животной душѣ“—мелькаетъ много того, что въ послѣдствіи является у насъ въ полномъ развитіи, но самое неразвитіе этихъ проблесковъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ недостаточна та теорія инстинкта, которая считаетъ инстинктъ окаменѣлымъ умомъ.—Инстинктъ только окаменѣлое сдруженіе картинъ и болѣе ничего. Въ такомъ состояніи природа думаетъ за насъ: она, такъ сказать, толкаетъ насъ на всѣ дѣйствія, нужныя для нашего существованія; sensorium въ такомъ состояніи есть огромная галлерея подвиж-

ныхъ картинъ, скользящихъ съ движеніями молекюловъ постоянно, какъ постоянное теченіе рѣки, въ которую то съ большимъ, то меньшимъ шумомъ на всякомъ шагу впадаютъ новые потоки жизненныхъ волнъ. Тутъ существо почти автоматъ такой же, какимъ бываетъ человѣкъ на рукахъ своей матери, въ объятіяхъ Морфея, въ пучинѣ сумашествія и пр., и пр., вообще всегда, когда человѣкъ—менѣе всего человѣкъ. Но и въ этомъ случаѣ надо строго различать душу безсловеснаго животнаго и душу человѣка, лишеннаго по тѣмъ или другимъ причинамъ рѣчи. Нѣмые отъ рожденія имѣли предковъ, говорившихъ человѣческою рѣчью, и слѣдовательно они уже переняли отъ этихъ своихъ предковъ весь умственный капиталъ, выработанный въ теченіе долгаго времени съ помощью рѣчи. Они могутъ думать, потому что у нихъ уже созданы основные законы мысли до того прочно, что даже отсутствіе рѣчи не уничтожаетъ вполнѣ ихъ работы. Не такъ у животныхъ, гдѣ ничего ни создано,кромѣ множества рядовъ впечатлѣній. Чтобы проявилось сознаніе, воля, мысль—мало того, чтобы насъ посредствомъ впечатлѣній поражали и увлекали явленія внѣшняго міра,—но на оборотъ *мы должны уловить внутреннее теченіе нашего душевнаго міра, овладѣть имъ и направить это теченіе по своему*; должны сдѣлаться такими же творцами и царями нашего внутренняго міра, какимъ является Богъ въ области внѣшняго міра. Природа и духъ суть тутъ эманація той божеской силы, которой поклонялись и поклоняются народы всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Зарожденіе мысли есть та искра Божія, которая зажигаетъ священное пламя человѣческой души и освѣщаетъ всю громадную разницу, отдѣляющую насъ отъ остальнаго творенія. Вспомнимъ тутъ нуменонъ Канта, самую глубину нашей природы, то тождество наше съ внѣшнимъ міромъ, которое называется я,—и намъ нетрудно будетъ понять моментъ

возрожденія мысли. Когда „я“ нашего существа почувствуетъ свою силу при взаимной встрѣчѣ съ явленіями природы, то оно какъ будто просыпается, и въ немъ уже является стремленіе направить отпечатки явленій въ своемъ царствѣ по своему, какъ таже ему сродная сила въ природѣ направляетъ явленія также по своему. Однако нами овладѣваетъ матафизическій ужасъ (horror metaphysicus) и, не желая, по примѣру Шопенгауера (Schopenhauer), своимъ стремленіемъ къ чистой волѣ уйдти отъ феноменальной истины, мы перейдемъ къ болѣе наглядному способу изложенія, не имѣющему ничего общаго съ символическимъ языкомъ философовъ. Оставляя Гартманамъ, Спенсерамъ и др. искать *точное* опредѣленіе этого момента,—задачу, по нашему мнѣнію, невозможную,—мы лучше займемся средствами, помогающими удержать такой моментъ, если онъ уже у человѣка проявился. Что онъ проявился, о томъ свидѣтельствуетъ самое существованіе нашего самосознанія. Мы не имѣемъ никакой власти надъ отправленіями нашего головнаго мозга; поэтому, чтобы направить дѣйствіе его по своему, *намъ приходится перенести мозговыя впечатлѣнія въ ихъ отпечаткахъ въ область другаго органа намъ подвластнаго*, т. е. мы попытаемся съ этою цѣлію привести въ связь внутренія впечатлѣнія съ такими ихъ внѣшними проявленіями въ нашемъ организмѣ, гдѣ мы во всякое время удерживаемъ надъ ними свою власть и гдѣ во всякое время посредствомъ внѣшнихъ признаковъ можемъ возбудить и въ извѣстномъ порядкѣ направить какой угодно рядъ впечатлѣній. Мы въ нѣкоторой степени въ найденномъ нами органѣ подражаемъ внѣшними признаками впечатлѣніямъ нашего мозга, которыя въ свою очередь являются отпечатками внѣшняго міра. Внѣшній міръ вполнѣ подчиняетъ себѣ первобытную душу и только съ той минуты теряетъ свою власть, когда мы своими внѣшними средствами съумѣемъ замѣнить его вліяніе своимъ.

Управляя такимъ образомъ самостоятельно своимъ душевнымъ міромъ, мы являемся творцами новаго міра, выработаннаго нашей свободной волею изъ всего богатства впечатлѣній. При тщательномъ пересмотрѣ всѣхъ органовъ, конечно, не найдется ни одного столь удобнаго для этой цѣли, какъ органъ нашего звука, по совершенно понятнымъ соображеніямъ. Нигдѣ внутреннее чувство не можетъ проявиться такъ скоро и отчетливо, какъ на пути между дыхательными органами и ртомъ, гдѣ постоянно движется столбъ воздуха, готовый къ нашимъ услугамъ. Всякое сжатіе воздуха производитъ шумъ, изъ котораго, смотря по разнымъ перемѣнамъ стѣнокъ этой области, рождаются—соотвѣтственно нашимъ чувствамъ—различные звуки, общіе всему чувствующему царству. Но эти звуки, хотя и представляютъ первое проявленіе рѣчи, лишены вполнѣ основнаго признака человѣческой рѣчи—самостоятельности. Извѣстное корченіе лица есть признакъ нашей боли; таковъ же звукъ „ахъ“, какъ можетъ всякій легко испытать. Чувство еще не представленіе, звукъ еще нельзя считать словомъ. Утверждать, что изъ этихъ междометій произошла человѣческая рѣчь, тоже самое, что утверждать, будто животныя когда нибудь заговорятъ съ нами своимъ языкомъ.—Столбецъ воздуха въ такомъ прекрасномъ инструментѣ, каково наше горло, далъ скоро сознающему человѣку возможность обладать своими представленіями и направить ихъ по своей волѣ, по своему усмотрѣнію. Мышленіе перестаетъ быть теченіемъ рѣки, безпрерывнымъ, крайне случайнымъ и своенравнымъ, а походитъ болѣе на постройку зданія подъ надзоромъ опытнаго архитектора человѣка. Воздухъ есть самый простой элементъ, которымъ мы можемъ владѣть во всякое время и самымъ разнообразнымъ способомъ, и поэтому, при особенномъ устройствѣ нашего горла, мы имѣемъ возможность произвести громадное количество звуковъ. Звуки,

обозначенные буквами нашего алфавита, суть только отдѣльные точки безпрерывной линіи разнообразія звуковъ, соотвѣтствующаго разнообразію сжатія воздуха и разнообразію устройства стѣнокъ нашего горла. Всякая буква такимъ образомъ можетъ быть представителемъ своего особаго алфавита, т. е. ряда звуковъ: напримѣръ, греческій звукъ α является въ англійскомъ языкѣ уже въ четырехъ варіяціяхъ; мы легко сравненіемъ языковъ могли бы найдти, что произношеніе одного и того же звука у разныхъ народовъ служитъ источникомъ величайшаго разнообразія звуковъ. Нѣкоторые народы *не слышатъ* многихъ звуковъ и не различаютъ ихъ отъ другихъ, считая ихъ въ фонологическомъ отношеніи тождественными съ послѣдними. Чехъ пока различаетъ въ письмѣ четыре и (i, í, y ẏ,), но для него въ рѣчи нѣтъ болѣе разницы между Ы и И, хотя въ письмѣ такое отношеніе къ первоначальнымъ звукамъ онъ считаетъ величайшей погрѣшностью. Два звука одного и того же основнаго Л не понятны многимъ языкамъ, не говоря уже о гласномъ Л, свойственномъ древне-санскритскому языку; нѣкоторые же не обращаютъ никакого вниманія на различное количество гласныхъ; однимъ словомъ, разнообразіе можетъ тутъ простираться до безконечности, и, гдѣ языкъ изъ этимологическаго дѣлается болѣе фонологическимъ, какъ напримѣръ англійскій, тамъ по необходимости увеличивается разнообразіе звуковъ.

Допустивъ все выше сказанное, легко повѣримъ, *что главная задача въ созданіи языка заключается въ томъ, чтобы перевести разныя впечатлѣнія свѣтовыя, звуковыя, матетическія и пр. въ одни звуковыя*, и передать ихъ помощью нашего языка, т. е. посредствомъ звуковъ, подражающихъ нашимъ звуковымъ впечатлѣніямъ. Другая задача состоитъ въ томъ, чтобы создать тѣсную связь между впечатлѣніями, понятіями съ одной и сочетаніемъ звуковъ съ

другой стороны: сочетаніе впечатлѣній-понятіе должно строго отвѣчать сочетанію звуковъ—корню. Самое важное при этомъ то обстоятельство, *что возрожденіе языка помогаетъ возрожденію понятія; то, что было пока картиной, дѣлается помощью звука общимъ признакомъ*. Если бы впечатлѣнія никогда не возвысились до понятія, то мы навсегда выражали бы свои ощущенія только междометіями, чисто животными криками, и на оборотъ, если бы звукъ не отмѣтилъ того или другаго общаго въ впечатлѣніяхъ и не упрочилъ его навсегда въ нашей памяти, какъ понятія, то нашъ умъ никогда бы не вышелъ изъ своего механическаго состоянія. Но чтобы образовать понятіе, мы должны выдѣлить одинъ извѣстный признакъ, общій громадному количеству предметовъ. И на самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ *корень по своему содержанію равнымъ понятію, называя его послѣднею составною частью слова, какъ понятія*, то найдемъ, что химія языка ограничивается весьма небольшимъ количествомъ своихъ элементовъ, при чемъ, конечно, надо имѣть въ виду то, что мы фонологически и грамматически признаемъ пока за разные корни тѣ, которымъ при тщательной провѣркѣ служитъ за основаніе одно и тоже понятіе. (*).

(*) ПРИМѢЧАНІЕ 1-е: Курціусъ говоритъ: Корень есть такое знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается, если отбросить отъ данной формы слова все формальное (Этимологія стр. 18 и слѣд. 69.) Макъ Мюллеръ видитъ въ корнѣ то, что нельзя болѣе упростить, не разрушая природы языка, который состоитъ не изъ простыхъ звуковъ, лишенныхъ смысла, но изъ звуковъ знаменательныхъ. Lectures vol I p. 292, II p. 86. Ср. А. Потебня. Изъ записокъ по русской грамматикѣ I стр. 12—33.) Опредѣленіе Мюллера страдаетъ неопредѣленностью т. е. именно тѣмъ, что составляетъ существенный признакъ всякаго опредѣленія; опредѣленіе Курціуса правдиво въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ разсматриваетъ большинство корней въ своей этимологіи. М. Мюллеръ позволяетъ намъ разрушать корень до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ имѣть хоть какое нибудь значеніе, у Курціуса напротивъ всякій корень, лишь только мы отбросили все формальное говоритъ: noli me tangere. Въ томъ и другомъ случаѣ мы остаемся въ недоумѣніи, что признать корнемъ. Напримѣръ:

Чтобы это выяснить, взглянемъ на происхожденіе письма, исторически намъ гораздо лучше извѣстное, чѣмъ происхожденіе языка. Извѣстно, что сначала письмо состояло въ начертаніи цѣлой картины того, что нужно было сказать, цѣлаго дѣйствія или предмета. Но скоро написаніе цѣлой картины показалось излишнимъ, вмѣсто цѣлаго предмета стали чертить только одинъ

въ глаг πίμπλημι будутъ формальными. окончаніе μι, усиленіе α въ η и фоническое μ, слѣдовательно по Курціусу корень=πλα. М Мюллеръ скажетъ. если отбросить альфу, остается знаменательное сочетаніе πλ и поэтому корень πλ, а не πλα, не смотря на то, что знаки πλ совсѣмъ другое, чѣмъ πλα. Послѣдствіемъ такихъ взглядовъ является то, что мы, слѣдуя опредѣленію Курціуса, вынуждены допустить несмѣтное количество корней, или сократить ихъ до minimum съ М Мюллеромъ Между тѣмъ какъ Мюллеръ, такъ и Курцій признаютъ почти одинаковое количество корней—лучшее доказательство того, что эти извѣстные филологи, сходясь во взглядахъ на науку, не съумѣли точно выразить своихъ взглядовъ, когда дѣло коснулось чистой логики. Всякая дефиниція корня будетъ до тѣхъ поръ только гадательною, пока наука о языкѣ не разработаетъ свой матеріалъ такъ, чтобы оставалось весьма мало неразъясненнаго объ ея первыхъ началахъ. ибо, по вѣрному замѣчанію Милля, (логика I. Введеніе) опредѣленіе только тогда возможно, когда наука уже готова. Поэтому мы, считая нужнымъ имѣть пока хоть какое-нибудь опредѣленіе, рѣшились сказать, что мы считаемъ въ своей работѣ корнемъ. Корень долженъ выражать понятіе, но не какое угодно понятіе, а точное, опредѣленное, которое не путалось бы съ другими. Всякое понятіе можетъ быть или самостоятельное (absolutum) т е такое, связи котораго съ другими для насъ не очевидны и сомнительны, или производное (derivativum), т е. которое съ большимъ или меньшимъ трудомъ можетъ быть соединено съ другимъ понятіемъ, какъ съ его основаніемъ (франц idée mère). Согласно этому мы считаемъ корнемъ неразрушимую часть слова, какъ основнаго понятія Напримѣръ выше мы имѣли слово πίμπλημι, корень πλα. Πλα значитъ „быть полнымъ“, если отнимемъ α, имѣемъ πλ, сочетаніе несомнѣнно послужившее къ образованію значительнаго количества словъ съ значеніемъ летать, плавать и пр. Что будетъ корень? πλα, πλε, πλυ или πλ? По нашему мнѣнію, если удастся кому нибудь показать, что значеніе быть полнымъ идеологически можно соединить съ значеніемъ плаванія и пр и при томъ, конечно, представить историческія доказательства этому, тогда πλα, πλε, πλυ и т д имѣютъ одинъ корень, но

его признакъ, часто довольно случайный, и наконецъ даже minimum признака, т. е. нашли достаточнымъ сдѣлать только намекъ, по которому умъ могъ бы докончить начатую картину. Наше фонологическое письмо произошло, благодаря такимъ дѣйствительнымъ картинамъ, изъ живописи, какъ и рѣчь сама имѣетъ начало въ картинахъ нашего головнаго мозга. (*) Признакъ, намѣченный въ письмѣ, сначала имѣлъ существенное значеніе, но скоро, вслѣдствіе тѣсной связи между такимъ живописнымъ признакомъ, впечатлѣніемъ и наконецъ понятіемъ, онъ сдѣлался простымъ символомъ, т. е. условнымъ знакомъ, который можно всегда замѣнить, какимъ угодно, другимъ. Логика уступила свое мѣсто мнемоникѣ. Нашъ алфавитъ имѣетъ теперь видъ звуковаго алфавита и ничѣмъ ужъ не свидѣтельствуетъ о своемъ

въ противномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ разными корнями, такъ какъ и понятія столь разны, что никакимъ образомъ нельзя ихъ соединить въ одномъ основномъ понятіи. Курцій противорѣчитъ себѣ, если онъ считаетъ φαν и φα однимъ корнемъ, такъ какъ по отнятіи всего формальнаго остается у φημί корень φα, у φαίνω — φαν, первый съ значеніемъ говорить, другой съ значеніемъ свѣтить

Мюллеръ долженъ считать корнемъ φα, хотя онъ можетъ не замѣчать связи между „свѣтить“ и „говорить“, мы же будемъ только тогда говорить объ общемъ корнѣ φα къ φαίνω и φημί, когда намъ удастся показать, что идеологическая связь въ древней исторіи языка между этими понятіями существовала

(*) Поэтому греч γράφω пишу значило первоначально „рѣжу, пишу картины,“ γραφεύς живописецъ, ср нѣм graben рыть, гл гре(б)сти; лат. scribo, нѣм schreiben имѣли подобное значеніе какъ и наше писать отъ √ рік вырѣзывать, ср. сскр. peças картина, греч ποικίλος = нашему пестрый Лат. pingo, ere писать красками, имѣетъ основу pig, сскр. pink-te. рѣзать.

Tylor Anthropology London 1882 Глава VII

Spencer: Essays I 18. Steinthal Urspr. der Spr S. 185.

Pott: Wilhemv Humboldt p. 369 и д.

происхожденіи Аналогическое явленіе произошло и въ образованіи рѣчи. Послѣ частаго повторенія впечатлѣній въ душѣ человѣка остается уже какой нибудь типическій ихъ общій признакъ, который мы выразили такъ или иначе посредствомъ звука, кажущагося намъ наиболѣе удобнымъ для выраженія нашего понятія, и человѣкъ такимъ образомъ свое пріобрѣтеніе закрѣпляетъ живописнымъ звукомъ, общимъ не для одного дѣйствія, а для цѣлаго ряда дѣйствій. Этотъ-то признакъ и есть понятіе разныхъ предметовъ. Конечно, мы должны тутъ имѣть въ виду, что умъ на этой степени развитія весьма смутно различаетъ предметы и дѣйствія: понятіе предмета и дѣйствія сопряжено съ довольно точными представленіями о времени и пространствѣ, весьма отвлеченными для первобытнаго ума. Хотя понятія дѣйствія, какъ теченія, движенія, ему гораздо ближе, чѣмъ понятіе предмета, всетаки онъ пока не нашелъ признака, отдѣляющаго предметъ отъ дѣйствія, не нашелъ еще того, что инстинктивно чувствуетъ. Человѣкъ на этой степени, слѣдя всѣмъ своимъ существомъ за движеніями внѣшняго міра, видитъ только настоящее, но не можетъ возвыситься до пониманія различія временъ и пространствъ. Поэтому его языкъ не знаетъ ни глаголовъ, ни существительныхъ, какъ его глазъ не различаетъ въ природѣ ни предметовъ, ни дѣйствій, а отражаетъ просто явленія въ зеркалѣ внутренняго міра: все тутъ въ одно и тоже время и предметъ и дѣйствіе in puncto temporis. я въ языкѣ его есть только корни, т. е. звуковые признаки той динамики дѣйствій, изъ которой со временемъ рождается весь механизмъ внѣшняго міра. Различать корни на именные и глагольные — совершенная нелѣпость, основанная на неясномъ пониманіи того, что мы называемъ словомъ. Корень въ первый періодъ жизни языка могъ выражать только тотъ признакъ, который наилучше запечатлѣл-

ся въ умѣ, и болѣе ничего. Какъ дѣйствія, такъ и предметы состоятъ изъ множества признаковъ, соединяемыхъ въ одно, и только въ способѣ соединенія этихъ признаковъ заключается разница между дѣйствіемъ и предметомъ. Признакъ самъ по себѣ не можетъ быть ни дѣйствіемъ, ни предметомъ; онъ, будучи понятіемъ чисто отвлеченнымъ, не существуетъ per se въ мірѣ явленій. Но изъ сочетанія признаковъ, образующихъ конкретное явленіе, будь то дѣйствіе или предметъ, одинъ признакъ можетъ насъ особенно поражать, и мы образуемъ корень. Отъ корня до слова далеко. Мы можемъ сочетать разные корни въ рѣчи подобно тому, какъ сочетались въ природѣ разные признаки въ одно явленіе, а изъ этого сочетанія корней образуется новая единица языка слово, имѣющая такое-же значеніе въ рѣчи, какъ сочетаніе признаковъ въ природѣ и сочетаніе картинъ (понятій, признаковъ) въ мысли. Сочетаніе и сравненіе понятій образуетъ мысль, изъ чего слѣдуетъ необходимое заключеніе, что каждое наше слово есть звуковое выраженіе мысли, т. е. наши слова суть цѣлыя предложенія. Этотъ взглядъ подтверждается вполнѣ данными нашей науки. Напр. слово sim, первое лице сослагательнаго наклоненія вспомогательнаго глагола esse, имѣло въ латин. языкѣ первоначальную форму s+ie+m (ср. vel+ie+m, velim отъ гл. velle), состоящую, какъ видно, изъ трехъ частей: s, ie и m. Сравнительное языкознаніе показываетъ, что m произошло изъ ma и равняется французскому moi т. е. я, ie изъ болѣе древняго ya съ значеніемъ идти, s изъ as, es=быть, и что полную форму as+ya+ma слѣдуетъ передать цѣлымъ нашимъ предложеніемъ „я иду быть,“ подобно французскому выраженію „il vient dire.“ Эти слова предложенія, и мы смотримъ на нихъ какъ на первоначальные элементы рѣчи. Конечно, нужно допустить, что и многіе корни представляютъ собою соединеніе приз-

наковъ, какъ напр; лат. глаг. credere=cor+dare и jungere отъ корня jug-соединять. Этотъ корень имѣетъ въ сскр. форму judh (гр. ὑσμίνη=сскр. judhmas сраженіе) и произошелъ изъ соединенія двухъ корней ju и dha т. е. класть (τί—θη—μι) вмѣстѣ. Здѣсь имѣемъ дѣло съ второстепеннымъ корнемъ, т. е. такимъ, который соединеніемъ двухъ признаковъ производитъ новый признакъ, нуждающійся въ новыхъ признакахъ для образованія предложенія. Второстепенные корни равняются соединенію двухъ или болѣе корней, а не сочетанію, посредствомъ котораго мы не только соединяемъ, но и сравниваемъ два признака, т. е. образуемъ цѣлую мысль. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, какъ думаетъ Сэйсъ (Sayce), что (*) корень есть „неразвитое предложеніе первобытнаго человѣка, первоначальная монада рѣчи“. Вторая часть послѣдняго предложенія противорѣчитъ первой: корень, какъ монада, т. е. единица рѣчи не можетъ ничего ни утверждать, ни отрицать о двухъ или болѣе признакахъ, въ чемъ именно заключается сущность каждаго предложенія. Изъ этого своего взгляда на корни онъ выводитъ, что наши корни суть только сильно испорченныя предложенія, которыя вслѣдствіе фонологической порчи потеряли совсѣмъ свое значеніе для говорящихъ и принимаются ими за простыя названія признаковъ. Далѣе изъ этого слѣдуетъ заключить, что періоду корней предшествовалъ періодъ предложеній, или иными словами, что появились у первобытныхъ людей весьма сложныя мысли безъ предварительной выработки понятій. Очевидно, что такой взглядъ уничтожаетъ каждую разумную теорію не только развитія языка, но и развитія мысли, такъ какъ заставляетъ насъ думать, что какъ рѣчь, такъ и мысль явилась у насъ ex nihilo и не объясняетъ, какимъ образомъ

(*) Sayce: Introduction II p. 7 и д.

могъ человѣкъ думать предложеніями, не имѣя ихъ элементовъ-понятій. Антропологія, на которую ссылается Сэйсъ, не можетъ подтвердить его мнѣнія, такъ какъ современные дикари уже давно думаютъ и давно говорятъ, и ихъ „корни-предложенія“ произошли, какъ и наши слова, изъ простыхъ корней-признаковъ, выработанныхъ въ первый періодъ зарожденія языка. Гораздо логичнѣе та теорія, по которой слѣдуетъ считать первымъ періодомъ языка періодъ корней; эта теорія (*) есть прямое логическое послѣдствіе нашихъ лингвистическихъ теорій, при помощи которыхъ мы объясняемъ образованіе всѣхъ формальныхъ элементовъ слова прибавленіемъ другихъ корней къ первоначальному и его перемѣнамъ. Первою работою было образованіе корня, и человѣку тутъ предстояла одна главная задача, именно помощью запаса звуковъ создать такія сочетанія ихъ, которыя лучше всего могли бы передать качество и силу его впечатлѣній. Такое сочетаніе звуковъ, первоначально обозначающее только одинъ разрядъ событій, въ скоромъ времени распространяется на цѣлый рядъ событій, мало или весьма непохожихъ на первый разрядъ за исключеніемъ того признака, который имъ даетъ имя. Но здѣсь работа не останавливается: начинается сравненіе предметовъ, имѣющихъ одинъ общій признакъ, и въ скоромъ времени является понятіе о разницѣ между предметами. Чтобы выразить эту разницу, человѣкъ измѣняетъ первоначальный корень, конечно, сохраняя при этомъ его основаніе. Всякій легко пойметъ, что раньше всего образуются такіе корни, которые своимъ звукомъ прямо передаютъ какой-нибудь шумъ въ природѣ, и что вслѣдствіе различія такихъ шумовъ образуется достаточное количество корней, служащихъ какъ-бы переходной точкой для дальнѣйшаго образованія словъ.

(*) Whitney. Life and growth of the Language p. 298 и пр.

II.

Лучше всего провѣрить нашу мысль на такихъ двухъ отвлеченныхъ понятіяхъ, какими являются для насъ *движеніе и чувствованіе*. Высшею отвлеченностью внѣшняго міра остается всегда для насъ — движеніе, которому въ нашей внутренней жизни отвѣчаетъ высшая отвлеченность — чувствованіе. Эти двѣ стороны бытія заключаютъ въ себѣ всѣ явленія міровъ внѣшняго и внутренняго, и вся работа философіи сводится къ тому, чтобы найти то звено, которое соединяетъ міръ движенія съ міромъ чувствованія и создаетъ изъ нихъ одно неразрывное цѣлое - міръ бытія. Тотъ и другой міръ были открыты для человѣчества наукою и философіей только сравнительно въ недавнее время, и пока громадное количество людей сходитъ въ могилу, не подозрѣвая ихъ существованія; но тѣмъ не менѣе человѣчество, хотя и смутно, предчувствовало истину и соображалось съ ней въ своей первой инстинктивно-творческой работѣ при созиданіи корней. Насколько являются эти отвлеченности величайшимъ произведеніемъ человѣческаго воспитанія и развитія ума, настолько въ высшей степени интереснымъ представляется намъ изслѣдованіе той черной работы, гдѣ уже мы видимъ зародыши всего того, что послѣднее время желало бы приписать себѣ одному. Безъ языка мы никогда ничего не могли бы сказать о томъ историческомъ пути, по которому успѣлъ человѣкъ возвыситься отъ явленій непосредственныхъ и конкретныхъ къ самымъ отдаленнымъ и отвлеченнымъ

понятіямъ. Для насъ навсегда осталось бы загадкою, что происходило въ душѣ человѣка, когда онъ создавалъ имена для Бога, души, неба, когда онъ называлъ различными именами разнообразнѣйшія явленія природы. Во многихъ случаяхъ мы слишкомъ высоко цѣнили бы величіе его духа, въ иныхъ на оборотъ онъ изумлялъ бы насъ своей ничтожностью и вялостью; однимъ словомъ, человѣкъ былъ бы какимъ-то Протеемъ, вѣчно измѣнчивымъ и подверженнымъ дуновенію судьбы, ему совсѣмъ неизвѣстной, — а не твореніемъ той вѣковѣчной силы, которая на все подъ именемъ закона наложила отпечатокъ своего ума.

Чѣмъ выше кажутся намъ понятія о движеніи и чувствованіи, тѣмъ проще тѣ средства, при помощи которыхъ первобытный человѣкъ выражалъ свои первыя впечатлѣнія, неимѣвшія, конечно, ничего общаго съ тѣми философскими опредѣленіями, которыхъ мы требуемъ въ настоящее время.

Движеніе, происходящее въ пространствѣ безпрерывномъ, конечно, сопряжено съ большимъ или меньшимъ шумомъ; и на самомъ дѣлѣ, именно этотъ признакъ далъ названіе цѣлому разряду корней и словъ, обозначающихъ движеніе.

Но раньше чѣмъ говорить о звукахъ, подражающихъ природному шуму, мы должны хоть въ немногихъ словахъ упомянуть о постепенномъ развитіи звуковъ человѣческой рѣчи. Дарвинъ (*) полагаетъ, что человѣческій языкъ произошелъ изъ незначительнаго измѣненія (modificatin) и подражанія въ видѣ различныхъ природныхъ звуковъ голосамъ остальныхъ животныхъ и собственныхъ человѣческихъ инстинктивныхъ криковъ, сопровождавшихся знаками и жестами (**) Съ его мнѣніемъ мы вполнѣ согласиться

(*) Ch Darwin The Descent of Man 1874 p. 87 и д.

(**) Обстоятельную критику подобныхъ взглядовъ представилъ M Muller въ „Lectures on M. Darwin philosophy of Language.“ Fraser Mag Mai 1873.

не можемъ, такъ какъ подобная форма подражанія слишкомъ груба и не соотвѣтствуетъ той умственной работѣ, которую мы замѣчаемъ въ первое время образованія рѣчи; тѣмъ не менѣе мы должны признать принципъ подражанія за руководящій, конечно, какъ видно будетъ изъ самой работы, далеко въ другомъ смыслѣ, чѣмъ предполагаетъ Дарвинъ. Гербертъ Спенсеръ, (*) говоря, что „языкъ сначала состоялъ изъ символовъ, похожихъ на предметы символизуемые, насколько это возможно,“ гораздо лучше намекаетъ на дѣйствительную форму подражанія въ языкѣ. Слѣдуя Дарвину, мы ожидали бы, что наиболѣе распространеннымъ будетъ въ языкѣ тотъ звукъ, который въ природномъ шумѣ занимаетъ первое мѣсто. Но мы убѣдимся, что совсѣмъ другія причины произвели первый звукъ и что всегда было величайшимъ затрудненіемъ для человѣка опредѣлить подражательнымъ звукомъ глухой гулъ природы. *Языкъ развился по линіи наименьшаго препятствія*, т. е. тѣ звуки были первыми, которые требовали для горла сравнительно малаго напряженія и ловкости Первыя произведенія человѣческой рѣчи можно наблюдать въ языкѣ дѣтей и дикарей. Человѣчество имѣло также свой дѣтскій возрастъ и нѣтъ причины сомнѣваться, что первые звуки, свойственные этому возрасту, повторяются постоянно на нашихъ глазахъ въ несвязномъ лепетѣ ребенка. Въ послѣднее время ученые много занимались дѣтскимъ языкомъ. Тэнъ въ своей замѣчательной статьѣ (**) нашелъ у наблюдаемаго имъ ребенка, что первыми его звуками были pa и tem, конечно, такими звуками, которымъ ребенокъ уже только впослѣдствіи придавалъ какое нибудь

(*) Essays 1868 I 149.

(**) H. Taine: Note sur l'acqisition du langage chez les enfants et dans l'espèce humaine. Revue Philosophique I. p. 5—23.

значеніе. „Рара долгое время дѣвочка произносила безъ всякаго намѣренія и значенія, какъ простое сочетаніе, какъ соединеніе легкое и забавное. Только уже позже, когда связь между именемъ и представленіемъ предмета окрѣпла, картина или представленіе объ отцѣ всегда вызывало соотвѣтствующіе звуки „рара“. Съ нимъ согласенъ Шульце, который въ своей книгѣ (*) представилъ въ такомъ порядкѣ дѣтскій алфавитъ: p, b, m, f, w, d, n, l, s, —ch, j, sch (=ш), r, ng, k, g. Изъ гласныхъ первыми звуками являются ä, o, u. Дитя въ этомъ возрастѣ очевидно не подражаетъ звукамъ, а изобрѣтаетъ ихъ (**) и, добавимъ мы, сравнивая изобрѣтенные звуки съ природными, составляетъ изъ нихъ свой языкъ. *Поэтому подражаніе будетъ уже второю степенью при развитіи языка, которой предшествуетъ механическая выработка самыхъ легкихъ звуковъ нашего алфавита.* Много первоначальныхъ словъ получило свое названіе именно изъ этого источника. Большинство этимологовъ на вопросъ, отъ чего происходитъ греческ. слово πατήρ отецъ, отвѣтятъ вамъ съ полною увѣренностію: отъ сскр. корня pâ (***) — кормить, который сохранилъ свое значеніе въ греч. гл. πατέομαι и слѣдовательно πατήρ значитъ „кормилецъ“. (****) Конечно, этимологія эта въ высшей степени хорошо

(*) Dr. Fritz Schultze die Sprache: des Kindes 1880.

(**) Sayce: Introduction I c 96.

(***) Taine l. c. p. 10. Curtius Et 270.

(****) Ср наше питать. Въ сскр. имѣемъ два корня pâ съ значеніями: a) защищать, охранять, господствовать, b) поить, пить, (grossman RV стр. 798 и проч.) Отъ этого послѣдняго корня происходитъ несомнѣнно сскр. pota дѣтеныш, putra сынъ= по значенію нашему питомецъ (pa, pi—значило сначала и кормить и поить), нѣм. Saugling (наше сынъ?) Ср. греко-латинскія слова; πατίς pu-er, puella вм. puer-ula, paulus малый и проч. Точно такое значеніе имѣютъ слова: наше дочь греческ. θυγάτηρ, лат. filius сынъ, filia дочь., нѣм. Tochter, лит. dukte происходящія какъ и сскр. duhitar отъ корня dhâ, кормить, поить, ср. наше доить и слова дитя, дѣва. (Curtius Et. 252.)

соотвѣтствуетъ нашему понятію объ отцѣ, но исторически она совершенно невѣрна: πα въ πατήρ имѣетъ такъ же мало общаго съ πα въ глаголѣ πατέομαι—ѣмъ, какъ и съ тѣмъ же сочетаніемъ въ гл. πατέω—иду. Всѣ три слова происходятъ отъ легчайшаго сочетанія звуковъ pâ, при чемъ πατέω—иду имѣетъ характеръ подражательнный, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ грубою ошибкою производить ихъ одно отъ другаго. Кого не убѣдитъ дѣтскій языкъ въ томъ (впрочемъ у Тэна дѣвочка, какъ и наши дѣти, требуетъ пищу звуками ham), что ребенокъ не называетъ своего папы отъ папать (ѣсть), какъ это дѣлаютъ этимологи, тотъ пусть возьметъ въ руки хоть книгу Lubbock (*) и старательно прочтетъ всю главу о языкѣ. Тамъ всякій убѣдится изъ перечня нѣсколькихъ сотъ племенъ неарійскаго происхожденія, что почти всѣ дикіе народы называли отца корнями pa, fa, ba, конечно, ничего не думая о значеніи этихъ звуковъ. Pa или удвоенное papa встрѣчается тамъ 27 разъ, начиная формами pa, ap, и постепенно переходя къ формамъ pcha, apa, appa, pappu, apu, paj, и pakí, pajka, padcho, и проч. Еще чаще является тотъ же корень въ видѣ придыхательнаго fa съ такими же перестановками и прибавленіями звуковъ. Но значительное большинство дикихъ народовъ называетъ папу „baba„ (57 разъ), abba, tba, baby, bara, bagaj, ubaba, и пр. У другихъ такимъ же основаніемъ для дальнѣйшаго образованія служатъ сочетанія da, dada, ta, tata, atta, attata и проч. (Полокъ (*) на девятомъ мѣсяцѣ дѣтской жизни замѣтилъ первые

(*) Начало цивилизаціи стр. 300—325 Ср. Tylor: Origin of the Culture Chap VI Антропологія стр. 126 ср. IV. Saysce II 17. Шерулъ Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ. II 17. и ст.

(*) Mind 1881 p. 437.

отчетливые звуки: da, da, na, na, а вскорѣ затѣмъ ba, ba, wa, wa, при чемъ казалось, что пріятныя впечатлѣнія вызываютъ da, da, непріятныя—na, na.) Наше отецъ такимъ образомъ произошло отъ ta, at, ot; форма ot была въ старочешскомъ; отца по чешски пока въ простанародьи называютъ táta, какъ и въ скр. языкѣ=рус. тятя. Читатели Гомера отлично знаютъ изъ Ил. VI 412 сл. τέττα, что отлично можемъ перевести нашимъ батюшка или дѣдушка. Не иначе, конечно, слѣдуетъ судить о происхожденіи слова „мать.“ У Lubbock-а изъ 145 названій матери 36 имѣютъ сочетаніе ma или am, около 40 pa, pi, po ,pe и проч., около 20-ти ijaje, je, ja и пр., около десятка ba, bibi и пр., такъ что опять слову мать нельзя приписывать никакого другаго значенія кромѣ легчайшаго природнаго крика. Конечно, мы охотно соглашаемся съ Пиктетомъ (*) въ томъ, что хотя корни pâ—защищать, tueri и mâ—производить не имѣютъ ничего общаго съ этими двумя инстинктивными словами, однако можно допустить стремленіе древняго языка означать отца, какъ защитника семейства, и мать, какъ родительницу. Но это могло случиться уже тогда, когда тотъ же древній языкъ позабылъ первоначальное происхожденіе словъ и перенесъ значеніе, которое придавалось понятіямъ отецъ и мать, на слова давно уже готовыя. Курцій (**), желая доказать вопреки всѣмъ даннымъ антропологіи, что mátar ножъ и mâtar мать происходятъ отъ корня ma—рѣзать, мѣрить, видитъ важное обстоятельство въ томъ, что mátar ножъ въ Ригведѣ мужескаго рода; намъ кажется наоборотъ, что именно это обстоятельство свидѣтель-

(*) Pictet Les Origines Indo-Européennes III. 33.
(**) Et. p. 333.

ствуетъ противъ одинаковаго происхожденія этихъ словъ. (*)

Число такихъ дѣтскихъ корней весьма незначительно, и большинство ихъ въ позднѣйшій періодъ рѣчи или осмыслено, или вовсе утрачено. Только послѣ этого дѣтскаго періода въ образованіи языка наступаетъ подражаніе. При этомъ однако не слѣдуетъ забывать, что человѣкъ пріобрѣлъ уже извѣстный алфавитъ, который очень не богатъ въ сравненіи съ обиліемъ оттѣнковъ природныхъ звуковъ. Изъ такого-то скуднаго матеріала онъ долженъ построить слова для обозначенія всѣхъ своихъ понятій въ постепенномъ ихъ развитіи. (*)

(*) Изъ названій кровныхъ родственниковъ (отецъ, мать, дѣтъ, бабушка, дядя тетя) только названіе брата и сестры имѣютъ совсѣмъ другое происхожденіе. Братъ, лат. frater, гр. φράτηρ, нѣм. Bruder, лит. bro-lis -сскр. bhrâtar, зенд. brâtar происходитъ отъ корня bhr=φέρω fero, несу (беру), кормлю, такъ что bhrâtar значило кормилецъ семейства за смертью отца. Сестра, латин. soror, нѣм. Schwester имѣетъ въ сскр. форму svasar и равняется по значенію нашему своячница.

(*) ПРИМѢЧАНІЕ 2-е Алфавитъ научный имѣетъ совсѣмъ другой порядокъ и постепенность. Такъ какъ матеріалъ рѣчи воздухъ, то первымъ звукомъ можемъ считать тотъ звукъ, на который тратится наибольшее количество легочнаго воздуха, а послѣднимъ тотъ, который на свое произношеніе расходуетъ самое незначительное количество того же воздуха При первомъ звукѣ ротъ долженъ быть широко открытымъ, при послѣднемъ на мгновеніе совсѣмъ закрытымъ. „Первый звукъ алфавита—а, послѣдній—b, р. Каждый алфавитъ начинается звукомъа; ибо это основной звукъ человѣческой рѣчи, чистѣйшее звуковое произведеніе легкихъ и горла. Если откроемъ ротъ и горло какъ можно шире и устранимъ съ дороги все, что могло-бы мѣшать ходу голоса, услышимъ этотъ звукъ. Этотъ наиболѣе открытый звукъ (tone) мы можемъ измѣнять различнымъ образомъ, съуживая горловое пространство на различныхъ мѣстахъ и въ различной степени. Самое легкое измѣненіе звука, совершенно передѣлывающее его въ качественномъ отношеніи, не лишаетъ матеріала его пробладающаго вліянія и даетъ начало звукамъ, которые мы называемъ гласными. Но мы можемъ горловое пространство съузить на столько на обоихъ концахъ его, что треніе (friction) отъ дыханія, продирающагося какимъ нибудь отверстіемъ, образуетъ замѣтный элементъ звука; вслѣдствіе этого звукъ будетъ уже совсѣмъ

III.

Природный шумъ былъ весьма удобнымъ пособіемъ для дальнѣйшаго образованія рѣчи, такъ какъ человѣку предстояло только подражать природному звуку подходящимъ звукомъ своего голоса. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, замѣчая полетъ птицы, подражаетъ своимъ голосомъ шуму, происходящему отъ глухаго удара крыльевъ, сочетаніемъ звуковъ pat, конечно очень похожихъ на такой шумъ и начинающихся самымъ легкими звукомъ природнаго алфавита. Всякое тѣло, ударяясь глухо о землю, производитъ такой же шумъ; такимъ образомъ корни pad и, pat — чисто подражательные всѣмъ природнымъ шумамъ, имѣющимъ какое-нибудь сходство съ ударомъ крыльевъ (pat), или ноги объ землю (pad). Если бы языкъ остался на этой степени развитія, то ему пришлось бы образовать несмѣтное количество своихъ звуковъ, и всѣ предметы и дѣйствія получили бы названіе отъ своего шума.

другаго рода, шипящая согласная (africative consonant). Съуживаніе органа мы можемъ продолжать до полнаго закрытія, и тогда элементъ формы, т. е. измѣненіе рта станетъ вполнѣ преобладать надъ матеріаломъ—звукомъ; мы слышимъ ясно звукъ въ этомъ случаѣ только тогда, когда закрытіе рта кончается, и мы называемъ такое произведеніе нѣмымъ звукомъ.

Эта короткая замѣтка даетъ намъ планъ, по которому долженъ быть устроенъ систематически каждый человѣческій алфавитъ. Онъ долженъ начинаться совершенно открытымъ *a* и кончаться совершенно закрытыми нѣмыми, это его природные и необходимые предѣлы Теоретически возможно несмѣтное количество закрытій по-

Но именно въ томъ-то и можно видѣть великую силу первоначальнаго слова, что языкъ, лишь только пріобрѣталъ корень для одного разряда признаковъ, какъ тотчасъ старался обозначить этимъ корнемъ все, что имѣло какую нибудь логическую связь съ первымъ понятіемъ.

Отъ этого корня получили названіе всѣ тѣ *дѣйствія*, при которыхъ слышенъ былъ шумъ pat или pad.

1. Сскр. корень pad имѣетъ значеніе и ходить (шагать), и падать, при чемъ оба эти понятія соединяются общимъ признакомъ глухаго удара предмета о землю. Лат. supinum pessum вм. pettum (ire или dare)=сскр. fnt pattum значитъ упасть, погибнуть, ср. существ. pes-tis вм. petpet-tis, русское на-пасть, пасть т. е. ловушка и нѣм. глаг. fassen хватать, чеш. popadnouti. Корень pat обозначалъ въ сскр. летать, падать, при чемъ говорилось такъ не только о полетѣ птицъ, но и о быстромъ движеніи боговъ по воздуху на ихъ колесницахъ, о движеніи стрѣлъ, молніи, огня, вѣтра, дождя и проч. Мы видимъ, что корень pat, подражающій глухому удару, получаетъ въ этихъ примѣрахъ новое значеніе, *признакъ шума расширяется признакомъ движенія, соединеннаго съ тумомъ pat(d)*. Особенно греч. πίπτω, падаю, весьма рельефно обозначаетъ своимъ удвоеніемъ (πετ-πετ,

---

лости рта, производящихъ нѣмые звуки, начиная съ губъ въ глубь горла настолько, пока возможно какое нибудь сближеніе органовъ, на практикѣ же мы замѣчаемъ только троекратное закрытіе; въ передней части рта сближеніе губы съ губою, образуя закрытіе рта, производитъ p, на самой задней части рта подвижная поверхность языка, дотрогиваясь до мягкаго неба, образуетъ небное (или горловое) закрытіе, производящее k и наконецъ, въ серединѣ между тѣмъ и другимъ, кончикъ языка, касаясь неба вблизи переднихъ зубовъ, образуетъ зубное закрытіе и производитъ t.“ Whitney Life of L p. 60 и сл.

(*) Curtius Et. 210. 245. Fick W I 133. 361. 658. II. 142 grassmann RV 761.

πιτ-πετ, πιπετ, πιπτ) *быстроту движенія*. Уже въ сскр. яз. pat имѣетъ значеніе спѣшить, торопить, быстро бросать, ср. латин. pet-ere стремительно двигаться, устремиться, нападать, какъ и въ сскр. сложномъ глаголѣ pra-pat, сохранившемъ свое значеніе въ лат. prae-petes aves, отлично, быстро летающіе птицы, въ гречес. προπετής стремительный. Быстро летающій называется по гречес. ὠκυπέτης, лат. acci-pit-er ястребъ. Изъ значенія устремиться произошло въ нѣм. яз. значеніе найдти въ глаг. finden, т. е. напасть на слѣдъ. Видъ летающей птицы съ распростертыми крыльями сообщилъ этому корню значеніе распростирать, расширять въ греч πετ-άννυμι, лат. pandere и pat-erê. Совсѣмъ новое значеніе пріобрѣтаетъ этотъ корень въ сскр. pat, лат. potior, равномъ по значенію и этимологіи чеш. гл. panovati, русскому сложному гл. гос-подствовать. Эти глаголы этимологи считаютъ происшедшими отъ существительныхъ pati, πόσις, чеш. pán отъ глаг. корня pa—питать. По причинамъ, которыя намъ вполнѣ выяснятся при корнѣ *ga* ходить, мы считаемъ этотъ корень pat властвовать дальнѣйшимъ развитіемъ корня pat—наступать на землю, посредствомъ понятій занять мѣсто, покрытое ногою, владѣть, и пр. Ср. лат. pos-sum изъ pot(is)sum. Аналогически развилось значеніе глагола possidêre нѣм. besitzen изъ корня sad-сидѣть=нашему сидѣть на землѣ т. е. занимать, имѣть, какъ и греч. πάομαι пріобрѣтаю изъ pat.

Во всѣхъ нашихъ примѣрахъ измѣнялось одно значеніе, форма же корня pat(d) сохранена. Если отбросимъ зубную t, останется pa, сочетаніе хорошо передающее глухой ударъ предмета о землю, но почти совсѣмъ уничтожающее картину полета птицъ; потому мы должны считать pa=pat, ударять, падать, но pa<pat летать. Ба самомъ дѣлѣ pa, какъ видно изъ сскр. существитель-

(*) Curtius Et. 211. Fcik W I. 659.

ныхъ pavi шина, pavîra копье, какъ орудіе удара, изъ гречес. παίω, лат. pavio, ударяю, pavîmentum=франц. pavé мостовая т. е. битая дорога, заключало въ себѣ такое значеніе.

Корень рак (g) изображаетъ шумъ гораздо сильнѣе, чѣмъ pat (d) въ лат. pango отъ корня pag=πήγ-νυ-μι, значеніе котораго ясно видно изъ πάσσαλος вм. πακ-ιαλος гвоздь и лат. pâ(g)lus, столбъ забитый въ землю. Наше *скрѣпить подписью* показываетъ, какъ произошло изъ pag бью, – pâciscor заключаю договоръ, pax миръ, pig-nus залогъ. Въ pâgus деревня преобладаетъ значеніе постройка и въ pagîna, страница—соединеніе. Изъ рак прикрѣплять, соединять, сколачивать (ср. лат. conpâges плотина) развилось понятіе вязять, живое пока въ нѣм. сл. Vieh изъ гот. сущ. faihu, скотъ, т. е. связанное животное, ср. скр. paçu, лит. pekus и лат. pecus, pecûnia деньги. Ср. наше пасти=скр. pas. Сравнивая по значенію чешское doBytek, скотъ=этимологически нашему добыча, мы можемъ предполагать, что paçu имѣло значеніе добра, отнятаго силою. Труднѣе объяснить тотъже корень *pak* въ значеніи варить, печь, скр. pac, греческ. πέσσω изъ πέκιω, лат. coquo вм. poquo (ср. penque, πέντε), греч. πόπ-ανον калачъ, лат. pâ(c)nis хлѣбъ=чешскому pecen (рак=смягчать пищу какъ и пахать=смягчать, рыть землю).

Также позднѣйшія формы этого корня сохраняютъ первоначальное значеніе; такъ лат. pungo, pu-*pugi* отъ корня pug, греч. πύξ, лат. pug-nus кулакъ, pugnâre сражаться нѣм. fechten, πυγών локоть, pugio кинжалъ, pugil, πύκτης кулачный борецъ заключаютъ въ себѣ понятіе ударить. Греч. Πνύξ (πυκ), кремль собственно значитъ крѣпко утоптанная насыпь, πεύκη, нѣм. Fichte пихта колючее (pungo), острое дерево, ср. πικρός острый, горькій.

Pungo отъ формы корня pig имѣетъ значеніе колоть, ср. наше

Curt 267. 465. 286. Fick I 133. 637. II. 154. Grass. 758.

пихать, писать, лат. pinso, греч. πτίσσω, скр. pish дробить, песокъ, пшено и проч. Французское pic служитъ названіемъ острой горы. Нашему пшено отвѣчаетъ греч. πτίσανον; также наше пѣшкомъ, пѣшій, чешское pěchovati, т. е. топтать, происходятъ отъ корня pak, ср. наше пичкать, чеш. пѣшина (стезя), лат. pi(g)lum толпа. Орудіе рѣзанія, пила лит. peilis ножъ, какъ видно изъ лит. формы piuklis имѣло основу pig. Чеш. pikle=лат. in-sidiae козни; лат. безличный глаголъ *pig-et* имѣетъ собственно значеніе меня колетъ, и равняется чеш. гл. pyk-ati Ср. лат. peccâre, pêjor, pecjor, вм. pessimus.

Тотъ же корень pa(g) въ переносномъ смыслѣ пріобрѣтаетъ значеніе *пугать*, греч. πτοέω, лат. paveo. Лат. pat-ior (гр. pudet me) значитъ меня бьютъ, я страдаю какъ и греч. πάσχω, ἔπαθον, наше печалиться, печ-аль.

Обратимся отъ названій дѣйствій къ названіямъ предметовъ, имѣющимъ свое имя отъ корня pat.

a) *Орудіе удара. Крыло* по скср. называется pat-man pat-ra, греч. πτερόν, πτέρυξ, лат. penna вм. pet-na старолат. pesna, ср. ἔ-πετ-ον вм. ἑπετον), сл. перо вм. птеро, нѣм. feder, fittig изъ fetah, πτίλον, лат. pîlus пухъ. *Нога* по скср называется pâda(s), дус. пята (рус пясть=нѣм. faust), южносл. pet, peta, нѣм. Fusz изъ гот. fôtus Pad обозначало не только ногу, но и путы, которыми связывалась нога, въ греч. πέδη нѣм, Fessel, цсл. панто, такъ что наше путать равняется по значенію лат. im-*ped*-îre пре-*пят*—ствовать, и обувь въ скр. pâd-ukas.

b) Мѣсто, на которое наступаемъ, называется по скр. padá-m (собственно шагъ, лат. pas-sus, поэтому и часть стиха, стопа такъ называется, какъ одинъ шагъ, одно удареніе ногою объ землю во время пѣнія божественныхъ стиховъ), греч. πέδον, πεδίον, нѣм. Boden,

Curt 498. 245. Fick I. 135 362. 659. II. 151 600. III. 171. Grassm. 770.

чеш. pûda, лат. peda, ср нашъ предлогъ *подъ*=humi Укрѣпленное мѣсто по сскр. pat-tana называется по лат. op-pid-um, нѣм. Feste. Дорога имѣетъ названія: въ сскр. pathá-s, pantha, path и пр., греч. πάτος, πόντος съ значеніемъ море, какъ соединяющее своимъ путемъ разные берега, лат. pons, мостъ, рус. путь изъ пантъ, нѣм. Pfad. Ср пучина изъ панчина.

c) *Предметы, двигающіеся съ подобнымъ шумомъ:* Сюда относится большинство именъ для птицы: сскр. pát-a-tram, pattram и пр., patrin (соколъ), греч. πετεηνός, лат. pullus вм. putlus, нѣм. put цыпленокъ. Но нигдѣ это слово не имѣетъ такого разнообразія формъ, какъ въ славянскихъ языкахъ: цсл. пта, пьтахъ и пр., наше птица, чешское птакъ, сербское тица рядомъ съ птица и пр. Ср. староир. etn вм. petn (ete крыло.) Сскр. padi служило названіемъ для вьючнаго животнаго и сохранилось въ лат pedis, pediculus.

d) Предметы двигающіеся, *но безъ шума pat*, такъ какъ шумъ, который они производятъ, вовсе не похожъ на шумъ поднимающейся къ небу птицы, или упавшаго на землю камня. Сюда принадлежитъ греч. слово ποταμός рѣка, которое большинство этимологовъ производитъ отъ корня pa пить совсѣмъ невѣрно. Не говоря уже о томъ, что у Гомера называется рѣка не разъ διπετὴς ποταμός (Il. XVI 174 и п.), нѣтъ никакой разумной причины отдѣлять это слово отъ корня πτα, πέτομαι, если того не требуютъ причины этимологическія. Всѣ соглашаются въ производствѣ слова ποτμός, судьба отъ πέτομαι, съ другой стороны имѣемъ слова, какъ напр. χηραμός пучина отъ χαίνω съ суфефиксомъ—αμός, который будучи прибавленъ къ усиленному корню πετ въ ποτ, отлично образуетъ слово ποταμός, при чемъ не нужно прибѣгать къ ирраціональному звуку τ. Если намъ

Будилов I. 165 Pictet I. 584. Fik I 658 Curt. 210. Gras. 761.

удастся найдти въ продолженіи нашей работы названія для рѣки, пріобрѣтенныя изъ признака движенія птицы, какъ здѣсь, тогда наше предположеніе будетъ несомнѣннымъ, пока намъ кто нибудь не укажетъ на другія названія рѣки, имѣющія свое начало въ понятіяхъ поить или пить. (Ποταμός тогда=поило или пиво!)

Въ новомъ разрядѣ словъ, производимыхъ отъ этого корня, сохранился только одинъ признакъ движенія—*направленіе*, признакъ во всякомъ случаѣ не имѣющій ничего общаго съ его началомъ—шумомъ pat. Πέτρα въ значеніи нависшей скалы (ср. чешское patro, верхняя часть дома) относится къ πέτης, падающій камень, какъ πέταλον листъ на деревѣ къ πτίλον, летающій пухъ. Греч. πέτ-ασος. широкая шляпа, πέτασμα, занавѣсъ, о-пон-а, πατ-άνη миса, лат. patera, pat-ina получили свое названіе отъ неподвижной картины широко распростертаго крыла (πτέρυξ). Благодаря такому кругу понятій и греч. πτελέη вязъ= arbor patula, вѣтвистое, широко раскинувшееся дерево, принадлежатъ къ основѣ πετα, πετάννυμι, лат. pateo. pate-facio. Аналогически образовалось, по всей вѣроятности, и чешское strom, дерево, отъ корня star, лат. sterno простирать. Нѣм. faden нить изъ fath-m находимъ въ староир. etem=pet—em.

Можетъ показаться страннымъ, что при такомъ обиліи словъ отъ корня pat въ сскр. и древнихъ языкахъ, нашъ обыкновенный корень для сильнаго удара *багъ* вм. bat, не далъ почти ни одного слова. Фактъ этотъ весьма интересенъ, такъ какъ бросаетъ яркій свѣтъ на историческое происхожденіе нашего алфавита. Чистое *b* безъ придыханія встрѣчалось въ сскр. языкѣ весьма рѣдко и почти исключительно въ словахъ подражающихъ крику и реву животныхъ, на пр. barbara-s=βάρβαρος, лат. ballus, balb-ût-î-re, наше варваръ подражающее непонятному говору

Curt. 211. 291. Fick I 151. 378. Grass. 897.

чужихъ людей, bukk лаять, bukkâra ревъ льва, ср. наше быкъ, цсл. буч-ати, гомерическое βύκτης ἄνεμος буря, βυκάνη = bucinum труба, bucca надутая щека; barhita ревъ слона, ср. англ. to bark лаять, наше брехать, греч. осн. βραχ-βληχή мычаніе, bababâ подражаніе шуму огня, ср. греч. βαβάζω, βομβέω шумѣть; ср. bimba, фр. la bombe, наше бомба, бубенъ и пр. Кромѣ этихъ словъ остается весьма мало выраженій, которыя не имѣли бы характера чистѣйшаго подражанія и которыя могли бы мы сравнить съ корнемъ pat. Остаются корни: badh bamh, budh, и barh. Выше мы имѣли корень pak вяжу и pak бью, при чемъ мы показали на связь между этими понятіями. Корень ba(n)dh въ сскр. также обозначаетъ вязать и мы навѣрно не ошибемся, если предположимъ, что первое значеніе этого корня было = нашему бод—ать, т. е. ударять о землю, какъ о томъ свидѣтельствуетъ сскр. budh-nas = греч. βυθ-μός, βυσσός, πυθμήν, лат. fundus почва, земля, по которой мы ходимъ. Изъ badh вязать имѣемъ въ греч. πείθω, πιθ, ср. πίθος образовавшеся какъ нѣм. Fass бочка отъ pat, (чеш. пут-на), лат. fido и пр., fid-êlia боченокъ, ср. нѣм. binden, Bett, англ. bed, происшедшее отъ bid вязать, какъ и греч. δεμνίον кровать отъ δέω вяжу. Πείθω такимъ образомъ значитъ вязать душу (θυμὸν, φρένας), уговаривать. Ср. еще fidês, πίστις довѣріе и foedus, при чемъ foedus: fid = pax: pak. Нѣсколько дальше лежитъ значеніе сскр. основы *budh* проснуться, живое въ нашемъ будить, бодрый, нѣм. bieten; можетъ быть, оно имѣетъ также начало въ гл. бодать, т. е. разбудить толчками.

Во всякомъ случаѣ изъ нашего перечня видно, что звукъ *b* имѣлъ въ сскр. весьма слабое развитіе и что онъ принадлежитъ къ періоду гораздо позднѣйшему, чѣмъ звукъ *p*, или другими словами въ большинствѣ случаевъ звукъ *b* позднѣйшаго

Curt 261. Fick I 689. Grassm 934.

происхожденія, какъ замѣненіе звука *p*. Греческое πέτομαι бью крыльями передается въ французскомъ языкѣ фразою bat-tre des ailes, при чемъ, какъ видно изъ прибавленія ailes, французъ уже болѣе не чувствуетъ полнаго значенія звукоподражательнаго battre. Этому глаголу отвѣчаетъ наше бить и bat-tre: бить=πατ (πέτομαι): παίω или pa-vio бью. Ср. bat-aille, *бой*, сраженіе изъ лат. bat-u-alia маневры отъ гл. bat-u-ere бить.

Въ лат. яз. имѣемъ гл. fodio, копаю, fossa ровъ, ср. греч. βαθύς, βένθος βόθρος яма; какъ выше въ переносномъ смыслѣ изъ pat произошло pud-or, стыдъ, такъ здѣсь изъ bad лат. fas-tus вм. fadtus гнусный (лит. bos-tus, fastidium гнусность, наше бѣда лит. bad-as голодъ. (англ. bad дурной). Съ *реси* скотъ отъ корня. *рак* мы сравниваемъ лит. banda стадо, сскр. bandhu община, греч. πενθερός родственникъ. Наше би-ть отъ корня *ba* распространилось въ греч., ирскомъ и старон. яз. въ ben, какъ видно изъ греч. πέ-φα-μαι я убить, ἔ-πε-φν-ον я убилъ, Ἀρηί-φατος убитый Аресомъ, староирскаго *ben* бить, bás смерть, гот. ban-ja рана и пр.

Приращеніе звука *s* къ корнямъ, явленіе весьма обыкновенное, напр. наше стонать, греч. στένω отъ корня tan, лат. tonare, въ нашемъ смертный, лат. mortuus, греч. βροτός отъ корня mar и пр. Этимъ приращеніемъ языкъ достигаетъ облегченія выговора тяжеловѣсныхъ звуковъ.

Звукъ *s* навѣрно развился сравнительно поздно и въ рѣдкихъ словахъ можетъ считаться звукомъ кореннымъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ преобразовался изъ придыханія, и поэтому слѣдуетъ его разсматривать, какъ звукъ придыхательный, подобно греческому густому придыханію или нашему х. О перемѣнѣ х въ s можемъ убѣдиться изъ данныхъ нашего языка, напр. смѣсь=

Curt. 474. 299. Fick I. 688. II. 164. Grimm ge 406.

μίξις происходитъ отъ сл. корня мих-(помѣха), при чемъ чеш. михать: μίγ-νυ-μι=пихать (изъ чего писать): ping-o. Далѣе *s* образовалось въ многихъ случаяхъ изъ звука k (κλέος, слава), но не непосредственно. Здѣсь сначала произошло смягченіе звука *k* посредствомъ придыханія (kh—ch) въ x и затѣмъ уже перемѣнена въ s. Наконецъ *s* представляетъ собою простое измѣненіе стариннаго звука t, которое должно непремѣнно послѣдовать изъ причинъ физіологическихъ, если постараемся выговорить звукъ t протяжно. По всей вѣроятности s передъ глухими звуками произошло изъ x=ç, какъ видно изъ зендскихъ словъ çpaç, çpar и пр. и является такимъ образомъ простымъ придыханіемъ Такъ образовались корни: сскр. spand трясти, греч. σφαδάζω изъ *pad* значеніе бросать, ударять сохранилось въ словахъ σφενδόνη, лат. funda праща, *быстро бѣжать* въ σφοδρός быстрый. Спѣшить по греч. σπεύδ-ειν, прилежаніе σπουδή отъ чего и лат. studêre studium вм. spudium, какъ напр. въ греч. яз. имѣемъ στάδιον ристалище вм. σπάδ-ιον, ср. лат. spat-ium пространство, и наше подъ *стуг*омъ, spat-iâri гулять, изъ чего нѣм. spazieren. Лат. spissus вм. s-pit-sus значитъ густой, ср. лит. spis-ti=pins-ere. Нѣтъ сомнѣнія, что сскр. корень sphâ тянуть, зенд. çpâ, греч. σπά-ω, тяну, нѣм. spannen произошло изъ корня spa-t. Ср. наше у-спѣвать собств. дотянуть, лат. spês, надежда, собственно просторъ (нашей мысли), успѣхъ. Лат. sponte (meâ sponte)=studium, чеш. popud, pud (инстинктъ) отъ гл. пудить=побуждать. Φθάνω произошло изъ σπτά-νω вслѣдствіе перехода придыханія.

Корень spaç зенд. çpaç, по значенію=греч. πήγ-νυμι, тѣснить, давить, *вязать*, ср. греч. σφίγγω Σφίγξ=нашему кошмаръ. *Капля*, падающая на землю, называется по лит. s pak as, по греч. ψεκός. Изъ *pak* вязать скотъ развилось значеніе смотрѣть за ско-

Curt: 247, 272. 704. Fick. II. 279: Буд. I 194. Pict. I. 472. Fick. II 748.

томъ, ср. наше пасти; тоже самое случилось у формы корня spak, которая получила значеніе *смотрѣть за*, какъ видно изъ греч. σκέπτομαι, вм. σπέκ-τομαι лат. spec-io (haru-spex, auspex и пр.), нѣм. spehen шпіонить Зенд. çpaça сторожъ, собака повторяется въ нашемъ несъ. Въ нашемъ спѣшить отъ кор. спех—доспѣхи, успѣхъ и проч., *сохранилось значеніе движенія.*

Происхожденіе корня *pat* отъ подражанія естественному шуму, находитъ свое особое потвержденіе въ томъ, что и его переставка *tap* (*dap*) служитъ звуковымъ выраженіемъ почти для однѣхъ и тѣхъже понятій, какъ корень pat. Нѣмецкое междометіе *top,* обозначающее ударъ руки объ руку и наше *топ*тать, чешское tápati, т. е. медленно шагать, и tepa-ti суть живые свидѣтели его происхожденія. Ср. греч. τύπ-τω, τυπ-άς молотъ, τύμπανον барабанъ, наше топ-оръ, сскр. tup, tump ранить. Въ сскр. распространилось stumpati съ тѣмъ же значеніемъ изъ первоначальнаго tup, звукомъ s, какъ и славянское ступать, стопа и пр., и носовымъ звукомъ, какъ наше тупой отъ корня тапп=битый, (дуракъ).

Въ сскр. staḃh, stamḃh значитъ укрѣплять, опирать, наконецъ и вязать и навѣрно произошло изъ tap ударять, какъ видно изъ нашихъ русскихъ словъ, и изъ нѣмецк. Staḃ палка, англ. stiff, ср. лат. stip-es, греч. στείβω иду, στίβος дорога, анг. to stop Въ переносномъ значеніи греч. ἔταφ-ον, τέ-θηπα =я пораженъ, ужасаюсь, какъ и въ англ. яз. I am struk отъ strike ударять. Staḃh имѣетъ въ сскр. яз. также значеніе ставить (сскр. stamḃa столбъ, лит. steḃa, ударъ) и мы навѣрно не ошибемся, если предположимъ, что вслѣдствіе отягощенія въ началѣ корня stap вм. tap, произошло облегченіе на его концѣ и образовалась форма—sta, извѣстнѣйшее сочетаніе во всѣхъ арій-

Curt. 227. 214. Fick. I. 822, 826.

скихъ языкахъ съ значеніемъ стоять. Подобнымъ образомъ развилось въ лат. яз. понятіе ставить (съ шумомъ) изъ ударять въ глаг. pôn-ere, perf pos-ui вм. pot-ui отъ корня pat (pono вм. posno или po(st)-sino?). Ближайшее распространеніе корня s-+ta(p) произошло посредствомъ r въ *star* или въ stal. Фиккъ въ своей книгѣ о единствѣ всѣхъ арійскихъ языковъ несомнѣнно доказалъ, что арійское *l* повсюду произошло изъ первоначальнаго *r*, которымъ Ригведа настолько богата, насколько бѣдна звукомъ *l*. Тоже самое онъ доказалъ относительно звуковъ *a* и *e*, такъ что каждый звукъ *l* и e, или непремѣнно показываетъ на первоначальные *r*, *a*, или слово, въ которомъ встрѣчаются эти звуки, позднѣйшаго происхожденія. Скр. sthira значитъ крѣпкій, т. е. крѣпко стоящій, ср. греч. στερ-εός, скр. sthûra сильный, позднѣйшее sthûla толстый. Въ скр. sthûr-a значитъ мужъ, sthûr-in вьючное животное, ср. гр. ταῦρος, лат. taurus, цел. туръ. Крѣпко стоять значитъ по скр. sthal, ср. греч. στέλ-λω, нѣм. stellen ставить, лат. stlocus, locus мѣсто. Въ locus, какъ видно, не осталось отъ корня уже ничего, но тѣмъ не менѣе мы должны считать къ locus корнемъ s-+ta(p), ср. наше *стать*. Можетъ быть, что и *star* бросать, разсыпать, разостлать принадлежитъ къ одному и томуже корню sta(p) ставить. Въ скр. этотъ корень star имѣетъ также значеніе поражать (ударомъ), бросать на землю=лат. humi sternere, изъ чего, конечно, крайне легко, развиваются значенія сыпать, распро*стир*ать, общія всѣмъ арійскимъ языкамъ. Ср. греч. στόρ-νυμι, лат. sterno, наше раз*остлать*, и проч.; также принадлежитъ сюда лат. stru-es, stru-o вм. stru(g)o. Отъ этого корня образовалось множество названій предметовъ: наше сторона вм. страна, просторъ, пространство, нѣм. Stelle; наше *постель* называлась, по скр. stara, по лат. torus вм. storus, *покрывало*, по гречес.

Curt 218. 429. 695. 215. Fick. I. 825. II. 734. Pict. I. 416 Буд. I. 183.

στρώμα, лат. storea (ср. испорченное *штора*, занавѣсъ), греч. στρατός, στρατιά, στρατόπεδον лагерь, т. е размѣщенное войско, встрѣчаемъ еще въ зенд. çtairis *станъ*, лагерь. Широкая грудь называлась по греч. στέρνον, широкій корабль по лат. stlata, широкій lâtus вм. stlatus вм. stratus; сгаронѣм. stirna, нѣмец. Stirn встрѣчаемъ съ значеніемъ чело, лобъ. Также относятся сюда лит. stra-ja, нѣм. Streu плевелъ, нѣм. Stro-h солома, наше солома, чеш. slàma вм. stlàma Обыкновенно сопоставляется наше солома съ греч. κάλαμος и нѣм. Halm вм. halam стебло, но мы, имѣя въ виду нѣм. названіе соломы и нѣкоторые примѣры пропуска t послѣ s, напр. чешское скло вм. стекло, рѣшаемся *сл. солома* причислить къ корню star тѣмь болѣе, что и крыша соломенная называется по чешски strьecha. Далѣе *звѣзды*, которыми усѣяно небесное пространство, имѣютъ также названіе отъ этого корня въ скр. star, târâ, лат. stella вм. ster-la, нѣм. Stern и по всей вѣроятности и греч. ἀ-στήρ, έρος. Нѣм. Strahl лучъ = наше *стрѣла*.

Какъ и выше у корня tap развилось въ греч. τέθηπα переносное значеніе я ужасаюсь, такъ и въ лат. con-sternare—r: преобладаетъ значеніе *я пораженъ*; въ греч. στέρομαι мы предполагаемъ первоначальное значеніе *я лишаюсь чувства*, жизни, изъ чего στερέω я лишаю, граблю, нѣм. stehlen красть.—Но пора намъ возратиться къ корню *tap* въ первоначальномъ его видѣ. Изъ *tap* ударять развилось какъ выше изъ *pak*, значеніе *давить*, тѣснить, и затѣмъ разогрѣвать, *топить*, ср. греч. ταπ-εινός удрученный незначительный, скр. tapas, лат. tepor = нашему тепло, греческ. τέφρα пепелъ, лат. tepefacio топлю. Наше *тонуть* вм. топнуть = лишаться чувства, погибать. Значеніе ударять остается въ корнѣ tap даже, если отбросимъ звукъ *p*. Корень въ этой

Curt. 139. Mik. 856. Grimm Ge. 280. Fick. II. 324, 133 Cur. 226 II.

формѣ сохранился въ сскр. tu, tavîti, tauti могущество, сила, въ греч. ταύς сильный, лат. tueor, храню, tutus безпечный, кимбр. tut народъ (т. е покоренный), гот. thêvis слуга, рабъ, thivi служанка, и анг. thief воръ, т. е. подлый человѣкъ. Цсл. тыти, сскр. tîv, нѣмецк. thauen быть жирнымъ, чеш. otyly жирный и сскр. to-ya вода, дождь относятся также къ tu. Конечно, съ трудомъ возможно отрицать, что корень *ta* могъ развиться самостоятельно безъ отбрасыванія звука p, такъ какъ онъ, какъ сочетаніе звуковъ t+a хорошо и безъ всякаго затрудненія передаетъ шумъ, болѣе звонкій, чѣмъ pa. Поэтому мы навѣрно не сдѣлаемъ большой ошибки, если будемъ о корнѣ *ta* говорить, какъ о второмъ звукоподражательномъ корнѣ.

При этомъ, конечно, нужно замѣтить, что *ta* можетъ считаться только *логическимъ* корнемъ, т. е. такимъ, который, выражая извѣстное понятіе, могъ хорошо образоваться изъ болѣе древняго корня, подражающаго сочетаніемъ своихъ звуковъ гораздо лучше первоначальному впечатлѣнію, чѣмъ онъ самъ. Такъ напр. извѣстнымъ шумамъ и соединяемымъ съ ними движеніямъ мы подражали посредствомъ корней tak, tap, tam, при чемъ звуки p, k, m придавали извѣстные оттѣнки нашимъ впечатлѣніямъ. Съ уничтоженіемъ звуковъ p, k, m исчезли и оттѣнки, но основное понятіе корней tap, tak tam остается и *изъ трехъ живописныхъ и естественныхъ корней образуется одинъ логическій* съ основнымъ понятіемъ глухаго удара и шумнаго движенія Этотъ логическій корень, въ случаѣ надобности, могъ опять быть распространенъ посредствомъ тѣхъже или подобныхъ имъ звуковъ p, k, m, такъ что языкъ такимъ образомъ могъ не однократно возвращаться къ первоначальной формѣ корней и, конечно, легко могъ считать распространенными тѣ корни, которые были первоначальны и поэтому и наиболѣе живописны.

IV.

Вслѣдствіе распространенія этого корня посредствомъ *k* возможны звукоподражательные корни tak, tuk, tik. Ср. tik—tik подражаніе звуку часовъ и сскр. корень *tak*sh съ значеніемъ *рубить* дерево. Далѣе, указывая на зенд. tac *бѣжать*, на сскр. tak быстро бѣжать, спѣшить, на лит. taka-s дорожка, мы производимъ и этотъ корень отъ подражанія шуму подобному топоту быстро бѣгущей лошади. Ср. чешск. utíkati, наше утекъ=убѣжалъ, цсл. бѣжать, чеш. у-*токъ* add-gressus, у-тѣкъ бѣг-ство. Какъ и въ первомъ нашемъ примѣрѣ такъ при образованіи этого корня слѣдуютъ одно за другимъ понятія: а) шума tak, b) движенія съ шумомъ tak с) движенія, но безъ шума tak. Πατ *было перенесено на движеніе рѣки* (ποταμός), *и здѣсь tak преимущественно употребительно о движеніи воды*; ср. нашъ глаголъ течь, *потокъ*, зенд. tac течь и плавать, tacare рѣка, греч. τήκω таю, ταχ-ύς быстро текущій, быстрый=сскр. taku. Въ сскр. яз. taksha̱n значило плотникъ какъ и греч. τέκτων и наше токарь, чешское tesarь отъ гл. тесать, т. е. рубить дрова. Далѣе этотъ корень пріобрѣлъ значенія: *соединять*, готовить, ср. греч. ταγίω-τάσσω, τεύχω, *ткать*, лат. texo, вм. tektjo, цѣлить, *достигать* въ греч. τιτύ(κ)σκομαι, τυγχάγω, *плодить*, родить, въ сскр. tiu потомство, греч. τίκ-τ-ω, ἔ-τεκ-ον, τέκ-νον дитя. Ср. еще τέχ-νη *искусство*. На подражательное происхожденіе этого корня между прочимъ показываетъ лит.

Grass. 510. Cur. 218 Fick. I. 588. Bopp Ge Fict II. 169.

teksz=бацъ и стихъ у Плавта tax tax tergo meo erit, т. е. вздуютъ мою спину.—Въ переносномъ значеніи этотъ корень образовалъ въ лит. tongere=nosse, т. е. соединить (τάσσ-ω) мысли, нѣм. denken *думать* изъ гот. thag-kjan, лит. tinkú. Также tag *покрывать*, слѣдуя выше высказанному объясненію, мы причисляемъ къ этому корню въ лат. tego, tegula, toga, греч. τέγος, нѣм. Dach изъ dak, староир. teg домъ. Лат. tectus повторяется въ нѣм. dicht густой. Въ послѣднихъ примѣрахъ замѣчаемъ переходъ *k* въ g; хотя мы пока не рѣшаемъ вопроса о постепенности ихъ происхожденія, всетаки связь между ними столь велика, что мы можемъ смѣло считать ceteris paribus корень tak=tag, тѣмъ болѣе, что и ихъ значеніе одинаково; ср. лат. tango, отъ k. tag, *бить*, трогать, греч. причастіе τε-ταγ-ών хвативъ; съ прибавленіемъ *s* мы имѣемъ этотъ корень въ греч. στέγω *покрываю*, στέγος крыша, цел. *остеѣ* одежда, на-стег-ны, лит. stog—крыша, чеш. stoh *стогъ*. Повидимому съ этимъ корнемъ не имѣетъ никакой связи нѣм. stinken, старон. stanc вонь, но стоитъ только вспомнить значеніе нашего *тронуться*, чтобы убѣдиться въ связи между лат. tangere касаться и нѣм. stinken тронуться, т. е. вонять. Но мы далеко еще не исчерпали всѣхъ разновидностей корня *ta*(g); сскр. tuj имѣемъ въ нѣм. гл. stossen, толкать, чеш. tьukati, сскр. tij вм. tig, ср. tig-ma колючій, въ греч. θιγγάνω, ἔ-θιγ-ον, наше тикать, греч. σ-τίγ-ιω, στίζω колоть; στιγ-μή=лат. punctum образовалось, какъ и наше точ-ка, отъ к. tag, (ср. чеш. bod, отъ гл. бодать), нѣм. stechen пихать, лат. stinguo, sti(g)mulus бодецъ, орудіе для писанія или распространенное sti(g)mulus, бодецъ погонщика скота. Острый называется по зенд. tighra, стрѣла tighri. Въ сскр. stigh, греч. στείχω, нѣм. steigen въ нашемъ *до-стиг-ать*, *стезя* утоптанная дорожка отъ гл. стегать—ударять, топтать

Fick. III. 128. Curt. 186. 195. 182. Grass. 573.

принимаетъ этотъ корень значеніе ходить, ступать, спѣшить. Въ зенд. названіи рѣки Tigris перенесено названіе движенія пѣшехода на движеніе воды.

Особенно широко развилось распространеніе корня ta посредствомъ m=*tam*. Первоначальное его значеніе сохранилось въ сскр. stambh=stabh *укрѣплять*, греч. στέμβω, στείβω *наступать*, топтать. Сскр. tam уже имѣетъ значеніе страдательное: *падать* въ обморокъ, погибать и проч. Весьма любопытно, что и названіе *тем-ноты*, по сскр. tám-as, támisra темная ночь, получило свое начало отъ впечатлѣнія удара обухомъ о голову. Ср. наше *томиться*, лат. tim-êre бояться, têm-êtum одуряющій напитокъ, tem-ebrae (вм. temesrae), têter черный, гнусный (вм. tem-ter), tem-ere слѣпо, на удачу. Греч. τέμνω, чеш. títi (цсл. тьн.) имѣетъ значеніе *рубить*, рѣзать; ср. сскр. tám-alas мечъ, греч. τομεύς ножъ, ταμίας кравчій, τέμ-αχος отрѣзокъ. Также лат. tondeo вм. tom+d-eo, стригу, греч. τένδω грызу свидѣтельствуютъ о первоначальномъ значеніи этого корня. Изъ него произошли слова tem-pus, часть времени, *время*, tem-plum=греч. τέμενος, отрѣзокъ, участокъ земли, отведенный подъ храмъ, ex templo вм. ex tempulo=ex temporе сейчасъ, вдругъ. Изъ осн. ster (лат. sterno) произошло названіе *простр*анства; подобнымъ образомъ tam *поражать* дало начало основѣ tan *простирать, тянуть*, сскр. tan греч. τείνω, лит. ten-êre, ten-dere, лат. *temp*-jû, староир. tan время. Наши слова *тонкій, тенето, тетива* встрѣчаемъ въ лат. tenuis, tener, тонкій, нѣжный, tenus веревка, нарѣчіи tenus по, греч. τένων жила, сскр. tán-tis веревка струна, лит. tem*pt*yva=тетива изъ тентива, греч. τόνος; сскр. tanas значитъ туго натянутая нитка, струна, затѣмъ и звукъ, тонъ, который издаетъ струна. Тѣмъ не менѣе мы очень сомнѣваемся, чтобы

Grass. 1587 Cur. 221. 545. Fick. I. 593. Curt. 217. Grim Gc. 283.

tan *тянуть* находилось, въ близкой связи съ tan, *гремѣть* звучать въ лат. tonâre, ton-itru громъ, нѣм. Donner, сскр. tan-ja-tus. Корень tan гремѣть=stan, какъ и stan *стонать*, развился своимъ собственнымъ путемъ, какъ весьма удачное подражаніе природному шуму. Звукъ *n* въ tonare принадлежитъ къ корню и, выражая собою звонкость звука, не могъ произойти изъ какого нибудь глухаго звука. Лат. tabula *доска* по всей вѣроятности произошло не отъ *tan*, а отъ tam рѣзать, ср. ниже men-sa. Въ лат. tunica женская одежда, повторяется новое значеніе основы tan, встрѣчающееся уже въ сскр. tan *ткать*. *Тѣло* человѣка называется по сскр. и зенд. tanus, т. е. распростертое, занимающее мѣсто въ пространствѣ. Сскр. tâ (вм. tan) *распространяться* уже въ зенд. причастіи tâ-ta (ср. греч. τατός) имѣетъ значеніе *утекающій*, отплывающій, ср. наше *таять*, лат. tâ-be-s чахотка (больной таетъ какъ свѣчка). Исчезать, скрываться=таиться; по всей вѣроятности воръ, *тать* получилъ названіе отъ того, что скрываетъ или скрывается; ср. сскр. и зенд. tâyu воръ, греч. τή-τη, τητάω, граблю. Сначала tâti обозначало только *ткацкую работу*, затѣмъ просто *работу*, производство, напр. въ словѣ pauper-*ta(t)*s, tas= греч. τη(τ)-ς,=зенд. tât *производство* и paupertas значитъ то, что дѣлаетъ человѣка бѣднымъ, ср. наше духо*та*, нѣм. *th*, въ Armuth, бѣдность.

Tud значитъ въ сскр. толкать, бодать, ср. лат. tu-n-dere, tu *tud*-i, tud es молотъ, греч. собственныя имена Τυδεύς, Τυνδάρης, нѣм. stoszen. Лат. tus-sis вм. tud tis значитъ кашель; а зенд. tuç кашлять происходятъ отъ корня tuk, tak.

Формѣ корня pad должна отвѣчать перестановка *dap*: въ сскр. имѣемъ глаголъ dâp-ayâ-mi, раздѣляю, который считается causativum къ гл. dâ раздѣлять. Мы же считаемъ на оборотъ форму глаго-

Fick. I. 249. M. Mull. Д. 101. Fick. I 587. 603. Curt. 213. 226. Grassm. 539.

ла dap началомъ формы da по слѣдующимъ причинамъ: dap: tap = чешское dup-ati: топ-тать: (чеш. цупать вм. туп-ать), точно такое же отношеніе имѣютъ между собою имена греч. τάπ-ης и δάπ-ις, обозначающія коверъ, по которому мы ходимъ. Сверхъ того въ древнегреч. δάπεδον значитъ *почва*, земля, = pavîmentum и поэтому мы не видимъ причины, почему не объяснять этими именами значеніе глаг. δάπ-τω = τύπ-τω, т. е. ударяю ногою о землю, бью, тѣмъ болѣе, что сскр. и зенд. кор. daBh, daB, вредить, уничтожать потверждаетъ это значеніе. Изъ примѣровъ, выше приведенныхъ, мы могли достаточно убѣдиться, что изъ понятія *бью* быстро развивались *рубить*, *рѣзать*, *раздѣлять*. Уже въ послѣдствіи изъ корня *dap* образовалась форма *da*, послужившая общеевропейскимъ обозначеніемъ понятія дать. Корень *dap* далъ слова: δάπτω, удвоенное гом. δαρδάπτω рвать, терзать, δεῖπνον обѣдъ, δέπ-ας кубокъ, δαπάνη трата, лат. daps, пышный обѣдъ, dapinâre, староп. tapa разрывать, поѣдать. Въ доказательство, что понятія топтать и раздѣлять очень близки, приводимъ стихъ изъ Гом. Ил. 18 264 χθόνα ποσσὶ δατεῦντο, т. е. разсѣкали, топтали землю ногами. Корень dâ въ сскр. значитъ разрѣзывать, жать, day дѣлить распредѣлять, затѣмъ и разрушать. Ср. δαίω, δαίζω, δατέομαι, δαιτύς обѣдъ, δαι-τρός = τομεύς, ταμίας; δαίνυμι значитъ *угощать*, δαίζω убивать, ср. гом. χαλκῷ δεδαιγμένος убитый (разсѣченный) мечемъ, поэтому существительное δαίς (род. ἴδος и τός) послужило названіемъ и для рѣзни, *сраженія* и для *пирушки*. Скр. dant *зубъ* греч. ὀ-δούς ὀ-δόντ-ος, лат. dens, лит. danti-s есть причастіе отъ гл. da и значитъ раздѣляющій, разрѣзающій пищу; сскр. danta служитъ названіемъ *острой горы*. Греч. δαήρ, лат. lêvir, лит. dëver-is, сскр. devar, наше *деверь* есть названіе родственника, раздѣляющаго участь семейства. По всей вѣроятности и

Grassm. 575. Curt. 232. Fick. I. 610. Curt. 244. M. Müll. II. 262. Schleich, Comp 76.

числительное *два*, сскр. dva, греч. δύο, лат. duo, староир. dá, англ. two, нѣм. zwei произошло отъ корня da(p) дѣлить и значитъ „разсѣченный предметъ;“ лат. dub-itâre, *dub*-ium отъ корня dab, собственно разсѣченіе, раздвоеніе, *сомнѣніе* сохранило первобытную форму корня. Лат. bis дважды произошло изъ dis, dvis, dbis, какъ и bellum изъ dvellum, duellum т. е. поединокъ, при чемъ въ послѣднемъ словѣ соединились два корня du и vel и старолат. duellum=duvelium т. е. *борьба* (ср. pro·veli-um, proelium) двухъ. Изъ *da* раздѣлять произошло dâ *дать*, какъ видно изъ сскр. существительнаго dâná, которое обозначаетъ и раздѣленіе съѣстныхъ припасовъ (=греч. δαίς) и подарокъ=лат. donum, δῶρον. Сскр. dâ дать имѣемъ въ лат. da-re, греч. δι-δόναι, лит. dû, dav, въ лат. bonus=dvonus отъ da дать и значитъ дарящій, добрый.

Также корень *dam* очень близко подходитъ къ к. tam и по необходимости слѣдуетъ одинаково объяснять ихъ происхожденіе. Dam, ср. dambh, значило въ сскр. *укрощать*, усмирять, какъ и въ лат. domâre, греч. δαμάω, (*укрощенный* по нѣм. zahm, по англ. tame, *супруга*, какъ гр. δάμαρ, укрощенная дѣва гомерическое παρθένος ἀ-δμής невѣста) и затѣмъ уже *вязать*: *связанный рабъ* назывался δμώς, *связанное животное* быкъ, корова, δαμάλης, δαμάλη, по сскр. damjas. *Господинъ*, покоритель назывался по сскр. dam-ana-s лат. dom+inus, domitor·у Гомера ὄπνος πανδαμάτωρ= сонъ поражающій всѣхъ. Можетъ быть, и δαίμων, божество, часто злое и всѣхъ укрощающее (πανδαμάτωρ), получило свое имя оттуда. Покоренный людъ, *народъ* назывался δῆμος. Изъ dam *вяжу* развилось *dam* сскр. dan связываю бревна, *строю зданіе*, откуда имѣемъ сскр. dam, греч. δόμ-ος, δῶ (вм. δομ.) наше *домъ*, гот. timber, старон. zimber дерево, зданіе, нѣм. Zimmer изба, комната,

Bopp. II 309. Curt. 230. 232. Fick. I. 613. Grimm. Ge. 282.

Zimmermann плотникъ, тесарь.—Корень dam, потерявъ звукъ m, образовалъ форму dâ съ значеніемъ *вязать*, ср. δέω вяжу, δεσμός пута, διά-δη-μα повязка, κρή-δεμ-νον и пр. Сюда относится и названіе *факела* δᾷς, δαίς, какъ связки прутьевъ, или δετή (ср. fax=fasciculus, наше факелъ). Къ тому же корню относится и староир. dún, кремль, станъ, галл. dûnum въ названіяхъ городовъ Lug-dûnum, (ср. London), англ. town городъ, нѣм Zaun плотъ изъ старон. tûna.

Въ сскр. имѣемъ глаголъ *dagh* съ значеніемъ *до-стичь* чего нибудь, до-трогиваться, греч. θιγγ-άνω, ἔ-θιγ-ον Оттуда происходитъ и греч. δοχμός косой, θήγω острить, лит. dag y-s тернъ, нѣм. Degen мечъ (чеш. dyka=кинжалъ), англ. to dig рыть землю, dag-ger кинжалъ. Сскр. jihma косой показываетъ, отъ чего получилъ свое названіе *языкъ* по сскр. jihvâ вм. dihva. Въ старолат. dinqua вм. lingua древняя форма этого слова вполнѣ сохранена, какъ и въ староир. tenge, въ нѣм. Zunge изъ гот. tug gon. Наше *языкъ* и зенд. hizva, потеряло начальный звукъ d *и замѣнили* придыхательными h и j. Таже самая утрата начальнаго звука—случилась и въ лат. lingua и лит. lëzuvis вм. dinqua и dezuvis, и только въ послѣдствіи, въ періодъ сравнительно поздній, замѣнено начальное d посредствомъ *l*, можетъ быть, подъ вліяніемъ глаголовъ *l*ingere, лит. *liz* лизать, и такимъ образомъ произошла новая этимологія lingua, lëzûv-is лижущій вм. правильнаго толкованія *острый*. Это одна изъ многочисленныхъ ошибокъ безсознательнаго переобразованія словъ и измѣненія ихъ смысла въ связи со словами намъ извѣстными по своему этимологическому значенію.—Изъ *dhag* образовалось *dhig* колоть. Ср. лат. fig-ere, лит. dag-ys тернъ. Сскр. *dih* уже значитъ *натирать*,, *мазать*, ему отвѣчаетъ лат. fing êre, fig-ûra, fic-tor образовать. Dih натирать *малевать*: dih, колоть=pig писать, красками (ping ere): pig колоть.

Fick. I. 613. Curt. 194. Будил. 212.

пихать (pungere). Значеніе *набрасывать землю, укрѣплять*, сооружать видно изъ зенд did a крѣпость, скр. dehi насыпь, deh-a тѣло = созданное.

Одинаковое значеніе съ dag(h) имѣетъ корень *dak*. Первоначальное его значеніе мы находимъ въ перестановкѣ (s)kad *ударять, рубить* и затѣмъ рубить, *рвать* (зубами)—*кусать*. *Dak* въ одинаковой степени, какъ и корень tak, служитъ выраженіемъ глухаго удара, и оба корня относятся другъ къ другу не иначе, какъ и наши да(к) и *такъ*, повторяющіеся въ глаголахъ по-*так*-ать и под-дак-ивать. Выше мы объяснили значеніе числительнаго *пять* = удару руки или ноги; можетъ быть, что и скр. daç-an, греч. δέκα, лат. dec-em, нѣм. zehn изъ tehan, наше *десять* выражали первоначально ударъ рукъ или ногъ о предметъ. Такимъ образомъ *пять* = рука или нога, *десять* = обѣ руки или обѣ ноги. Если выразить наши „да“ и „нѣтъ“ посредствомъ жеста, то, конечно, не найдемъ лучшаго жеста, чѣмъ удара ноги о землю, какъ знака утвердительнаго и повелительнаго и надо полагать, что именно въ этомъ движеніи нашего тѣла кроется этимологическое начало нашего *да*, скр. tât, греческ. τώς, нѣм. so и пр. Удару ноги, какъ жесту, отвѣчаетъ кивокъ головы сверху внизъ. Когда мы показываемъ какой нибудь предметъ, то мы тычемъ пальцемъ по направленію этого предмета; самое же точное показаніе происходитъ тогда, когда мы прямо касаемся предмета. Поэтому и мѣстоименія зенд. da, греч. ὅ-δε, нѣм. der, die, das, наше этотъ и тотъ, скр. sa, sâ, (произошло изъ ta, tâ) tad греч. ὁ, ἡ (вм. so, sa, ta tâ), τό, лат. is-*te*, is-*ta*, is-*tud* и пр. обозначаютъ предметъ, котораго я касаюсь, на который показываю. Не иначе слѣдуетъ судить и о происхожденіи частицы δε, выражающей направленіе куда

Curt. 134 394. Bopp. 343 344. Fick. 606. 787.

нибудь (οἰκόν δε домой), какъ напр. въ нашемъ ту-да, сюда нѣм. daher, *da*-hin, зенд. da. Также и мѣстоименія 2-аго лица въ сскр. tv-am вм. tu-am, лат. tu, нѣм. du, ты и происшедше изъ ta—греч. σύ ты, и мѣстоименія, 3-яго лица (=выше приведеннымъ указательнымъ) трудно будетъ отдѣлять отъ корня dak, или позднѣйшей его формы dik съ значеніемъ—*ударять*, *касаться*, *тыкать*, - *показывать*. Это значеніе ясно сохранилось въ сскр. diç *показывать*, учить, гречес. δεἰκ-νυ-μι, нѣм. zeigen изъ гот. teih-an. Лат. dîc-ere *указывать*, *направлять* (*словомъ*), *говорить*, ju-dex, судья, показывающій право, in-dex указатель, греч. δίκη право. Греч. δάκτυλος, лат. digitus, нѣм. Zehe (tag, dag)=палецъ. Показывать называется по зенд. dak-sh; въ греч. δι-δά(κ)-σκω, лат. di(c)-sco, di-dici, doc-eo значеніе *показывать* переходитъ въ значеніе *учить*, учиться; греч. δοκέω=мнѣ кажется, т. е. сужу по показаннымъ примѣтамъ. Нѣм. zeichnen рисовать отлично намѣчаетъ переходъ отъ δεἰκ-νυ-μι показывать къ doce-co учить наглядно. Въ гомерическомъ ὀδ' ἐδέξατο χειρί глаголъ δέκ-ομαι принимаетъ значеніе *беру*, *получаю* отъ слова δάκτυλος, т. е. беру, принимаю пальцами, рукою, или даже даю. Наше *дес-ница*, правая рука этимологически=δάκτυλος, но по всей вѣроятности получила свое названіе уже отъ второстепеннаго значенія корня dak-*беру*, хватаю. Нашимъ словомъ пр*іят*ный (ять=брать) объясняется и лат. прилагат. dignus, достойный, безличный гл. dec-et есть пріятно, прилично, слѣдуетъ, dec-us приличіе. Греч. δεξ-ιός и dexter= ловкій, какъ правая рука, ср. лит. deszine, ст. н. zësawa десница и сскр. прилаг. daksha, проворный, ловкій.

Выше мы показали на переходъ понятія *рубить*, *терзать* въ *кусать*. Остается перечислить слова, сюда принадлежащія:

Curt. 134 Буд. 220. Grimm. 282. Fick. I. 611.

Сскр. daç, греч. δάκ-νειν, гот. tah-jan кусать. *Зубъ* называется по сскр. daçana, ср. наше *десна*. Также *слеза*, терзающая, съѣдающая лице, называется по греч. δάκρυ, лат. lacruma вм. старол. dacruma, нѣм. Zähre изъ гот. tagra.

Изъ корня dak въ значеніи *учить* образовалась сначала форма das, и затѣмъ *da* съ значеніемъ *знать*; ср. греч. δα-ῆναι учиться, δε-δα-ώς, δαήμων=doctus (δαίμων?), зенд. dâ знать, сскр. damsas, греч. δῆνος совѣтъ, мудрость, гом. δαίφρων опытный и пр.

Изъ предыдущаго мы видѣли, что четыре корня da—*дать*—*дьлить*—*вязать*—*знать*, имѣя между собою весьма мало общаго въ ближайшемъ своемъ производствѣ отъ болѣе живописнаго корня, тѣмъ неменѣе принадлежатъ къ одному логическому корню, заключающему въ себѣ понятіе удара предмета о предметъ, выразившемуся въ нѣсколькихъ разныхъ формахъ: dam, dak, dat, dap, которыя болѣе или менѣе картинно рисуютъ наше впечатлѣніе отъ разныхъ шумовъ.

Уже выше мы замѣтили понятіе *движенія* въ гомерическомъ χθόνα ποσσὶ δατεῦντο; чешское dupati обозначаетъ въ позднѣйшей своей формѣ cupati, медленное, но громкое движеніе, дитяти (замѣчательно, что и tápa-ti служитъ выраженіемъ медленнаго движенія, между тѣмъ какъ гл. pád-iti=нашему катить, т. е. быстро бѣжать), также и одна изъ прежде приведенныхъ древнихъ формъ логическаго и позднѣйшаго корня da—по всей вѣроятности dap—обозначала движеніе, какъ это видно, помимо уже названныхъ глаголовъ, изъ сскр. duv-as бѣгущій впередъ, dû-ta посолъ, dû-ra далеко. Оттуда происходитъ и греч. δύω входить, вникать, ст. н. zûwen спѣшно бѣжать впередъ, (ср. чеш. coufati отступать), гот. tau-jan гнать, затѣмъ и *дьлать*=

Curt. 139. Mik. Le. Fick. 610. Grimm. 539 210. Буд 211.

нѣм. thun, ср. англ. tool орудіе. Обозначеніе пространства переносится на обозначеніе времени въ греч. δήν изъ δοάν, нашемъ *дав-но, дав*-ича. Тотъ же корень имѣемъ въ скр. dyu, гнать, охотиться, греч. δίω, δίεμαι бѣжать, спѣшить=скр. dî летать, лет. dí-t танцовать, διώκω преслѣдовать. Послѣдній глаголъ по формѣ близко стоитъ къ лат. dûc-ere вести, нѣм. zieh en изъ гот. tiu-han, чеш. táhati, *тягать*. Какъ корень dagh посредствомъ придыханія распространился въ dwagh=зенд. dwaozh гнать, лит. daúz-ti-бить, толкать, наше *дошать*, нѣм. zwingen побуждать, такъ и di распространилось въ dvi съ значеніемъ пугать, т. е. *прогонять со страхомъ*, и бояться, т. е. *бѣжать со страхомъ*, какъ видно изъ греч. δέ-δια, δέ-δοικα и пр.

Понятіе силы, присущее сначала корню da (ср. кор. ta.) сохранилось въ греч. δύ-να-μαι, въ лат. dûrus крѣпкій и старопр. dér храбрый.

Почти тѣже самые корни повторяются при полномъ смягченіи основнаго звука t въ придыхательный dh.

Корень *dhab* встрѣчаемъ въ лат. faber ремесленникъ, при чемъ fab-er (f=dh): dhab=τέκτων: *так*. Τέκτων и faber, сначала по значенію равнявшіяся нашему *дровосѣкъ*, впослѣдствіи получили высокое значеніе *художникъ*. Изъ этого мы вновь убѣждаемся, что корни tap(b), dab, dhab между собою равны и что ихъ различіе есть только послѣдствіе фонологическаго развитія одного и того же корня съ значеніемъ *ударять*. Такъ наприм. наши слова *дубъ, дубина* можемъ безразлично отнести къ корню dab или dhab и въ лат. fab-er только придыхательное f свидѣтельствуетъ о корнѣ dhab, который отлично могъ развиться изъ dab или dap или даже изъ tap (какъ напр. нѣм. du изъ болѣе древняго tu) и оба корня отдѣльныхъ языковъ—

Curt. 572.

сскрт. dhaƀ и лат. faƀ—принадлежатъ къ болѣе древному *пракорню tap*, не только общему всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ, но и объясняющему и соединяющему многія формы сскр. языка, которыя пока считались принадлежащими къ разнымъ корнямъ. Причисляя многія формы съ начальнымъ d къ корню dhaƀ, мы обращаемъ этимъ вниманіе на ихъ сходство въ значеніи съ другими подобными формами арійскихъ языковъ, которыя непосредственно относятся къ корню dhaƀ, и затѣмъ уже къ первоначальному tap. Такъ напр. наше *доб-рый* и чеш. doba, *время* отлично можемъ отнести къ корню daƀ (δάπ-τω), при чемъ doƀ-a= tem-pus, т. е. часть, отрѣзокъ времени, но мы предпочитаемъ грамматически соединять эти слова съ dhaƀ, потому что *добрый*, *у-добный* и т. д. отлично совпадаетъ по значенію съ лат. faƀ-er, ловкій, умѣлый и пр. и съ греч. θέρός. По той же причинѣ сюда причисляемъ и нѣм. *tap*-fer храбрый, наше *доб-лестный*, лит. daƀ-inti украшать=чеш. z-doƀ-iti, oz-doƀ-a украшеніе, наш. *с-добить*, *с-добный*, *деб-елый*. Какъ изъ s-tap развились sta изъ dap-da, такъ изъ dhaƀ-dha (ta=da=dha), при чемъ всѣ три формы одного и тогоже пракорня имѣютъ почти одинаково широкое развѣтвленіе, что свидѣтельствуетъ о ихъ глубокой древности. Корень *dhâ*, какъ и tâ и da, значитъ ставить съ шумомъ, класть, (строить) дѣлать, ср. греч. τί-θη-μι, зенд. da, нѣм. thu-n изъ старон. tu-an, англ. to do, *дѣть*, *дѣйствовать* и пр. Сскр. dhâman, имѣло множество значеній: мѣстожительства, (в)отчина, жилище боговъ, возлюбленное мѣстопребываніе боговъ, удовольствіе, домъ, домочадцы, толпа, законъ, т. е. данное богами, порядокъ, способъ, дѣйствіе, сила, способность, могущество, величіе. Въ греч. повторяются между прочими: θέμις законъ, θωμός толпа, θαιμός домъ, θής=οἰκέτης домашній рабочій, въ лат. familia

Curt. 254. Fick. 628. Grimm 284. Grassm. 660. 677

семейство, fâmulus слуга, въ оск. faama домъ. Лат. facio, ere, дѣлать, fac-ies (по-*доб*-ie), лице, facĕ-tus забавный, остроумный показываютъ на форму корня dhak, какъ гл. of-fen-dere, (рублю), о-*бижаю* (корень bad, бодать), сущ. fĕ(d)num сѣ-но, fus-tis вм, fud-tis палка, θείνω бью, θέναρ длань, старон. tėnar на другую форму dhan. (θνήσκω(θαν): θείνω=πάσχω: πα-ίω?).

Къ корню da (k) въ значеніи *кусать, кушать* слѣдуетъ присоединить его переставку *ad*, встрѣчающуюся во всѣхъ арійскихъ языкахъ въ формахъ сскр. ad, греч. ἔδω, лат. ed-ere, лит. ed-mi, нѣм. es-sen изъ гот. ît-an, рус. ѣсть изъ цсл. яс-ти. *Ѣ-да*; чеш. jíd-lo называется по сскр. ad-man, *приманка* по лат. es-ca (собственно пища для рыбъ). Наше *ѣдкій*=острый служитъ среднимъ понятіемъ для образованія слова *ядъ*, т. е. разъѣдающій острый напитокъ. *Удочка*, цсл. андица, анда получила названіе, какъ и сскр. athari бодецъ, греч. ἀθήρ стрѣла, остріе, лит. ad-atà игла отъ своего назначенія, которое встрѣчаемъ въ лит. ad-yti *бодать*, шить. Такимъ образомъ корень вернулся къ своему первому значенію. Можетъ быть, греч. ὀδ-ούς зубъ образовалось не отъ da, а уже отъ его переставки ad, что, конечно, не измѣняетъ значенія этого слова, такъ какъ da=ad, dant=adant.

V.

Перестановка (metathesis) звуковъ корня, состоящаго изъ одной гласной и одной согласной, напр. ar въ ra, pa въ ap, av въ va считается въ языкѣ фактомъ вполнѣ объяснимымъ изъ механическихъ перемѣнъ человѣческой рѣчи; но гораздо труднѣе объяснить перестановку звуковъ корня, состоящаго изъ трехъ звуковъ, согласнаго, гласнаго и согласнаго. По нашему мнѣнію такая перестановка могла случиться только тогда, когда уже человѣкъ позабылъ первоначальный смыслъ и значеніе корня и когда на него сталъ смотрѣть, какъ на простое сочетаніе звуковъ, служащее по причинамъ ему неизвѣстнымъ для выраженія извѣстнаго понятія. Тогда, конечно, порядокъ звуковъ не имѣлъ никакого значенія и вслѣдствіе чисто механическихъ перемѣнъ, легко могло случиться. что изъ kat сдѣлалось tak, изъ pak-kap и пр. Это могло случиться еще легче, если корни сначала состояли не изъ трехъ звуковъ, а изъ двухъ, если напр. не было первобытнымъ корнемъ pat, а pt, не gan, а gn. Если мы изъ примѣровъ выше приведенныхъ признаемъ звукоподражательное начало нашихъ корней, тогда, конечно, намъ будетъ невозможно отрицать существованія подобныхъ корней, такъ какъ они во многихъ случаяхъ въ этомъ первобытномъ своемъ состояніи гораздо лучше подражаютъ шумамъ въ природѣ, чѣмъ ихъ позднѣй-

шее развитіе и упроченіе посредствомъ гласной. Мы признаемъ, что самымъ красивымъ корнемъ для выраженія полета птицъ будетъ корень ра, но въ тоже время утверждаемъ, что самымъ естественнымъ звукоподражательнымъ корнемъ было варварское для нашего уха сочетаніе pt. Pat занимало среднее мѣсто между природнымъ и грамматическимъ типомъ и, такъ какъ люди въ скоромъ времени стали упрочивать свои корни посредствомъ гласныхъ и сверхъ того образовали множество корней непосредственно при помощи гласной *a*, то мы въ сомнительныхъ случаяхъ принимаемъ за корни, pat, gan и пр., а не pt, gn, хотя существованія послѣднихъ не отрицаемъ. Такіе корни, конечно, въ самый первый періодъ языка, легко могли подвергнуться перестановкѣ tp, вм. pt. nk вм. kn, и затѣмъ уже упроченію посредствомъ гласной, и первые люди получили вм. одного два корня tap и pat, nak и kan – съ одинаковымъ значеніемъ. Конечно, также могло случиться, что оба корня развились совершенно самостоятельно вслѣдствіе сочетанія самыхъ удобныхъ звуковъ для выраженія извѣстнаго понятія. и что наприм. для глухаго удара одинаково хорошо были созданы два звукоподражательныхъ корня kat и tak. Наконецъ, могла случиться перестановка, какъ выше сказано, изъ причинъ чисто механическихъ въ позднѣйшій періодъ языка. Изъ tak могло произойдти tka и затѣмъ даже kat послѣ потери начальнаго t и распространенія корня посредствомъ t. Перестановка въ разныхъ видахъ происходитъ и въ нашъ періодъ языка, такъ напр. чешское *лжице*, *ложка*, въ простонародномъ разговорѣ получило форму *жлице*. Во всякомъ случаѣ перестановку корней можно объяснить, не нарушая нашихъ основныхъ положеній, которыя наоборотъ получаютъ великое подтвержденіе изъ того факта, что одни и тѣже звуки,

хотя и въ разныхъ сочетаніяхъ, помогали образовать одни и тѣже понятія.

Особенно ярко бросается въ глаза это явленіе при перестановкѣ корня tam, въ сскр. tâ, сохранившей въ себѣ всѣ тѣ основныя понятія, которыя мы выше перечисляли при разсмотрѣніи корня tam. Поэтому первое значеніе этого корня должно быть *ударять*, бросать съ шумомъ, ходить, рубить, рѣзать и пр. На самомъ дѣлѣ значеніе *ударять* сохранилось въ старои. mat-aris копье=лат. mis-sile отъ гл. mit-tere бросать *съ шумомъ*, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ сскр. mi(t) вбивать въ землю, вколачивать, укрѣплять, основать, строить, существ. methi, mit столбъ=лат. mêta столбъ, чешское mot-yka топоръ. На ударъ предмета о землю показываетъ прус. pa-mat-is подошва, наше *мостить*, т. е. утаптывать почву, *мостъ*, *мостовая*=лит. pa-mat-as, ср. фр. pavé. Туже основу mi имѣемъ въ лат. mûrus стѣна изъ mi, или въ moenia укрѣпленія, при чемъ min: moenia=fid: foedus. Лат. mit-tere отвѣчаетъ наше *мет-ать*, *мыт-ить*, анг. smite бить, бросать, smith кузнецъ, нѣм. Sch-mied и гл. schmeiszen. Значеніе *рѣзать* сохранилось въ лат. met-ere жну, нѣм. Mes-ser вм. Met-ser ножъ (ножъ, вм. мо-жъ, какъ чеш. недвѣд вм. медвѣд, греч. νά вм. μά, рус. *нравъ* вм. мравъ и проч.), нашемъ межа, чеш. mez, предл. *меж-ду*, такъ что *межевать* собственно значитъ рѣзать. *Рѣзать зубами* имѣемъ въ лат. mandere, греч. μασάομαι жую, mand-i-bula десна, μάσταξ внутренность рта, т. е. чѣмъ жуемъ и его содержаніе пища, ср. лит. matis пища. Наше *межевой*, т. е. средній, разрѣзанный повторяется въ лат. med-ius, греч. μέσσος изъ μετ-σος, нѣм. Mitte середина, сскр. прил. madh-ya. Изъ *рѣзать* возникаетъ понятіе *мѣрить* въ лат. met-ior, iri, греч. μετ-ρέω, въ нѣм. messen,

Fick. I. 724, Curt. 324.

нашемъ *мѣ-рить*. Также другая форма корня *тâ* имѣетъ тоже самое значеніе въ лат. mod-us мѣра, mod-ius четверикъ, modestus умѣренный, въ греч. μέδω, μέδ-ο-μαι мѣрить, μέδιμνος четверикъ. *Измѣреніе пространства* переносится на *время* въ лит. met-as время (ср. tem-pus), лат. mât-ûrus созрѣлый, цел маторъ старикъ, образовавшихся, какъ нѣм. zeitig отъ Zeit время, или какъ чеш. letity, т. е. старый, отъ leto=лѣто, годъ, въ mâtûtînus преждевременный, ранній, mâ(t?)+ne рано утромъ (ср. нѣм. zeitig). *Корень* mâ *скоро распространился въ* man, какъ видно изъ лат. причастія men-sus къ met-ior; сущ. mensa есть по формѣ женскій родъ того же причастія и значитъ отрѣзанная доска, т. е. столъ, (ср. ta(m)-bula). Староир. mensa, лит. mesa, наше *мясо* вм. менсо, сскр. mâmsa образовалось, какъ и membrum, и значитъ собственно часть, отрѣзокъ тѣла. *Луна измѣряетъ время* и поэтому этотъ первый мѣритель времени былъ у нашихъ арійскихъ предковъ мужскаго рода и назывался по сскр. mâsa, зенд. mâonha, гр. μήνη, лат. mensis, наше *мѣсяцъ*, нѣм. Mond. Только уже позже измѣритель далъ имя измѣримому, и двѣнадцатая часть года стала называться по сскр. mâs, по греч. μείς изъ μενς или μήν, по нѣм. Monat, англ. month и проч., 6 мѣсяцевъ назывались по лат. sê-mes-tris. Въ сскр. mât-âr *творецъ понятіе мѣрить пріобрѣтаетъ высокое значеніе творить*; сотворенное или измѣримое называется по лат. mat-eria. Наше міръ, какъ и лат. mun-dus равняется по значеніе греч. κόσμος, т. е. стройная масса (mund-âre чистить, украшать= κοσμεῖν, ср. лат. monîle, наше *монисто*, сскр. mani-украшеніе носимое на шеѣ.) Нѣм. Vor-mund значитъ управитель, опекунъ, и mund рука=лат. manus, т. е. измѣряющая, творящая, защищающая. Лат. mânus добрый, несмотря на разное количество

Curt 327 243 Fick I 704 M- Mull I 7 Будил I 9.

также развилось изъ корня man. Это слово образовалось отъ mâne рано утромъ, т. е. изъ понятія времени, не иначе какъ въ чешск. vhodny, наше *у-год-ный*, у-доб-ный изъ названій времени годъ, doba, развилось названіе для нравственнаго качества *добрый*. Добрые души умершихъ назывались по лат. mân-es и im-mân-is означало существо недоброе, ужасное, чудовищное. Міръ mundus — зданіе руки творца (mâtâr); зданіе нашей руки *домъ* назывался по скр. mâna, по лит mên-a. Въ зенд. яз. имѣемъ men съ значеніемъ *пять*; это доказываетъ, что и наши арійскіе предки считали, какъ и современные дикари, по пальцамъ руки или ноги. Men значило *одна рука*, какъ и quinque вм. pankan (*пять*) = пясть, πύξ (кулакъ) и, слѣдовательно, по значенію men = quinque (kan) или πέντε, и оба корня ma и pa получили свое названіе отъ удара рукою или ногою о другой предметъ.

Но особенно широкое развитіе получилъ этотъ корень въ области внутренняго міра. Въ греч. μητιάω, μητ-ίομαι, μητ-ίετα. μῆτ-ις, μήδ-ομαι, μῆδ-ος, μήστωρ преобладаетъ значеніе *думать*. Правитель міра называется у Гомера μητίετα Ζεύς и ὕπατος μήστωρ, т. е. существо обдумывающее порядокъ вселенной. *Умъ* такимъ образомъ уже нашими предками отлично *былъ названъ мѣрою (скр. mâtis и мѣра и умъ) всѣхъ вещей* по своему дѣйствію, которое заключается въ измѣреніи, т. е. сравненіи предметовъ. Ни одинъ логикъ не могъ бы найдти лучшаго слова для своей умственной работы, и въ этомъ мы видимъ новое доказательство, что умственныя силы человѣчества росли наравнѣ и одновременно съ выработкою словъ. Болѣе конкретное значеніе этого корня имѣемъ въ греч. ματεύω искать, слѣдить за чѣмъ, въ лит. maty ti замѣчать, видѣть, въ нашемъ *с-мотрѣть*,

---

Буд I. 1 Fick. I 723 Pictet. III. 305 Bopp. 313 Curt 464

простон. *мотрѣть*. Но особенно богата въ этомъ отношеніи *основа* man; *всѣ способности души получили отъ нея свое названіе: умъ* по ссср manman, греч. μένος (ссср. manas) выражаетъ у Гомера преимущественно чувственную сторону души: стремленіе, желаніе, гнѣвъ, храбрость, затѣмъ и волю, силу; тоже самое упорное стремленіе, желаніе выражаетъ гомерическое μέμονα и μέμαα, гл. μενεαίνω. Къ умственной сторонѣ души относятся и ссср. слова и лат. mens, наше *мысль*, *па-мять помнить*, лат. me mi ni, mon êre, нѣм. meinen, полагать, наше *мнить*, *мнѣніе* и пр. Наше *придумываніе* (лат. com-min-is-cor) превращается, когда умъ за разумъ зашелъ, *въ ложь*; поэтому лат. com mentari много объяснять, com-mentarii записки, воспоминанія, но уже comentum выдумка, mendacium ложь, ment îri лгать. Наше *ман-ить* об-*ман*-ывать именно заключаетъ въ себѣ понятіе преувеличеннаго вымысла. Если фантазія слишкомъ ярко намъ рисуетъ предстоящую опасность, то возникаетъ въ насъ сомнѣніе, затѣмъ *и страхъ*, лат. met-us (ср. *tim*-or), met-uo боюсь, наше *мнительность* изъ цсл. мнѣти-полагать. Изъ любовнаго воспоминанія (mnâ) развилось значеніе *любить*, затѣмъ ухаживать въ греч. μνάομαι, соединяющемъ въ себѣ оба значенія, μνηστεύω, μνηστήρ женихъ; въ гот. minnia любовь, такъ что Minne-sanger значило пѣвецъ любви, и мы музу Μνημοσύνη (память) можемъ считать не только божествомъ памяти, но и пріятнаго воспоминанія, т. е. любви. Въ умственную область также проникаетъ греч. μανθάνω-учусь, развившееся изъ второстепеннаго корня μαν-θ= τίθημι τὸ μένος *даю умъ* (*себѣ*) въ зенд. mázdâ значитъ mentem addere, т. е. ободрять, затѣмъ и *лѣчить*. *Медицина* была, по всей вѣроятности, первою и главною наукою, и поэтому отъ нея (зенд. madha) получила имя *наука* вообще и въ греч. яз. осо-

Curt. 311. Pictet III 279 Grassm 990. Fick. I. 712

бенно *наука о величинахъ* (ἡ μαθηματική) Такимъ образомъ люди совершенно безсознательно и инымъ путемъ назвали науку объ измѣреніи величинъ ея истиннымъ именемъ, согласно этимологическому происхожденію отъ корня mat *мѣрить* Ср. лат. med eor, врачевать, med-icus врачъ и проч. Наука наукъ—философія—называлась уже въ зенд. яз. madha мудрость; изъ того-же источника происходитъ и наше *мудрость, мудрецъ,* вм. мандрецъ. Въ нѣм. muthig, Muth *храбрость* развилось далѣе значеніе греческаго μῆν-ις гнѣвъ. Англ. mind душа обнимаетъ всѣ способности души. Изъ корня mat, man развилось множество *собственныхъ и нарицательныхъ именъ во* всѣхъ языкахъ: Греч. Μέντωρ, Μίνως, Μίνυς, Μοῦσα, лат. названіе богини Min-erva вм. Menerva, т. е. богиня мудрости и храбрости. Греческій герой Προμηθεύς по общему толкованію получилъ свое имя, какъ и чешскій первый князь Prьemysl, отъ своего глубокаго ума, *промысла,* греч. προμήθεια, съ которымъ онъ, укравшій у Зевса огонь и при помощи его научившій людей многимъ искусствамъ, радѣлъ о нуждахъ человѣчества. Чудесный греческій миѳъ дополняется разсказомъ о его двойникѣ Эпиметеѣ, т. е. человѣкѣ съ заднимъ умомъ. Къ сожалѣнію сравнительное языкознаніе должно разрушить прекрасное основаніе греческой сказки и указать Прометея совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, прослѣдивъ его родословную до глубокой арійской древности, когда люди на самомъ дѣлѣ постоянно должны были красть огонь у природы посредствомъ тренія предмета о предметъ. Наши арійскіе предки для этого имѣли, какъ и современные дикари, особое орудіе, состоящее изъ дощечки и двухъ палочекъ, посредствомъ которыхъ высверливали, т. е. зажигали огонь. Такая палочка называлась по скр. pramantha отъ гл. math вертѣть (ср. наше *мутить,* греч. μόθος

Curt. 335 Fick. I. 710 Тайлоръ Антропологія 260.

Ἄρης *смута*, борьба, сраженіе) и имя Προμηθεύς должны мы переводить не пышнымъ именемъ чешскаго князя Przemysla, а болѣе скромнымъ, названіемъ древнеарійскаго раба, зажигающаго огонь—Палкина или Палочкина. Изъ нарицательныхъ именъ греч. μάντις *предсказатель* потеряло уже отчасти значеніе, которое сначала было присуще этому слову и которое до нашихъ временъ удержалось въ нѣм. Mann, Mensch изъ men-isco, въ англ. man, въ нашемъ му-жъ изъ ман-жъ и выражало существо, исполненное умомъ Въ сскр. языкѣ *человѣкъ назывался* manu, *т. е. существо мыслящее, разумное*. Manu въ древнеарійской миѳологіи былъ первымъ человѣкомъ и отцемъ всѣхъ людей. Его имя перешло къ фригійцамъ въ формѣ Μάνης и къ нѣмцамъ, которые, по свидѣтельству Тацита, также называли своего праотца высокимъ именемъ Mannus. Также лат. mas, maris мужчина очень близко стоитъ къ древнеарійскому названію человѣка, способъ жизни котораго пріобрѣлъ прекрасное имя mos, môris, т е. *измѣренная, вполнѣ обдуманная жизнь*, ср. *наше нравъ* вм. *мравъ*. гл. *нравиться*. Но это слово приближаетъ насъ уже болѣе къ другой формѣ логическаго корня ma, т. е. къ *mar*, имѣющей болѣе спеціальныя значенія *растоптать, раздробить, растереть* и т. д. Въ нашемъ *мѣр-ить, мѣра* она сходится въ значеніи вполнѣ съ корнемъ mat, какъ и въ греческ. формахъ μείρομαι, μερίζω дѣлить, μέρος часть, μόρος и пр. Лат. mor-a= mo-men-tum, т. е. самая малая часть времени, „отрѣзокъ“ времени, какъ выше tem-pus, и встрѣчается вновь въ нѣм. - mal въ числительныхъ ein mal, zwei-mal разъ, два раза и пр., что первоначально значило *одинъ рѣзъ, два рѣза* и пр. Сюда принадлежитъ также лат. mer-eor=μείρομαι заслуживаю, т. е. получаю свою часть. *Орудіе, раздробляющее* (камни) называется

Grassm. 997 M. Muller II. 501 Curt 313 Grim ge. 571

по лат. martulus, mal-leus вм. mar-leus, цел. *млатъ*, наше *молотъ*. Сражаться называется по греческ. μάρ-να-μαι, по скр. mr-nâ-mî; богъ войны и сраженія назывался въ Римѣ Mars. Въ лат. mol-ere, греч. μύλλω, нѣм. mahlen, англ. to mill получаетъ корень значеніе *молоть зерно*; ср. μύλη, лат. mola, *мельница* и пр. Раздроблять хлѣбъ=*молотить*, раздроблять зерно=*молоть*, раздроблять пищу зубами=mar въ лат. mer-enda ужинъ, въ старон. mer-n ужинать, въ новон. Mahl обѣдъ. Значеніе корня въ этомъ смыслѣ усиливается въ скр. основѣ mard растирать, зенд. кусать, лат. mord-eo (ср. наше *морд-а* и нѣм. Maul съ первоначальнымъ значеніемъ *кусающее*); въ англ. to melt повторяется греч. μέλδομαι и ἀ-μαλ-δύνω, смягчать, нѣм. schmelz-en *растаивать* (осн. s-mald), съ чѣмъ сродно и наше *молодой* вм. млад-ый, т. е. мягкій, нѣжный, нѣм. mild тихій, лат. mollis, греч. μαλθ-ακός, скр. mrdu. Въ лит яз. *молодая жена* называется mar-tis=лат. mul-ier, нашему *молодка*, по скр. ku mâra, какъ скр. mâl-ati=*млад-енецъ* въ его двухъ значеніяхъ, въ русскомъ яз. *дитя*, чешскомъ юноша, *молодецъ*. Лат. mel-la, греч. μέλι—*медъ* получили свое имя отъ своей мягкости; наше же медъ имѣло въ скр. форму médha и назывался такъ напитокъ и пища боговъ; очевидно, что по первоначальному своему происхожденію mel=medha и значило то и другое *мягкую пищу* (Ср. выше кор. pak). Medha при этомъ произошло отъ корня, выражающаго частые удары (ср. выше mit и скр. названіе копья medhá и столба medhí), а mel отъ *тренія*, какъ оно выражается въ корнѣ mar.—*Мягкая глина* называется по лит. mol-is, по греч. μάλ-ιρ—растоптанная земля, грязь, мѣлъ. *Изъ mar—теретъ* развились понятія: *пачкать* въ нашемъ *марать*, греч. μολύνω и *чернить* въ прилаг. μέλας. Скр.

Curt. 337. 326. 330. Grass. 1010. Fick. I. 717. Grimm. 716.

mala соединяетъ значенія: *глина, грязь,—трухъ*, изъ чего объясняется и значеніе лат. malus злой и корнв. mal-un дьяволъ, чеш. myl-itise=ошибаться, лит. mil-ti, mela-s ложь Наше *нѣжничать=быть мягкимъ* объясняетъ, какъ основа mil могла получить значеніе *любить* въ глаг. *миловать*, помиловать, милый, въ лит. myleti, греч. μειλίσσω и пр. Мы видимъ, что чуднымъ идеологическимъ процессомъ получаются понятія, совершенно противуположныя смыслу первоначальнаго корня и тѣмъ не менѣе тѣсно съ нимъ связанныя логически. Такъ напр. слова молитвы *помилуй насъ, Боже* собственно значатъ, будучи переложены на коренное значеніе слова *по-мил-уй*: *разотри, сотри насъ съ лица земли*, между тѣмъ какъ мы имъ придаемъ новое значеніе: *смягчи* свою душу.

Физическое треніе смягчаетъ предметъ, нравственное треніе, давленіе притупляетъ человѣка, и поэтому не только нѣжная женщина, но и *тупица человѣкъ* получилъ названіе отъ этого корня: въ сскр. mûra, греч. μῶρ-ος, лат. môrus, môr -io, нѣмецкомъ Narr вм. marr.

Уже въ сскр. mar соединяются оба значенія *тереть и губить*; время губитъ человѣка, и поэтому изъ того же корня развились, лат. mor-i, лит. mir-ti наше по-*мир*-ать, греч. μαραίνω губить, тушить, нѣм. mord-en убивать, наше сущ. *с-мерть, моръ*, лит. s-mertis, maras, лат. mors, сскр. mer-a, mar-ta, нѣм. Mord убійство. Смертный человѣкъ называется по сскр. marta, греч. βροτός вм. μορτός, безсмертный по сскр. a-mar-ta, греч. ἄμβροτος. *Человѣкъ* вообще называется по зенд. mareta, староир. martiya (лат. mas, aris?) Богъ смерти или войны (μάρ-ναμαι) назывался у Римлянъ Mars, богиня смерти у Славянъ *Мор-ана*; дочери Марса были Môlae. *Море* въ противуположность кормилицѣ

Curt. 329 331. Grassm. 1054. Fick I. 716. Буд. I. 25. Pict. I, 130.

землѣ (τραφερή у Гом.) называется *мертвымъ* въ скр. mîra, лат. mar-e, старогал. more (Are-mor-ici жители приморья), лит. mares, нѣм. Meer изъ mari.

Само русское слово *труд-иться* показываетъ на близкую связь между понятіями *тереть* и *работать*; поэтому называется по латинск. môles-*трудъ*, время, громада, mol-îri *трудиться* omlestus-*трудный*, melior-*труднѣе*, силнѣе, лучше, multus, ê-molumentum трудъ, заработокъ. Въ греч. имѣемъ μάλ-α, μᾶλλον, μάλ-ιστα много, μαλ-ερός сильный, μόλ-ις=μόγις съ трудомъ, гом. μῶλ-ος Ἄρηος=трудъ Ареса, сраженіе. Лат. laborâre связываетъ понятія *работать* и *болѣть* и онѣ выразились и при корнѣ mar въ лат. morbus и въ нѣм. schmerzen, Schmerz боль изъ старон. s-merzan. Ср. греч. σμερδνός ужасный, страшный.

Выше мы показали, какъ произошло изъ mar *тереть* наше *марать*, и поэтому можетъ показаться страннымъ, что и противуположное понятіе *чистить* получило свое названіе. отъ mar Наше *стирать бѣлье=бѣлить бѣлье* показываетъ, какъ легко могутъ соединяться понятія *тереть*, *чистить*, украшать, дѣлать бѣлымъ, сіяющимъ какъ снѣгъ, сіять, которыя заключала въ себѣ скр. основа mrj. Ср. греч. гл. μαρ-μαίρω блистать, скр. mar îci блескъ, сіяніе. Наши собств. имена на *мiръ*, какъ напр. Владиміръ, нѣм. Walde-mar, гал. Jndutio-mâr-us удерживаютъ это значеніе, какъ и лат. mêr-us чистый, гот. mêr-a s славный, такъ что *Влади-міръ* значитъ *славно властвующій*. Ср. наше *марево*, *молнія* и имя ведійскихъ боговъ свѣта Marut-овъ. Скр. marj, греч. ὀ-μόργνυμι *стирать посредствомъ воды* имѣетъ на европейской почвѣ преимущественно форму malg съ значеніемъ *доить* въ греческ. ἀ-μέλγω, лат. mulgeo, нѣм. melken. Оба понятія *тереть и доить* пока соединены въ лит. mélzu. Оттуда происходитъ и наше *мо-*

Cur. 594 184. Fick. II 433. Grimm. 692 Grass. 1007. Max. Mull II. 453 416.

локо, нѣм. Milch, староир. melg. Тотъ же корень въ лат. margo край и нѣм. Mark граница приближается къ первоначальному значенію корня *рѣзать*, раздѣлять, въ нашемъ же *мракъ*= туча, въ греч. ἀ-μολγός (у Гомера въ νυκτὸς ἀ-μολγῷ) къ μέλας черный. Близко къ marg стоитъ сскр. основа març *тереть, касаться, хватать*, греч. μάρπτω, лат. mulcêre потирать, mulc-âre сѣчь розгами, mulc-ta наказаніе. Сскр. marc значитъ вредить, зенд. marenc убивать, mahrk—смерть. Въ греч. μαλκίω получила эта основа болѣе спеціальное значеніе *страдаю отъ* холода, какъ и наше *мерзну*, морозъ отъ к. marg. *Мерзить* произошло изъ значенія *морозить*, какъ *стыдить* изъ *студить*. Въ сскр. marc-*хватать* переходитъ въ понятіе *постигать умомъ*, изслѣдовать, какъ и нѣм. merken замѣчать и наше *мерекать* (сскр. març-ana изслѣдованіе). Подобное значеніе получилъ и греч. гл. μερ-μερίζω, собственно *раздѣлять*, затѣмъ у Гомера *думать*, обдумывать, заботиться, *сомнѣваться* (δίχα μερμ.) Въ сскр. smar помнить, smrti память повторяются значенія корня man, какъ и въ греч. μάρ-τυρ свидѣтель, т. е. помнящій, лат. me-mor-ia память; въ μέρ-μνα, μέλει преобладаетъ понятіе забота, въ μέλ-λω я намѣренъ; зенд. mar значитъ думать, meretu мышленіе.

Новая форма этого корня—mak имѣетъ въ сскр. яз. основное значеніе *дробить*; на болѣе древнее значеніе показываетъ лит. musz *бить*=сскр. mushti, зенд. musti пясть и сскр. придыхательный корень makh съ значеніемъ *рубить мечемъ*, по греч. μάχ-ομαι сражаться, μάχη сраженіе, μάχαιρα мечъ, μάκελλα топоръ, лат. mac-târe рубить, macellum мясная лавка, гот. meki, наше *мечъ*, сскр. makha боецъ. Затѣмъ уже развивается въ сскр. корнѣ mac, въ греч. μάσσω вм. μακίω, лат. mac-erâre, лит. mink-au, чеш. *мачкать* значеніе дробить въ дребезги, *размоз-*

Curt. 463. Fick. I. 720. Вуд. 7. Curt. 327.

жить (ср. лат. mâla вм. mac-la десны). Греч. μάσσω также значитъ *мьсить* тѣсто, отъ чего получили названіе μᾶξα тѣсто, калачъ, μαγ-εύς булочникъ, μάγειρος поваръ. Въ этомъ смыслѣ развилось и наше *мьс-ить*, нѣм. misch-en, лат. miscêre, греч. μίγ-νυ-μι, сскр. miksh, miç. Наше *мягкій* принадлежитъ, какъ и мука, къ корню mak *дробить* (ср. нѣм. Mehl мука отъ корня mal дробить.) Сюда слѣдуетъ причислить также наше *мука*, какъ видно изъ лит. mâkâ мученіе, лат. mâcerâre, соединяющаго оба понятія *дробить* и *мучить*, греч. μόγος трудъ, μόγ-ις съ трудомъ и пр. Наше *макъ*, нѣм. Mohn, греч. μήκων получило оттуда свое названіе, какъ растеніе съ множествомъ дробныхъ зернышекъ. Въ чеш. mak-ati сохранилось значеніе *касаться*, получившее въ русскомъ *мек-ать* и *меч-тать* переносное значеніе точно такимъ путемъ, какъ выше нѣм. denken *думать* отъ корня *tag* касаться. Наше *с-мак-овать* собственно значитъ, какъ и sch-meck-en, *касаться* языкомъ, затѣмъ *отвѣдывать*. Наше *мыкать*, изъ чего *мчать* собственно значитъ водить предметомъ о предметъ, стирать, тереть, какъ и греч. σ-μήχω, σ-μάω; тереться около кого нибудь=льстить, поэтому и *льстецъ* называется по нѣм. Schmeichler отъ гл. sch-meich-eln льстить. *Натирать* тѣсно соединено не только съ понятіемъ *красить*, *украшать*, но и съ *пачкать*, *портить*; поэтому не удивительно, что отъ одного и тогоже корня развились и нѣм. sch-mück-en украшать и наше *маз-ать*, названіе краски *мастъ*, *масло*, лат. mac-ula пятно. Въ древнесл. яз. змѣя называлась *смокъ* т. е. животное пресмыкающееся, между тѣмъ какъ *мчать у насъ получило значеніе быстраго движенія*. Въ переносномъ смыслѣ изъ *mak*— жать, тереть развилось значеніе *терзать*, *давить*, *душить*, поэтому *дымъ* называется по англ. smoke, *давить*, *душить*, по

Curt. 334. Fick. II. 625. I. 707. Буд. I. 77. Grimm. 287. Pictet. I. 365.

лит. smaug-ti, *медленно сжигать* по греч. σρύχω. Чешское *с-маж-ити* т. е. жарить намъ теперь отлично объясняетъ, какъ могло изъ pak *ударять* произойдти значеніе *пеку*. (Ср. выше μαγ-εύς.) Наше *смуглый*, по чеш. osmahly значитъ собственно загорѣлый. *У-малять* значитъ по этимологіи слова — раздроблять или разрѣзывать, *малый* = отломокъ, кус-очекъ, ср. наше *меньшій* лат. minuere, minor, греч. μείων и μόν-ος *одинъ*; не иначе слѣдуетъ объяснять и греч. μικ-ρός, σμικ-ρός, такъ что мы находимъ и въ формѣ корня smak значеніе *разбивать*, *рѣзать*. Въ нѣм. sch-maehen принимаетъ корень переносное чначеніе *уменьшать цѣну предмета*, поносить. Значеніе *рѣзать*. встрѣчается въ томъже яз. въ гл. maehen жать = греч. ἀ-μάω, сущ. Mahd жатва. Какъ у корня pat въ лат. potior, такъ у корня *mah* развилось понятіе *силы* въ нашемъ *могучій*, *мочь*, мас-титый, нѣм. mögen = цел. мош-ти, Macht мочь, въ лат. mag-nus, въ греч. μέγ-ας скр mah-at, зенд. maz. Нѣм. machen, англ. to make получило новое значеніе *дѣлать*, какъ и греч. μηχανάω, лат. machinor, отъ чего и machina Зенд. maç быть *могучимъ*, *великимъ* повторяется въ греч. μακ-ρός (лат. *macer* малый!), μάκαρ богатый, счастливый, въ лит. móku — я могу. Наше слово *могила* значитъ *высокая насыпь*.

Конечно, многія изъ значеній, нами приведенныхъ, должны сопровождать корни mat, mar, mak, даже послѣ потери звуковъ t, r, k и пр.

Выше при понятіи *мѣрить* мы уже достаточно познакомились съ корнемъ ma; остаются его другіе виды mu и mi. Скр. корень mi обозначаетъ и *укрѣплять* (посредствомъ ударовъ) и *уменьшить* (посредствомъ рѣзанія); зенд. яз. прибавляетъ къ нимъ новое понятіе *водить*, по всей вѣроятности, происшедшее

Curt. 328. 334. Fick. II. 427.

изъ прежняго значенія *ходить*, какъ оно сохранилось въ лат. me-âre ходить. Лат. minâre по значенію франц. men-er водить, наше *мять, мну* (топтать землю), лит. minu имѣютъ корень man. Изъ mi *укрѣплять* развилось понятіе *строить зданіе* (лат. mâja домъ, родина), затѣмъ и *обитать, жить вмѣстѣ, сообщаться, мѣнять*, какъ видно изъ лат. com-mû-nis общій и нашего *мѣ-на*, мѣнить Первая торговля была мѣновая и поэтому не удивительно, что и деньги назывались мѣною въ нѣм. Minze. Чеш. смѣнка=нашему сл. вексель, нѣм. Wechsel мѣна и англ. mean средство. Всѣ эти слова имѣли первоначальный корень mat, mit, какъ видно изъ словъ, уже выше приведенныхъ, и изъ лат. mut-âre смѣнить, лит. mis-ti обитать, нашего *мѣсто* и пр. Скр. mit-ra значитъ сожитель, другъ (ср. лат. mît-is ласковый); нѣм. Mittel, какъ и англ. mean значитъ средство для сообщенія. Къ этимъ словамъ слѣдуетъ причислить и предлоги скр. mithas, греч. μετά, нѣм. mit съ значеніемъ *съ*. Наше *воз-мез-діе, мьзда* и месть значитъ собственно мѣновая плата и по этимологіи совпадаютъ съ нѣм. miet-hen—нанимать.

Также форма корня mar развила въ себѣ *понятіе движенія* въ греч. βλώσκω вм. μλώσκω аор. ἔμολον (ср. βλάπτω вм. μλά-πτω молотить, вредить.) Матеріальное ея происхожденіе видимъ въ гомер. μάρπτειν γθόνα ποδοῖιν (H. XIV. 222) касаться земли ногами. *Движеніе ногъ переносится на движеніе воды* въ скр. mad, въ греч. μαδά-ω, лат. mad-êre течь, таять, mad-idus мокрый. Уже скр. mad соединяетъ въ себѣ понятія *перетекать, ликовать*=перетекать чувствами, и *быть пьянымъ*; пьяница называется по скр. mat-ta, по лат. mat-tus, я пьянъ по греч. μεθ-ύω. Отекшее лицо выпившаго человѣка синѣетъ и по этому синяя краска называется по чеш. *модрь*, синій *модрый*, синякъ *модрына*. Скр.

Fick. I. 723. Grass. 977. Fick. I. 711. Curt. 326. 259.

гл. mad подвергся сначала распространенію посредствомъ *g* въ madg и затѣмъ значительной порчѣ въ majg и majj. Ни одинъ звукъ не оказываетъ столь вреднаго вліянія на первоначальные звуки, какъ j, такъ что онъ справедливо можетъ быть названъ, по выраженію Асколи, зловреднымъ паразитомъ въ ряду звуковъ нашего алфавита. Такое ничтожное *йотъ* (j) могло проникнуть въ середину корня madg, сообщить ему форму madjg и затѣмъ нетолько вытѣснить звукъ *d*, но и уподобить себѣ *g*. Причина подобнаго вліянія чисто физіологическая и объясняется стремленіемъ мягко, нѣжно выговаривать многіе звуки; мы именно, часто не говоримъ, а *мямлимъ* свои звуки подобно дитяти, которое, гдѣ только можетъ, смягчаетъ или замѣняетъ звукъ своимъ j. Слѣдъ *d* въ сскр. madg сохранился въ нашемъ *мозгъ* т. е. текучая, жидкая масса и еще лучше въ лат. *med-ulla* мозгъ костный, при чемъ наше з=dj, какъ напр. въ греч. Ζεύς вм. Δj-εύς; въ лат. merg-ere, *горитъ* и нѣм. Mark=med-ulla полугласная j замѣнилась посредствомъ *r*. Сскр. mad въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи не только значитъ *торопишься, спѣшитъ*, но и выражаетъ *медленное, тихое движеніе воды* въ гл. mad-ati и поэтому мы можемъ наше *медлить*, чеш. mdlý=вялый, греч. ἀ-μυδ-ρός слабый, чеш. mdloba=обморокъ совершенно правильно соединить съ корнемъ *mad* течь. Изъ *mad* медлить развилось понятіе *обитать* въ сскр. mandira домъ, греч. μάνδ-ρα хлѣвъ (ср. греч. μένω остаюсь лат. man-ēre, сскр. man.)

Движеніе воды послужило также основнымъ понятіемъ кор. magh, *migh*, съ значеніемъ лить. Въ русскомъ яз. имѣемъ оттуда слово *мгла*, лит. migla, греч. ὀμίχ-λη. Въ сскр. mih соединились понятія *дождь* и мгла; *mehatnû* служитъ названіемъ рѣки. Также наше *мокрый* находится въ близкой связи съ этими

Curt. 326. Fick. III. 237. Будил. I. 202. 15. Curt. 194.

корнями, отъ которыхъ едвали можно отдѣлять наше *мѣшать*, греч. μίγ-νυ-μι, сскр. miç и греч. μύσσω вм. μύκ-ιω, лат. emungere *сморкаться*. Послѣднее сравненіе подтверждается греч. названіями *носа* μυκτήρ и ῥίς, изъ которыхъ послѣднее происходитъ отъ ῥέω теку, такъ что μυκτὴρ=текучій или *мок-рый*. Впрочемъ и наше носъ, лат. nas-us, нѣм. Nase значитъ мокрый (ср. нѣм. nasz мокрый) и вся разница между nas-us и греч. νῆ-σος островъ въ томъ, что nasus=текущій, а νῆ-σος=плывущій или окруженный водою (Ср. ῥίς и ἀμφιρύτη νῆσος). Можетъ быть, что и наше *мысъ*=νῆσος, т. е. значитъ омываемый волнами, хотя намъ кажется, что названіе мыса по значенію гораздо ближе стоитъ къ лат. mon-s гора и promont-orium мысъ, происшедшимъ изъ man *оставаться, торчать*, такъ что тогда наше *мысъ* значитъ *выступъ* (лат. mentum подбородокъ=выступъ на нашемъ лицѣ). Въ нашемъ словѣ *мах-ать*, чеш. máv ati и *махаться* имѣемъ понятіе *движенія съ шумомъ*, (обыкновенно воды) и мы не задумываемся *сопоставить* съ этими глаголами лат. movêre *приводить въ движеніе*, греч. ἀ-μείβ-ομαι передвигать, *мѣнять*, сскр. mîv, mû *двигать*. Звукъ *v* въ mov-êre и *x* въ *мах-ать* одинаковаго происхожденія, т. е. они произошли вслѣдствіе придыханія, которое сопровождаетъ каждую гласную и окончательно принимаетъ форму или звука *v*, или *ch*. Такъ напр. лат. корень flu посредствомъ придыханія распространился и въ fluch, flug, perf flug si, fluxi и въ fluv въ fluvius, fluo вм. fluvo и пр. Отъ этого корня получило названіе *быстро летающее насѣкомое*, наше *муха*, мушка, лат. mus-ca, греч. μυῖα, нѣм. Mücke. Изъ приведенныхъ словъ видимъ, что much превратилось въ mus. Сскр. mus значитъ быстро, *проворно* уносить, похищать, *красть*, и поэтому

Curt. 319 Fick. II. 192. Pict. I. 526. Буд I 154. Grassm. 1047.

не удивительно, что *воръ* въ сскр. получилъ названіе musîvan, сохранившееся и въ нашемъ *мышь*, т. е. ворующее животное, нѣм. Maus, лат. mûs, греч. μῦς, сскр. mûsh. Ср. наше *мышица*, *мышка*, мускулъ изъ лат. mus-culus и пр.

Движеніе воды особенно хорошо присвоено этимъ корнемъ въ нѣм. и слав. языкахъ. Наше *мыть* имѣемъ въ лит. maudyti, *нырять*, купаться, въ нѣм, mâ-dha, mô-dha *великая рѣка*, *паръ*, *дымъ*, съ общимъ признакомъ движенія, въ гр. μαίνω осквернять, сскр. mûtra нечистота. Нечистая вода, *лужа* называется по нѣм. Moos, Moor, изъ чего франц. mousse пѣна. Отъ того же корня ma *двигаться* получилъ названіе *муравей*, по чеш. mravenec или brabenec, какъ видно изъ зенд. maoi-ri вм. mav-ri.

Grassm. 1051 Curt. 338 Fick I 728. Буд. I 191. Pict. 5 6 Grimm. 222

VI.

Для обозначенія удара *ноги* о землю особенно плодотворными оказались въ первый періодъ языка *звуки гортанные.* Въ нашемъ сочиненіи мы не можемъ распространяться объ историческомъ происхожденіи отдѣльныхъ звуковъ нашего языка, такъ какъ этотъ вопросъ столь важенъ, что для своего рѣшенія требуетъ всесторонняго обсужденія всѣхъ данныхъ науки о языкѣ, но мы тѣмъ не менѣе, не выходя изъ рамокъ нашей работы, можемъ утверждать что звуки гортанные по своему историческому развитію должны занимать одно изъ первыхъ мѣстъ хронологическаго алфавита, такъ какъ они по легкости своего произношенія уступаютъ только губнымъ и зубнымъ звукамъ. Безъ придыханія нельзя произнести ни одного звука, а *придыханіе именно послужило основаніемъ для образованія гортанныхъ звуковъ.* Придыханіе могло быть острое, при чемъ его звукъ равнялся лат. h въ habère или въ чеш. hora=нашему гора, (подобный звукъ слышимъ и въ нашемъ Тамбовскомъ выговорѣ звука *г* въ *городъ* и пр.) и мягкое, которое равнялось нашему *х*, лат. ch, въ словѣ хап-ать, греч. ἅπ-τω. Эти первоначальные, придыхательные звуки, сопровождавшіе каждый звукъ гласный, или согласный, какъ мы видѣли выше, весьма склонны переходить въ гортанные звуки, именно *h* въ *g*, *ch* въ *k*, какъ видно изъ сравненія, хоть русскаго

и чешскаго языковъ. Чешское h замѣняетъ повсемѣстно русское г, и во многихъ случаяхъ наше х превращено въ чешское k, напр. *хлопоты* въ klopoty, *хрѣнъ* въ krьen и пр. При этомъ съ теченіемъ времени эти звуки k и g могутъ опять смягчиться въ h и х, какъ это случилось въ чешскихъ словахъ съ h, и вновь сгущаться въ гортанные звуки, пока это ритмическое движеніе не остановится перемѣною этихъ звуковъ въ новые, отъ которыхъ уже невозможно возвращеніе къ первоначальнымъ. Напр. сскр. hamsa только черезъ праславянское gанса, *гусь*, перешло въ чешскій яз. въ формѣ hus, въ которомъ она съ теченіемъ времени можетъ опять превратиться въ gus, и этотъ процессъ можетъ продолжаться безконечно, пока тотъ или другой звукъ не выродится въ новый, изъ котораго возвращеніе къ прежнему невозможно. Такое вырожденіе происходитъ посредствомъ смягченія звуковъ g и k другимъ путемъ, чѣмъ черезъ придыханіе. Тогда g смягчается въ *j*, а затѣмъ въ *ž*, или ж, или сначала посредствомъ придыханія въ х, при чемъ gh=ch, и затѣмъ въ *ш* или *с*. Звукъ *к* смягчается въ *ц* и *ч*, или посредствомъ ch въ *с* или *ш*, т. е. *на этой степени фонологической порчи k сдѣлалось равнымъ g*, *h=ch*. Подобный родъ смягченія въ разныхъ своихъ видахъ происходитъ въ перемѣнахъ выговора новыхъ языковъ; напр. берлинскій выговоръ звука *g* постоянно смягчаетъ то *g* въ *j*, напр. въ *jans* вм. *gans* и оттуда только одинъ шагъ къ zans. Такимъ образомъ сскр. aham *я* превратилось сначала въ ag-am=ἐγώ, лат. ego, и затѣмъ посредствомъ формы *ego* (*ср. англ.* J=*ай.*) въ новофранцузское je, по выговору *же*. Смягченіе *г* въ *х* произошло напр. въ нашемъ. сл. холодъ, чеш. chlad; сскр. яз. также имѣетъ смягченную форму, въ jala, между тѣмъ, какъ лат. gelu морозъ сохранило сред-

нюю форму съ звукомъ *г*. Это *х* опять можетъ смягчиться въ *ш* или *с*, какъ напр. въ нашихъ словахъ *спѣшный* и *спѣсивый* отъ слав. корня *спѣх*—(у-спѣхъ). Смягченіе звука к въ ц или ч отлично можемъ наблюдать въ нѣм. словѣ Kirche, кирка: это слово имѣетъ въ англ. форму church, т. е. когда то въ Англіи говорили ch вм. k, теперь это *ch* выговаривается какъ наше *ч*, между тѣмъ какъ въ чеш. cirkev, церковь, первое k смягчилось въ c и ch поднялось въ k. Сскр. гл. kat *покрывать* смягчился правильно въ нѣм. huot, Hut и Hütte, но какъ въ франц. изъ корня *кар*-покрывать, образовалось посредствомъ лат. capulus chapeau, *шапо*, шляпа, точно такъ изъ приведеннаго корня kat образовалось наше *хат-а*=нѣм. Hütte, и далѣе въ чешскомъ *шаты* т. е. покрывало, одежда. Все это мы привели къ тому, чтобы доказать, что звуки g и k, а тѣмъ болѣе *с*, *ш*, *ц*, *ч*, *з*, *ж* сравнительно поздняго происхожденія и что по этому корни, образовавшіеся посредствомъ сочетанія съ гортаннымъ звукомъ, уступаютъ по своей древности корнямъ губнымъ и зубнымъ. Подражаніе удару никогда не могло произойти посредствомъ придыхательныхъ *h* или *ch*, и поэтому надо полагать, что всѣ корни звукоподражательные съ гортанными были созданы только тогда, когда уже во многихъ корняхъ другаго свойства выработались звукъ *g* изъ *h*, звукъ k изъ ch. А гдѣ тѣмъ не менѣе встрѣчаемъ въ корнѣ съ подражательнымъ характеромъ звукъ h или ch=ç, тамъ онъ произошелъ изъ g или k путемъ выше указаннымъ. Также нужно заключать и о звукахъ з, j, с, ш, ж. Поговоримъ сначала о корняхъ, начинающихся съ g=j=gh=ch=s=*ш*=z=*ж*.

Гортанные звуки по своей рѣзкости и, такъ сказать, однократности были весьма удобны для подражанія рѣзкихъ, сильныхъ,

мгновенныхъ ударовъ. Въ сскр. яз *ударять* называется han, ударъ ghâ-ta, какъ видно происшедшее изъ gâta, борьба, сраженіе hatyâ. Этотъ корень живетъ въ нашемъ *жать*, *жатва* и пр. и въ болѣе сохраненномъ видѣ въ *гнать*, чеш. honiti, т. е. понукать ударами. Въ лат. имѣемъ host-ire бить, hast-a копье, host-is копейщикъ, непріятель, иностранецъ *гость*. Значеніе ударять также заключалось въ сскр. hiṁs вм. haṁs. Поэтому называется орудіе по лит. gin-klas, сраженіе въ старомъ нѣм. яз. gint-ja, gund и пр. *Ходить* имѣемъ въ сскр. jaṁh, собственно *ударять руками и ногами*, но особенно широко развился въ этомъ отношеніи сскр. корень gan, греч. βαίνω вм. βαν-ίω, лат. ven-io вм. gvem-io, нѣм. kom-men изъ гот. qvam. Греч. βαίνω произошло отъ gan посредствомъ формъ gvam, но греч. γραμ, γβαν, изъ чего могли произойдти только два греческихъ корня или γαν или βαμ подобно тому, какъ выше въ лат. яз. образовалось изъ dvis bis дважды, и dis = нашему *раз* въ сложныхъ глаголахъ. Это замѣненіе *g* посредствомъ *b* показываетъ, насколько критически нужно относиться ко многимъ словамъ, которыя на первый вглядъ имѣютъ несомнѣнно подражательный характеръ. Напр. что можетъ лучше передать ревъ быка, чѣмъ греч. βοῦ-ς или лат. bo-s, между тѣмъ какъ это слово не имѣетъ ничего общаго съ звукомъ bu, такъ какъ совершенно механически преобразовалось изъ подражательнаго звука gu сначала въ gvus, и затѣмъ уже въ bos, βοῦς. Такимъ образомъ лучше всего сохранилось сскр. go въ нашемъ *говядина* изъ цсл. говѧдо въ чеш. hov-ado, въ лит. gûw-is, нѣм. Kuh корова. Послѣ этой короткой замѣтки можемъ возвратиться къ словамъ, служащимъ выраженіемъ шумной ходьбы. Корень gam скоро потерялъ окончаніе m, какъ видно изъ аористовъ сскр. agât, греч. ἔ-βη. Вы-

Grassm. 1641 Curt. 472. Будил I. 181. Fick. 572 Pict. I. 409.

ше *почва* (вм. pak-va) былъ названъ отъ удара ноги δάπις, Boden и пр.; точно такимъ же образомъ *земля* по своему значенію=почва по которой ходимъ. Слово *зем*-ля показываетъ на корень *gam*, который могъ смягчиться или въ cham или въ jam, zam, или сократиться въ ga. Всѣ три формы встрѣчаются въ арійскихъ яз.: первая въ греч. χαμα—въ нарѣчіяхъ χαμαί, χαμά-δις, χαμᾶζε, въ χθών, въ лат. hum-us и hum, вторая въ нашемъ *зем*-ля, въ зенд. zem, въ лит zéme; третья въ сскр. gâu-s и въ греч. γῆ. Лат. homo человѣкъ такимъ образомъ= χαμαι-γενής, γίγας (γῆ) рожденный изъ земли, или δεσπότης, ходящій по землѣ, т е ея обитатель. По лит. называется человѣкъ zmû, по гот. gam ср. новон. Bräuti*gam* женихъ. Δεσ-πότης по своему образованію тождественно съ нашимъ гос-подинъ и лат. hospes (вм. pet-s) Δες въ греч. словѣ есть тоже самое δες, съ которымъ мы уже встрѣтились въ словѣ δεσ-μός=πέδη путы отъ корня dam съ значеніемъ вязать изъ ходить, такъ что можемъ положить δες=δη—въ словѣ δημός, или δα—въ словѣ δάπις почва. Поэтому не ошибемся, если скажемъ, что по значенію δες=δᾶ=βᾶ=γᾶ, т. е. земля, какъ это между прочимъ видно въ словѣ Δη-μήτηρ=по значенію γη-μήτηρ т. е. мать, земля. Тогда δεσπότης=ὁ πατ-ῶν τὴν γῆν, и мы не видимъ причины, почему точно такое значеніе не придавать нашему гос-подинъ, или лат. hospes и не передавать эти слова вм. нашего домохозяинъ болѣе подходящимъ *землевладѣлецъ* изъ первоначальнаго *ходящій по землѣ*. Ср. гом. ἐπιχθόνιοι ἄνθρωποι и ἐπὶ χθονὶ δερκόμενοι, т. е. смотрящіе на землю. Не иначе слѣдуетъ толковать и βασιλεύς царь=сскр. ganaka. Сскр. ganaka обозначаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ того, кто ходитъ, наступаетъ, владѣетъ землею=ὁ βαίνων ἐπὶ τῆς γῆς, царь же будетъ у Гре-

Curt. 172. Fick. I. 322. Буд. I. 13. Pict III. 93.

ковъ=ὁ βαίνων ἐπὶ τοῦ λεώς или. какъ выражается Гезіодъ, ᾧ ὑπεζευγμένοι εἰσὶ λαοί, Плохо обращаться съ народомъ называется у Гомера κακῶν ἐπιβασκέμεν οἰΐας Ἀχαιῶν (Ил. 234) и βασιλεύειν=panovat=pot-ior значитъ держать твердо власть въ рукахъ. Но ganaka имѣетъ еще другое значеніе *супругъ* и это намъ сразу показываетъ происхожденіе другаго значенія корня *gam*, выразившееся лучше всего въ греч. γαμ-έω, нашемъ *жен-иться*. Если погрузимся въ исторію древнихъ временъ, или представимъ себѣ весьма тяжелую картину брачной жизни дикарей, его ухаживаніе за избранною не своего сердца, а своихъ инстинктовъ, то легко поймемъ, почему *бракъ*, *жена*, *жениться* и пр. получили свои названія отъ корней, значеніемъ которыхъ было *оглушить ударомъ*, покорить, поработить. Какъ выше δάμαρ супруга отъ dam (лат. dom-âre), такъ въ *жен-иться* должны предполагать прежнюю форму gam съ значеніемъ *ходить по*, затѣмъ *покорить*. Въ нашемъ *жму* сохранилось первоначальное m, какъ и въ греч. γαμ-έω, γάμ-ος бракъ, и въ γέμ-ω изнываю подъ тяжестью бремени, и γόμ-ος бремя. Сскр. ganaka супругъ= dampati тогоже языка. Dampati=ὁ πατῶν ἐπὶ τῆς δάμ-αρτος, такъ какъ греч. δάμ-αρ=сскр. dam. Само pátis въ такомъ случаѣ ничто другое, какъ ὁ πατῶν, сскр. pát-ni, чеш. paní=ἡ πατουμένη. Отлично подтверждается это производство гомерическою фразою τῆς εὐνῆς ἐπιβήμεναι и словомъ ἐπιβήτωρ, которое придаетъ первому значенію новый оттѣнокъ. По всей вѣроятности въ древнегреч. ἐπι-βαίνειν значило *оплодотворять*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ гом. выраженіе въ Od. XI. 31, XXIII. 278 συῶν τ'ἐπιβήτορα κάπρον. Πόσις=тогда ἐπιβήτωρ γυναικός. По значенію πα=βα, которое и по значенію, и по происхожденію=ga, поэтому и ganaka=ὁ ἐπιβήτωρ γυναικός и γυνή, γανά, βανά=

Curt. 362. 546. Fick. II. 86. Curt. 1751 Pict III. 27.

ἡ πατουμένη *жен-а*. Такое значеніе имѣетъ, конечно, очень мало близкаго съ тѣмъ толкованіемъ, по которому мы видимъ въ словахъ произведенныхъ отъ корней pa, ga, ba начало власти милостивой, снисходительной, заботливой. Значеніе, которое арійское племя успѣло придать этимъ словамъ въ періодъ сравнительно очень близкій первоначальному состоянію людей, свидѣтельствуетъ только о высокой гуманности нашего племени, въ силу которой оно очень рано забыло о тѣхъ возмутительныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между мужемъ и женою. Звуки g и b, послужившіе основаніемъ для этихъ корней, повторяются въ формахъ арійскаго и ирскаго языковъ. Пышный титулъ арійской королевы queen изъ гот. quinô и величественное названіе короля king имѣютъ свое начало, какъ и ирское ben жена, въ глухихъ ударахъ ноги.

Въ *gen* принимаетъ корень gam *плодить* новое значеніе *родить*, которое нашъ глаголъ соединяетъ въ одномъ словѣ съ значеніемъ *родиться*. Въ лат. яз. имѣемъ сл. gignere родить, и nasci родиться, произведенныя отъ одного и тогоже корня gam, gan, въ сскр. jan. Gigno=gi-*gen*-o, какъ и греч. γί-γνομαι=γιγεν-ομαι; nascor же произошло изъ *gna*-csor, также отъ корня gam, какъ видно изъ co-gnâtus родственникъ, genus, греч. γέν-ος родъ, in gen-ium врожденное свойство, gen-ius врожденный духъ, ангелъ хранитель pro-gen-ies потомство и пр., Въ зенд. яз. имѣемъ форму frazamti, благородный, *знатный* называется по греч. γνήσιος, по сскр. jât-ya, зародышъ gemma, близнецъ geminus, братъ и сестра по греч. αὐτο-κασί-γνητος и κασι-γνήτη, т. е. происходящій изъ одного лона, какъ и ἀ-δελφός вм. σα-δελφός. Члены одной общины назывались gen-s, одной страны (g)nat-io народъ, гот. knôd-i-s, ср. нѣм. Kind дитя. Мѣсто зарож-

Curt 175. Fick. I. 65 Grassm. 465. M. Muel, II. 242 285.

денія дитяти, *лоно матери*, затѣмъ вообще *животъ* называется по сскр. jathara, греч. γαστήρ (Гом. ὁμογάστριος = ἀ-δελφ-ός) по лат. (g)venter. Мать *природа* называется по лат (g) natûra. На первый взглядъ трудно себѣ представить переходъ отъ gam или gan ходить къ—gam *знать*; между тѣмъ этимологическое сходство между словами, принадлежащими къ этимъ корнямъ, во всѣхъ языкахъ столь велико, что мы непремѣнно должны признать ихъ сродство. Вспомнимъ, какъ опредѣляется у Гомера знаніе Одиссея словами πολλῶν ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω, какъ объясняется этимъ его опытность и знаніе, и намъ не будетъ слишкомъ трудно найдти связь между *ходить* и *знать*. Связь эту потверждаютъ многія поговорки и многія отдѣльныя слова, напр. лат. per-îtus отъ гл. î-re ходить, нѣм. er-fahren отъ fahren ѣхать, наше *пройдоха*, опытный въ дурномъ смыслѣ и пр. Путешествія, конечно, имѣли въ древнемъ мірѣ гораздо больше значенія, чѣмъ теперь, когда можемъ узнать обо всемъ изъ книгъ и газетъ, и поэтому не удивительно, что считался знатокомъ тотъ, кто много ходилъ. Также можетъ быть, что существуетъ нѣкоторая связь между *рожденіемъ* и *знаніемъ*, что знаніе есть (по мнѣнію Пиктета) духовное возрожденіе, что и наши арійскіе предки могли говорить *у меня родилась мысль* вм. я знаю, но у насъ для этого мало доказательствъ и поэтому мы предпочитаемъ первое толкованіе. Впрочемъ съ послѣднимъ толкованіемъ въ нѣкоторой степени согласна греч. миѳологія, гдѣ богиня мудрости и знанія рождается изъ головы Зевса. *знать* имѣемъ въ греч. γι-γνώ-σκω, въ лат. nô-sco, co-gno-sco, въ нѣм. ken-nen, сскр. jnâ, въ зен. zanti, сскр. jnâti, лит. pa-zintis, нѣм. Kunde и и Kunst искусство. Наше сущ. *знать* = лат. nôbilis. *Понятіе* называется по лат. notio, *знакомлю*, разсказываю (g)narro, *занимаюсь*

Curt. 174. 178. Fick. II. Grassm. 500. Pict. III. Mikl. 231.

усердно (g) nâvo, *невъжа* i-gnarus, лѣнтяй i-gnâ-vus. Высокое понятіе получилъ этотъ корень въ греч. νοῦς *мысль*, νοέω *мыслить* изъ γνό-ος и γνο-έω. Признакъ, по которому мы узнаемъ какой либо предметъ, называется по сскр. nâm-an, греч. ὄ-νομ-α, лат. nômen вм. gnômen, какъ видно изъ co-gnom-en прозвище, ignominia дурная слава, въ нѣм. Name, нашемъ *з-нам-я*, чеш. znamení, признакъ и *имя*, чеш. j-men-o вм. g-meno, z-meno. Такимъ образомъ этим. *именитый=знаменитый*.

Въ весьма тѣсной связи съ gan родить находится логическій корень gi, giv, сскр. jiv, *жить*, греч. βιόω, лат. vîvo, vigeo, vi-rêre зеленѣть, процвѣтать, какъ и нѣм. keimen. *Жизнь* называется по сскр. jîva, по греч. βί-ος, лат. vi-ta, лит. gyvatà, цсл. *животъ*. Лат. victus *жизненные припасы* повторяется въ староир. biad—βιοτή. Изъ gam покорять остался корень ji въ сскр. ji-nâti, покорять, притѣснять, лишать имущества, далѣе быть удрученнымъ, *старѣть*, изъ чего jina престарѣлый. Но особенно это значеніе принадлежитъ корню *gar* съ значеніемъ *дробить, растирать*, далѣе *дряхлѣть, старѣть*. Конкретное значеніе имѣемъ въ нашемъ *жер-новъ, зерно* лат. grâ num, нѣм. Korn; англ. to grind пока значитъ дробить и особенно хорошо передается чешск. гл. drtiti. Наше *зрѣть, зрѣлость* получаетъ какъ разъ противоположное значеніе сскр. gar дряхлѣть, старѣть, греч. γέρων γραῦς старикъ, старуха, зенд. zaur-va старость. Выше въ корнѣ *mar* соединяются понятія дряхлѣть и *замерзать* (морозъ); тоже самое отношеніе существуетъ между нашимъ *старый* (ср. выше греч στερεός лат. sterilis=чеш. stelny, т. е. безплодный) и нѣм. starr оцѣпенѣвшій, такъ что *старѣть* собственно значитъ *цѣпенѣть*, т. е. дѣлаться жесткимъ, твердымъ, холоднымъ, въ нравственномъ отношеніи тупымъ, глупымъ. Всѣ эти понятія соединяются въ сскр. прил. jala, и спеціальное значеніе *мороза*

Curt. 476. Fick I. 570. Grassm 486 Mikl 196 Буд. I. 234.

получаетъ лат. gelu, нѣм. kalt холодный, наше *го готь*=гололедица и *холодъ*, чеш. chlád-ek тѣнь; по всей вѣроятности и чеш. slo-ta, т. е. *холодная* бурная *погода*, принадлежитъ сюда же. Наше *зима* относится къ корню gam *вредить*, такъ что сскр. him, зенд. zyâo вм. zyams, греч. χειμών, лат. hiem-s. старонр. gaim, лит. zema значитъ *вредная*, холодная погода; греч. χιών вм. χιομ значитъ *снѣгъ*.

Также удручающее *гор-е*, чеш. hoře, отъ котораго старѣютъ люди, получило названіе отъ gar *тереть*, какъ видно изъ гом. γήραι τείρεσθαι (Il. V. 153); прилагательное *горькій*=уничтожающій и его сравнит. степень, *гор*-ше можемъ сравнить съ греч. χερί-ων, χείρων и съ χέρ-ης нищій, слабый. Оттуда происходитъ и наше *хилый*, *хилѣть* и *хирѣть*, между тѣмъ какъ *жиръ*, *жирѣть* отъ тогоже корня развилось по тойже идеологической линіи, какъ выше упомянутое лат. vir-eo вм. gvir-eo процвѣтаю, зеленѣю и слово vis, мн r, vir-es (жиръ) сила *Горе*, будучи этимологически переложено на позднѣйшую форму, даетъ *зол—злой*, т. е. уничтожающій, какъ и лат. malus отъ к. mar.

Противуположное понятіе холоду—*жара*, *жаръ* также развилось отъ корня gar, при чемъ началомъ послужило звукоподражаніе треску огня; жаръ такимъ образомъ=трескучее пламя и названіе трескучаго мороза и трескучаго огня коренятся въ сочетаніи звукоподражательномъ gr для шумовъ чрезвычайно сильныхъ и рѣзкихъ, какъ видно изъ чеш, hrčeti о шумѣ быстро ѣдующаго экипажа или въ нашемъ *градъ* о раскатахъ бушующей природы, сскр. hrâdunî буря, лат grando. Конечно, здѣсь этотъ шумъ въ понятіи *буря* усиливается прибавленіемъ зубной d, какъ опять въ нашемъ *громъ* рисуются намъ *глухіе* раскаты бури звукомъ *и. Движеніе воды* съ такимъ шумомъ называется

Curt. 176. Grassm. 478 Fick. I. 71. M Muel. II 227 Pict. I. 106

по греч. χλῆδ-ος (ср. наше *хлестать* о движеніи дождя, воды, *хлынуть*, *хлыстъ*, орудіе удара и пр.), χαράδρα потокъ, χέραδος шумъ рѣки, сскр. hrad-a озеро. Въ grad-ior, *gradus*=цсл. *грести*, гот. grid-is шагъ употребляется это слово о движеніи по землѣ пѣшкомъ Во всякомъ случаѣ корень gar отлично передаетъ рѣзкій трескъ огня, и наше *гор-ѣть* можетъ служить прототипомъ словъ, образовавшихся въ этомъ направленіи. Въ сскр. яз. имѣемъ ghr-ṇi жара, свѣтъ, зенд. gar-ema теплый, жаркій, горячій, греч. θερ-μός, θέρ-ος жара, лѣто, θερμάι, θερμαίνω *грѣть*, лат. fornax печка, for-cer-s кочерга, for-mus, for midus, горячій, fer-veo *горѣть*, нѣм. warm, warme вм. gwarm. Въ русскомъ *жара* и *зола* имѣемъ позднѣйшія формы этого корня. Уже въ сскр. словахъ соединяются понятія *тепла* и *свѣта*, изъ которыхъ послѣднее особенно развилось въ сскр. ghramsa, въ нѣм. glanz, англ. gleam сіяніе, лучъ, въ нашемъ *заря*, зоря. Въ нашемъ *глядѣть*, *зрѣть*, *зрѣніе* изъ свѣтить развивается понятіе *видѣть*. *Глазъ* такимъ образомъ и этимологически есть дѣйствительно свѣтъ, *заря души*. Въ чеш. hledĕti, hledati чередуются понятія *смотрѣть* и *искать* (ср. выше кор. mat.) Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что изъ gar и въ слав. яз. могла образоваться форма *jas* посредствомъ перехода r въ s, какъ напр. въ сл. весна вм. верна, ср. лат. ver—и тогда легко объяснить коренное значеніе нашего *ясный*. Врочемъ *r* сохранилось въ нашемъ *яр-ость*, чеш. jary, bu-jarost, т. е. жаръ души=греч. θυμός и въ чеш. сл. jar-o, сохранившемся въ нашемъ прилагательномъ *яровой*, съ значеніемъ *весны*, т. е. свѣтлаго, яснаго времени года. *Ужасный*, *у-жасъ*, *у жасаться* выражаютъ собственно тоже самое, что чешское jás-ati, jas, которыя употребляются особенно о тѣхъ состояніяхъ души, когда у насъ внутри

Curt. 493 Fict I, 81. Grassm. 421. Grimm. 284. Mikl. 195.

какъ будто все просвѣтлѣло, т. е. когда ликуемъ. Чешское zasnouti собственно значитъ удив-ляться и произошло такъ отъ jasny, какъ и лат. mirâri отъ mîrus чистый. Страннымъ можетъ показаться, что его рефлексъ gas въ нашемъ *гасить*, чеш. hasiti значитъ именно *тушить свѣтъ*, затѣмъ и *угасать*, т. е. гибнуть, ср. скр. jas, зенд. zah, лат. ûses-t. Но чешскимъ jásati, соединяющимъ понятія *свѣтить* и *ликовать*, объясняется и значеніе скр. har (радоваться) любить, греч. χαρ-ίω, χαίρω, χάρις радуюсь, лат. hor-tor разохотить, побуждать, нѣм. gern радъ, be*geh*ren, нашего *жел-ать*, *желаніе* и пр.—Въ староир. *gel свѣтъ* далъ названіе *бѣлой* краскѣ, и навѣрно и греч. γα-λήνη сіяющее, тихое море, и γάλα, γάλακτος, лат. (*ga*) lac, lactis молоко получило названіе отъ своей бѣлизны. Наше *сер-ебро*, какъ и нѣм Sil-ber, англ. sil ver показываетъ на первую форму сл. har и, какъ греч. ἄργυρος (αργ=γαρ—har), значитъ *бѣлый металлъ*. Другіе металлы *желѣзо*, *золото* также получили названіе отъ своего цвѣта.

Наше *желѣзо*, лит. gelezis имѣло въ греч. форму χαλκός съ значеніемъ *мѣдь*. *Золото* по скр. harini, по зенд. zairina, по нѣм. gol-d получило названіе отъ своей *желтизны*, а *желтая* краска отъ цвѣта огня, такъ что *желтый*, скр. harini, зенд. zairina нѣм. gelb=огненный. *Зеленый* цвѣтъ, по своему существу весьма близкій къ желтому, сближается съ нимъ и этимологически въ словахъ зенд. zaremava, греч χλόη зелень, χλωρός= лат. hel-vus (fla-vus) зеленый, желтоватый, нѣм. grun. Отъ своего цвѣта получила названіе и *желчь*, греч. χόλος, лат. fel, нѣм. galle *и зелень*, *злакъ* и пр., нѣм. Gras трава, лат. hol-us капуста, греч. χλέ-μερος зародышъ (=процвѣтающій, ср. лат. (h)elementum начало) По скр. конь огненнаго цвѣта и *ли-*

Curt 112 Pict. II, 37. Grimm, 228. Grassm 1648. Fick. 357 Pict. I. 178. Mikl 226 Буд. 58.

сица называется hari; въ нашемъ яз. сохранилось изъ тогоже источника названіе птицы *желна*, чеш. *жлува*, и черепахи *желвь* (χελώνη).

Выше мы имѣли нѣсколько примѣровъ, гдѣ корень gar обозначалъ *движеніе*, особенно *движеніе воды*; потому вода называется по скр. jala, *журчать*, *течь*, особенно съ дерева или съ крыши на землю gal, изъ чего развилось понятіе *падать*, *бросать* съ шумомъ въ нѣкоторыхъ скр. словахъ, въ греч. βάλ-λω, нѣм. wer-fen и проч. лат. in-gru-ere бросаться. Можетъ быть, понятіе *падать съ шумомъ*, *ударять* было основнымъ, а не производнымъ изъ значенія *течь съ шумомъ*. Нѣм. quellen *журчать*, Quelle *источникъ*, Qual *мученіе* Qualm *смерть* показываютъ постепенное развитіе понятій журчать, стекать, падать, бросать (бить), лежать, помирать. Нѣтъ сомнѣнія, что и наше *желудь*, лат. glans, гр. βάλανος значитъ *падающій плодъ*, какъ и скр. gula = бросаемый предметъ. *Падающій камень* могъ легко называться по греч. (γ)λὰα-ς изъ скр. grâ-van и дать названіе понятію *тяжелый* въ скр. guru, лат. grâvis, греч. βαρ-ύς нѣм., sch-wer нашемъ *грузъ*. Изъ картины высоко брошеннаго камня могло легко развиться понятіе *высокій* въ нашемъ *гор-а*, скр. giri, и прус. garrin дерево. Также *гол-ова*, лит. galva собственно значитъ *возвышенная часть тѣла*.

Изъ *gar* бросать, поднимать произошло уже въ скр. gur, gir значенія возвышать похвалою, *восхвалять*, почитать боговъ жертвами, *жертвовать*. Ср. греч. γέρας, лат. grât-us хваленый, пріятный, наше *жрецъ* = молящійся богамъ при жертвоприношеніяхъ.

Понятіе *движенія* также сохранилось въ нашемъ *гул-ять*; скр. jar значитъ *подходить*, приближаться. Значеніе *возить*, *носить* имѣемъ въ лат. gero, gessi, ag-ger навозъ, греч. βασ-τάζω

Fick. II. 82. Буд. 64. Pict. I. 625 Cart. 474. Grassm. 397.

изъ основы gah, gas; собирать т. е. *свозить* въ греч. ἀ-γείρω, ἀγορά, лат. grex стадо, сскр. grâma община и пр. Ср. еще сскр. jri идти, распространяться, лат. gliscere.

Нашъ глаголъ *ходить* предполагаетъ корень *gad*, изъ котораго могли постепенно развиться *chad* и *sad* или shad. Корень *gad* сохранился въ гл. *гадить*, первое значеніе котораго было, какъ видно изъ сскр gandh, *ударять*, *ранить* уничтожать. Это первое значеніе сохранилось въ нашемъ *жезлъ* палка (отъ основы chag, какъ и гл. жечь, жгу=уничтожать отнемъ.) Въ греч. отвѣчаетъ нашему *ходить* гл. ὁδεύειν и ὁδός дорога, при чемъ за пракорень принимается *sad*, по нашему мнѣнію, совершенно ошибочно. Для насъ непонятно, какъ изъ sad могло произойдти chat (sad, schad, chad?), между тѣмъ какъ переходъ формы chad въ sad весьма естественъ, такъ какъ перемѣна ch въ s совершается постоянно и въ нашихъ языкахъ. Придыханіе было самымъ первымъ и древнимъ элементомъ рѣчи и поэтому, гдѣ намъ невозможно рѣшить вопросъ о древности корней исторически, тамъ мы должны считать придыхательную форму корня болѣе древнею, чѣмъ форму корня, нѣкоторые звуки котораго могли произойдти только въ позднѣйшій періодъ языка.

Въ такомъ отношеніи находятся другъ къ другу звуки *ch* и *s* и поэтому, гдѣ встрѣчается греческое густое придыханіе, зендское *h* или наше *x*, тамъ мы должны справедливо сомнѣваться въ существованіи первоначальныхъ корней съ основнымъ звукомъ *s*. Выше мы сказали, что зубное *s* произошло изъ болѣе протяжнаго выговора звука t; тоже самое можемъ утверждать о происхожденіи *гортаннаго* s изъ *ch*: протяжный выговоръ звука *ch* будетъ сопровождаться шипѣніемъ, которое наконецъ можетъ со всѣмъ затушить основное ch и дать начало

Curt I 174. Fick. I. 566.

новому шипящему звуку *s*. Много примѣровъ подтвердитъ въ дальнѣйшемъ теченіи нашей работы этотъ взглядъ. здѣсь мы только упомянемъ о самомъ яркомъ и несомнѣнномъ корнѣ. Глаголъ. выражающій дѣйствіе дыханія. образовался при помощи подражанія самому дѣйствію, т. е. звукъ, раждающійся при самомъ чистомъ и свободномъ дыханіи, далъ названіе этому дѣйствію. Если читатель попробуетъ нѣсколько мгновеній прислушаться къ свободному дыханію полною грудью. то онъ услышитъ вѣчный ритмъ ach-cha-ach-cha, давшій начало корню, выражающему *дыханіе, существованіе*. Въ скр. яз. имѣемъ корень *ah*, который, утративъ значеніе *дышать*, сохранилъ значеніе нашего *дышать* и первое значеніе передалъ новому корню *as* жить, развившемуся безъ всякаго сомнѣнія изъ *ah* дышать. Это ach имѣемъ въ нашемъ *ахать* и наше *есмь* изъ as-m, ach-m и по значенію, и по этимологіи значитъ *дышу ах*. Далѣе изъ *s* произошло *ш* вслѣдствіе присоединенія звука j къ s, такъ что ш = sj. Также выше звуки з и ж произошли изъ gi (з) и zj.—Возвращаясь къ корню *sad*, теперь на основаніи выше сказаннаго мы можемъ предположить, что первоначальная его форма была gat, (англ. to get!) изъ которой развились формы ghat, hat, chad, sad, shad (sh = ш). Славянскіе языки соединяютъ три формы корня *xad, сад, шад* въ формахъ глаголовъ *ходить и садиться*. изъ которыхъ первыи образуетъ прошедшія времена также посредствомъ формы *шад* (шелъ вм. шедлъ.) Уже скр. гл. *sad* соединяетъ оба понятія *ходить* и *сидѣть*, при чемъ второе понятіе развилось изъ перваго—идти съ тѣмъ, чтобы занять мѣсто т. е. стремиться къ извѣстной цѣли. Изъ этого слѣдуетъ, что корень *sad* равняется и по значенію, и по происхожденію корню gam и что между логическими формами корнеи gam и sad не можетъ быть

Curt 241. Fick. I. 792. Grassm. 1455. 1507.

даже малѣйшей формальной разницы. Греч. яз. въ ἕζομαι сижу и ὁδεύω соединяетъ формально въ одной основѣ оба значенія, изъ которыхъ позднѣйшее *сидѣть* присвоило себѣ почти во всѣхъ языкахъ форму sad (по лат. sed-eo, по нѣм. sitzen) Отъ корня sad произошли не только наши слова *село* и *сѣдло*, но и лат. sol-um почва, sol-ium стулъ, греч. σελίς, σέλμα скамейка. старон. sal изба (изъ чего *салонъ*) и пр.—Другое наше слово для громкой ходьбы *шагать* предполагаетъ начальную форму chag: средняя форма должна быть sag, изъ которой могли произойдти sagh, sah, sach или съ переходомъ ch въ k-sak. Всѣмъ этимъ формамъ одного корня *да* должно быть общимъ одно понятіе *ударять* или *громко ходить*. По формѣ лучше всего сохранилось зенд. *hac*, по значенію европейское *sak*. Конечно, послѣдній корень могъ развиться и инымъ путемъ, напр. изъ ska(d), но этимъ не исключается возможность происхожденія отъ chak, которое дѣлается очень вѣроятнымъ при его сравненіи съ другими близкими корнями. Sak значитъ *ударять*, *рѣзать*, какъ видно изъ нашихъ словъ *сѣкира*, *сѣчь*, нѣм. Saege пила. лит. syk-is ударъ, лат. sec-âre, secûris, и пр. (Ср. нѣм. Hacke *сѣкира*.) Въ старон. яз. называется ножъ sahs, въ лат. острая скала saxum. Въ лат. sagitta *стрѣла* первоначальное h правильно перешло въ g, какъ и въ лат. гл. sag-io собственно *рѣжу*, затѣмъ въ переносномъ значеніи *рѣжу взоромъ*, *проницаю*, *ищу* Подобный переходъ отъ *рѣзать* къ *видѣть* замѣтимъ еще неоднократно въ продолженіи нашей работы. Нѣм. suchen искать, англ. to seek имѣютъ значеніе *искать*, между тѣмъ какъ глаголы нѣм. seh-en и англ. to see сохранили свое первое переносное значеніе *рѣжу взоромъ, ищу*.—Матеріальное значеніе корня прекрасно сохра-

Curt 146. Fick. II 252 Pict II. 311. Grimm. 244.

нилось въ лат. sanc-io и греч. σάττω изъ σάγjω въ значеніи *топтать землю, укрѣплять*, защищать, откуда получили названіе и σάκ-ος щитъ, и σάγ-μα, sag-um одежда, и цсл. *осъкъ*= овчарня, греч. σηκός. Наше *посягать* также относится сюда и значитъ *касаться*. Въ скр. *sah* имѣемъ второстепенное значеніе тогоже корня, т. е. *покорять, побѣждать силою*. *Побѣда* называется по нѣм. Sieg, *сила* же по скр. sahas, зенд. hazanh. Значеніе *овладѣть, держать* имѣемъ въ греч. корнѣ σεχ, откуда ἔχω. Значеніе *ходить* лучше всего сохранилось въ зенд. *hac* скр. sac, лат. sec-or (sequor), греч. ἕπ-ω,-ομαι лит. sekú. Всѣ эти слова имѣютъ спеціальное значеніе *идти, слѣдовать* за кѣмъ нибудь, сопровождать кого нибудь, вслѣдствіе чего *спутникъ, другъ* называется по лат. socius, по греч. ὁπά-ων, по скр. sakhi, по зенд. hakhi. Наше *съ*, скр. sa, зенд. ha, греч. ἁ— значатъ *вмѣстѣ*.

Очень близко по значенію къ послѣднему корню стоитъ скр. san (ср. выше han бить) *взять, хватить* что нибудь силою, какъ добычу, затѣмъ *пріобрѣсти власть, почесть*, какъ видно изъ зенд. han *быть достойнымъ* и нашего *санъ*. Изъ понятія *сановитый*, по всей вѣроятности, развилось новое значеніе *старый* въ скр. sana, зенд. hana, греч. ἕνος; лат. senex. На матеріальное происхожденіе этого корня san между прочимъ показываетъ названіе *дороги* (ходьбы) въ камбр. hint, староир. sét, гот sinthas. Старон. sinnen значитъ собственно *идти*, затѣмъ *направляться, направляться умомъ, думать*, какъ и лат. sentire думать, чувствовать. (Ср. цсл. сѣнiть мудрецъ).

Уже выше при корнѣ sad мы замѣтили связь между *сидѣть* и *ходить*; все выше сказанное еще болѣе потверждается тѣмъ, что скр. яз. имѣетъ гл. sâdh съ значеніемъ *ходить*, устре-

Curt. 193 311. Fick. I. 790 Grassm. 1499. Mikl. 975

миться и прямо идти къ извѣстной цѣли. Отъ другой формы этого корня *sidh* образовалось существительное sindhu рѣка, потокъ, море.

Выше мы имѣли корень *gar* съ значеніемъ *щипать, терзать* въ нѣм. quaelen и др.; тотъ же корень мы узнаемъ въ скр. svar *щипать, ранить*, зенд. quara рана, нѣм. schwer тяжелый скр. garú, нашемъ *хворый, хворать*. Тотъ же корень gar въ скр. формѣ *har* изъ ghar значитъ (жарить), *сіять* (ср. греч. χαροπός съ сіяющими глазами): трудно отрицать его тождество съ скр *sar* свѣтить, сіять, svar солнце, небо, зенд. hvare, кор. haul, греч. σείρ и ἥλιος и нашимъ *солнце*, нѣм. heilig свѣтлый, *святый* (нѣм Sonne вм. Solne?) Въ греч. яз. относится сюда также названіе мѣсяца σελ-ήνη и женское имя Ἑλένη *Свѣтлана*. Корень *sar* имѣетъ еще третье значеніе, котораго мы не встрѣчали у корня gar, и которое сохранилось отлично въ нашемъ *хранить*, зенд. har, лат. serv-âre. Можемъ сравнить и наше *хол-ить*; цсл. *храна* значитъ *пища* (*питать* изъ хранить) и наше *храмъ*=хранилище. Начало этого корня мы видимъ въ скр. корнѣ *hru* изъ ghru съ значеніемъ *вредить, сокрушать*, гнуть, быть согнутымъ, *громать*. Тогда servus *рабъ* значитъ покоренный, а *громои* – израненный. Наше холопъ=servus и въ гл. *сражать* (ср. нѣм. Schramme рубецъ) имѣемъ только позднѣйшую форму первоначальнаго *хромить* Первое значеніе корня *har* отлично сохранилось въ нашемъ слов. *серпъ*, т. е. орудіе рѣзанія, но греч. ἄρπη. Ср. нѣм. scharf острый, и лат. sarpere рѣзать и выше корень *ga* жать. Изъ этого мы видимъ, что отдѣльныя понятія развивались въ слѣдующемъ порядкѣ: рубить, рѣзать, покорять, владѣть, содержать, питать, защищать, *стеречь* (ср. лит. sergu *стерегу*, наше *сторожъ*,

Curt. 199. 398. Fick. I. 842. Grassm. 1647. Буд 81. М. М. I. 131

слуга) Изъ понятія *оберегаемый, защищенный* развились новыя *невредимый, цѣлый*, какъ видно изъ скр. sarva, зенд haurva, греч. ὅλος, лат. sollus и solidus (salus спасеніе.) Также греч. πᾶς весь произошло отъ корня πα питать, какъ и нѣм. alle *весь* отъ al *кормить*. Лат. salvus отвѣчаетъ греч. σάος, σῶς здоровый, σώζω храню, спасаю, гот. sêlas пригодный и нашему *хороши* (ср. цсл. *сулей* лучше, наше *сулить*=solâri утѣшать.)

Особенно хорошо свидѣтельствуетъ о звукоподражательномъ началѣ этой группы корней весьма живописный корень *hark*, который въ зенд. harec значитъ *бросать*. Этому корню близокъ корень *gar*, отъ котораго получило названіе наше *городъ* посредствомъ понятій *бросать насыпь* (лат. agger), *укрѣплять* (ср. лат. sarcio); нѣм. schlagen отъ тогоже корня значитъ *ударять, бить*, скр. sṛka стрѣла. Значеніе *бросать* свойственно и другому корню съ начальными h—*had* изъ ghad, въ чешскомъ hoditi; наше *под-нять* собственно значитъ *крѣпко соединять*, приспособлять.

Изъ послѣдняго или ему подобнаго корня легко могъ произойдти логическій корень ha или hi съ значеніемъ *бросать*. Въ скр. яз. корень hi имѣетъ значеніе *бросать* (hetі конь и быстрый бѣгъ), посылать, гнать, спѣшить и пр. Это общее значеніе сохранилось также въ греч. ἵημι и въ нашемъ *посылать* (сила?). Спеціальное значеніе *бросать сѣмя* пріобрѣтаетъ корень ha, hi въ нашемъ *сѣять*, лат. *sero*, такъ что *сѣмя*, лат. semen, нѣм. Saat значитъ *брошенное* (=ἧμα, ἵημι=hi-ha-mi). Уже скр. корень hi соединяетъ въ себѣ понятія бросать и *лить* (=бросить воду), еще лучше соединяются оба значенія въ корнѣ тогоже яз. su изъ hu. Эти два корня имѣютъ почти одинаковое

Fick I, 797. Curt 401. Grassm. 1661. M. Muel. II. 316.

значеніе и единственно можно сомнѣваться въ томъ, не было-ли значеніе *лить* первоначальнымъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы должны отнести корень hu (su) совсѣмъ къ другому разряду корней. Скр. hu значитъ *совершать излiяніе при жертвованіяхъ*, и отразилось въ греч χυ, χέω, при чемъ значеніе *бросать* имѣемъ въ гом. прилаг. ιο-χέαιρα, т. е. бросающая стрѣлы въ лат. funda пращъ, между тѣмъ какъ лат. fons, ecfût-io, fundo и пр., нѣм. giessen сохранили значеніе *течь*. Скр. корень sû, какъ и выше hi, соединяетъ въ себѣ оба основныя значенія, только придаетъ одному изъ нихъ *лить* новое, спеціальное значеніе — бросать (лить) сѣмя, *родить*. Наши гл. *сова́ть* и чеш. chvá-ta-ti (ср. наше хват-ить) представляютъ собою остатки перваго sû, *приводить въ быстрое движеніе* и, какъ выше корень hi далъ названіе лошади въ скр. haya, такъ и здѣсь нашъ корень *su* выражаетъ быстрое движеніе лошади или колесницы. Ср. греч. гл σεύω, ἔσσυμαι быстро бѣгу *гоню*. Наши *сутки* отъ корня *су-совать* и чеш. s-sutina, т. е развалина показываютъ, что корень su въ слав. яз. обозначалъ не только *бросаніе*, но и *паданіе*. Чеш. гл. chovati = выше приведенному *хоронить*. Особенно хорошо сохранено значеніе *бросать, лить* въ нашемъ гл. *сыпать*, сущ. *насыпь* и пр. = лат. fundere и греч. χέω. Также относится сюда греч. δεῖ *дождь идетъ*.) Значеніе *родить* встрѣчается уже въ скр. яз., гдѣ въ книгахъ Ведъ называется не только *отецъ*, но и *мать* sû, т. е. родитель. Въ зенд. яз. тѣмъ же именемъ (hu) называется *свинья* отъ своей необыкновенной плодовитости, ср. греч. σῦς, ὗς, лат. su-s, нѣм. Sau. Наше *свинья* есть женскій родъ тогоже корня вм. su-n-ia. Рожде-нный называется по скр. sûnu, по зенд hu-nu, по греч υἱός, по лит. su-nu-s, по нѣм. Sohn, наше *сынъ*. Же-

Curt 204. Fick. II 82. Grassm 1522 Буд 188 Grimm. 188.

на сына въ скр. яз имѣетъ названіе snu-shâ, ср. наше *сноха*, лат. nu-rus, греч. νυός, нѣм. Schnur. Скр. sava, лит. syvas=нашему *сокъ*. Можетъ быть, оттуда получила названіе и рѣка *Сава*. Трудно отдѣлить отъ корня sû ближайшій къ нему *suk*, изъ котораго имѣемъ въ нашемъ яз. слова *сокъ*, *сочный*, *сочить* и пр., съ которыми сравниваемъ лат sûc-us и sanquis. Наше *изсякнуть*, т. е истечь показываетъ переходъ отъ понятія *течь* къ *сушить*, отъ корня *sus* къ *such*, ср. скр. çush, зенд hush, греч. σαυσαρός, σαυκός, наше *сухой*, лит saus-as. Тоже самое отношеніе существуетъ между двумя разными значеніями корня sik=cu. Въ скр. яз. *sic* значитъ лить, въ греч. ἰκμ-ιος мокрый, ἰχ-ὼρ кровь боговъ, между тѣмъ какъ греч. ἰσχ-νός, лат. siccus, зенд hicu, значитъ сухой.

Остаются корни sîv, si съ значеніемъ *вязать*, *шить*, объясненіе которыхъ довольно затруднительно особенно въ связи съ предыдущими корнями. Корень si, по всей вѣроятности, имѣетъ значеніе *проводить прямую линію* и могъ произойдти изъ кор. *sa* сѣять т. е. образовать прямую линію на полѣ посредствомъ бросанія сѣмянъ, далѣе просто проводить линію, борозду, какъ видно изъ скр. слова sî-ra *соха*, sîta *борозда*. Подобная линія могла легко сравниться съ *веревкой*, т. е. съ протянутою полоскою, которая соединяетъ отдѣльныя сѣмена на всей линіи. Тогда объясняется намъ легко происхожденіе скр. si (изъ sa) *вязать*, зенд. çna веревка, греч ἱμάς ремень т. е. полоска кожи (ср. и греч. σειρ, нѣм. Seil веревка.) Связь между понятіями *сѣять* и *шить* еще болѣе очевидна и понятна въ скр. siv шить, sû-tra нить, въ лат. suere, старон. siwan, лит. siu-ti, нашемъ *шить*.

Изъ всѣхъ примѣровъ, приведенныхъ въ этой главѣ, мы

Curt 353. Fict. I. 799 Grassm 1514. Pict. II. 124.

могли убѣдиться, что существуетъ весьма тѣсная связь между корнями начинающимися однимъ изъ звуковъ h, ch, g, s. Поэтому мы не затруднились заключить, что связь эта объясняется *общимъ происхожденіемъ всѣхъ этихъ звуковъ* изъ придыханія. При томъ мы попытались опредѣлить исторически порядокъ ихъ происхожденія постепенною перемѣною одного звука въ другой. Изъ h произошло g, изъ g посредствомъ придыханія gh = ch или посредствомъ смягченія *z*. а изъ *ch* и *z* сравнительно новые звуки s, ш, ж За исходную точку мы при этомъ принимали звукъ *g*, какъ наиболѣе удобный для образованія подражательныхъ корней этого разряда. Въ ближайшей главѣ намъ предстоитъ познакомиться ближе съ исторіей звука *к*.

VII.

Учеными трудами Фикка, Асколи и Бреала несомнѣнно доказано существованіе двухъ праарійскихъ *k*. Фикъ перечислилъ всѣ слова, въ которыхъ встрѣчаетоя то или другое k и доказалъ, что почти безъ исключенія одно *k* встрѣчается въ славянскихъ яз., какъ *к*, *ц*, *ч*, между тѣмъ какъ другое *k* всегда является въ тѣхъже языкахъ, какъ *с* или *ш*. Въ греч. и лат. языкахъ между первымъ и вторымъ *к* не существуетъ ни какой замѣтной разницы. Напр. скр. çata имѣетъ въ лат. яз. форму centum, въ греч ἑ-κατ-ον, при чемъ греч. κ и лат. *c* совершенно равны чистому скр. k, между тѣмъ какъ слав. *сто* и лит. szimtas сразу показываютъ на значительную порчу скр. *к*, какъ она обнаружилась въ звукѣ ç слова çata. Эти два факта, именно, что въ греко-лат. яз. первое *к* равняется второму, и далѣе что въ славянско-лит. яз. второе *k* безслѣдно пропало, превратившись почти безъ исключенія въ *с* или *ш*, бросаютъ весьма яркій свѣтъ на древнюю исторію развѣтвленія и сродства арійскихъ племенъ. Если допустить, что *к* произошло изъ *ch* и что звукъ *ch* сравнительно новаго происхожденія, то мы должны заключить, что первоначально изъ *ch* могло образоваться только *одно чистое к*, которое и перешло въ Европу въ греко-лат яз. въ то время, когда первоначальное *к* еще настолько сохранило

слѣды своего происхожденія, что всегда могло возвратиться къ своей чисто гортанной формѣ. Мы хотимъ сказать, что *k* могло вслѣдствіе придыханія испортиться въ *ch*, или даже chs, но эта зараза посредствомъ шипящаго элемента была столь незначительна, что это ch во всякое время могло вновь перейдти въ *k*, т. е. гортанный элементъ рѣшительно преобладалъ надъ шипящимъ. Но лишь только въ большинствѣ случаевъ шипящій элементъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ гортаннымъ, возвращеніе къ чистому *k* сдѣлалось весьма затруднительнымъ и въ этихъ случаяхъ чистое *k* уступило свое мѣсто шипящему *s* изъ *chs*. Именно въ этотъ періодъ развитія *гортаннаго s*, должно быть, отдѣлилось славянско-литовское племя отъ общеарійскаго и перенесло новый звукъ на свою европейскую почву. Во всякомъ случаѣ мы непремѣнно приходимъ къ тому заключенію, что то и другое *k* по своему происхожденію одинаковы и что ихъ корни имѣютъ одно и тоже звукоподражательное начало, за основаніе которому послужилъ звукъ весьма подобный нашему европейскому *k*.

Первое мѣсто между корнями этого разряда занимаетъ корень *кар*, какъ онъ сохранился въ нашихъ словахъ *коп-ать*, *копыто* *копье*, и пр Первобытную его форму имѣемъ въ нашемъ *кап-ля*, чеш. *kapka* (падающая съ шумомъ.). Орудіе шумнаго удара называется *цѣпъ*. Ближе всего стоитъ къ нашимъ словамъ греч. κόπ-τω бью, рублю, σκάπ-τω копаю, рою землю, σκέπ-αρνον топоръ, κοπ-ίς кинжалъ, κοπ-εύς молотъ. *Тяжелый трудъ* называется κόπ-ος, съ чѣмъ сравниваемъ наше слово *хлопоты* и чеш. klopoty (хлопать = коп-ать, т. е. ударять) Значеніе *рѣзать* сохранилось въ нашемъ *щеп-ка*, *скопить*, скопецъ, въ лат. cap-us кап-лунъ, нѣм. Schoep-s скопецъ. Греч.

Curt. 153. Fick. I 807 Grimm. 281. Вуд. 179.

κοπάς arbor incisa отвѣчаетъ чешскому *штѣпъ* вм. щепъ. Сскр. kap значитъ *теретъ, скоблить* (нѣм. schab-en), çapha копыто, съ чѣмъ можемъ еще сравнить лат. gamba, нѣм. Huf изъ hôf-a. Нѣм. hüpfen прыгать и названіе *козла* въ греч κάπ-ρος и лат. cap-er показываютъ, что и этотъ корень подражалъ своими звуками ударамъ ноги. Совсѣмъ другое значеніе заключаетъ въ себѣ нѣм. Schaf овца, хотя оно и происходитъ отъ одного и тогоже корня. Мы его сближаемъ съ греч. σκόπ-ις, лат. scabies, служащими названіями для чесанія шерсти; само дѣйствіе называется по греч. κνάπ-τω, ср. лат. scab-ere, наше *скоблить* и сскр. названіе шерсти kambala. (Ср. корень pak.) Выше мы видѣли, какъ кор. mat *рѣзать* далъ названіе *творцу* въ сскр. matar; тоже самое развитіе замѣчаемъ въ нѣм сл. Schöpf-er *творецъ* и schaffen творить. *Вырѣзанное судно* называется по греч. σκάφος, *корабль*, по нѣм. Schiff, англ. ship (Ср. наше испорченное *шкапъ*, чеш. *škopek* названіе деревянной посуды.) *Орудіе рѣзанія* называется по греч. ξίφος изъ σκίφος, мечъ, *острая стрѣла*, тернъ по слав. *шипъ*. *Волосы* отъ своей стрижки называются по лат. kapilli, по нѣм. Schopf, по малоруск. *чубъ, чуприна*. (?) Греч. κωφός нѣмой собственно значитъ *избитый*, израненный (ср. выше *тупой*.) Также скупецъ по греч. κνίφος и σκνίψ получилъ свое имя отъ того, что онъ какъ будто скребетъ, третъ каждую *копейку*. Ср. лат. scab-ere. Самъ гл. *коп-ить* собственно значитъ *сильно бросать*, метать, *набрасывать*, какъ видно напр. изъ нашего сл. *копье*, изъ сскр kshap, kship, греч. σκήπ-τω и σκίμπ-τω, соединяющихъ значеніе *бросать* и *опираться*, вслѣдствіе чего *палка, жезлъ* называется по греч. σκῆπ-τρον (=чеш. kop-áč), σκίπ-ων, по лат. scipio, а высокій столбъ по лат. cip-pus. Ср. нѣм. schieben и наше *сши-*

Curt 142. Grimm 25 Pict. I. 156. II 239. Буд. 227.

бать, шибкій=скр. kship-ra, *о-шиб-аться*, т. е. падать и пр.—*Гора* по значенію можетъ сравниться съ *высокою насыпью* и поэтому не удивительно, что во многихъ языкахъ гора получила названіе отъ кор. kar, какъ напр. въ чеш. kop-ec (ср. наше *кипа*), въ нѣм. Kоppe (Чешская гора *Снѣжка* по нѣмецк. Schneekoppe), греч. имя горы Κύφ-ος и пр. Одинаковое названіе съ горой получила въ зенд. яз. *возвышенность на человѣческомъ тѣлѣ*, т. е. горбъ. который называется по греч. κῦφος. Другая возвышенность человѣческаго тѣла *голова* называется по греч κυφή, κύμβη (скр. холмъ.) Отъ того же корня kar выработалось названіе для головы еще во многихъ другихъ языкахъ. но намъ кажется нѣсколько инымъ путемъ. Изъ значенія *набрасывать* развилось раньше значеніе *покрывать*, какъ видно изъ греч. σ-κέπ-ω, σ-κέπ-ας защита, покровъ, изъ нашего *капище*, т. е хранилище и *голова*. такимъ образомъ, въ скр. karâla (черепъ), греч. κεφαλή, лат. car-ut, нѣм Haupt и Kopf значитъ *покрывало мозга*. Тѣмъже самымъ именемъ было названо и *покрывало головы* въ нашемъ *чепецъ*, нѣм. Haube, франц. chapeau шляпа. Замѣчательно. что неоднократно въ исторіи языка *голова* сравнивается съ *горшкомъ*; такъ и здѣсь. въ греч. κύμβος=куб-окъ, κύμβη—голова; скр. kumbha голова, а kumbha горшокъ. Изъ формы головы или лучше горба уже въ греч. κύφος развились понятія *кривизны* и *выпуклости*. Такимъ образомъ изъ значенія *возвышаться* могло легко произойдти новое значеніе *возвышаться* по кривой линіи, т. е волнообразно. подобно движенію взволнованнаго морскаго теченія. Подобное движеніе замѣчаемъ въ дрожащей струнѣ. Скр. кор. kamp ясно сохранилъ слѣды своего матеріальнаго значенія *двигаться волнообразно, дрожать*, между тѣмъ какъ греч. κάμπτω значитъ

Curt. 529. 118. Fict. 65. Буд 40. 217

гнуть (κάμπυλα τόξα, сскр. *câра* загнутый лукъ.) Въ другомъ сскр. корнѣ kup, въ лат. cup-ere уже преобладаетъ переносное значеніе *волноваться, сердиться*, сильно желать. Въ греч. яз. κάμπη послужило названіемъ *червю* вслѣдствіе его дрожащаго движенія; лет kâpu-rs *червь* и растеніе, которымъ онъ питается, показываетъ, что и наше слово *кап-уста*=пища для червя. Лат. campus и греч. κῆπος садъ по значенію равны нашему *поч-ва, пашня* отъ кор. pak Безъ всякаго сомнѣнія, изъ корня kamp развился близкій ему по значенію корень kam, какъ видно изъ поразительнаго сходства словъ. Греческому κόπ-ος по значенію равно κάματος, трудъ, тяжелая работа, *тружусь* называется по греч. κάμνω, по сскр. çam; потрудившіеся на своемъ вѣку, уставшіе покойники, мертвые получили у Гом. названіе καμόντες. Нѣм. Kampf *сраженіе* сохранило слѣды болѣе древняго значенія и Kamm гребешокъ, kaemmen *чесать* сближаютъ этотъ корень съ греч. σκόπις, такъ что мы должны предположить среднюю форму корня kamp. Лат. cam-erus значитъ *выпуклый*, зенд. kamar и греч. καμάρα, наше *ком-ната* выпуклое зданіе (по нѣм. Gewolle), зенд. kamered-ha голова. Нѣм. Himmel значитъ собственно *выпуклое*, между тѣмъ какъ старон himilhzi и греч. κμέλεδρον и μέλαδρον послужило названіемъ *крыши*. Ср. греч. κάμ-ινος печка=выпуклая. Изъ *покрывать* происходитъ обыкновенно значеніе *затмѣвать*, поэтому и отъ корня skap образовались слова: въ сскр. 1 shap ночь, въ греч. κνέφας, γνόφος, δνόφος темнота, въ цел. *нитьнь* затмѣніе Въ переносномъ значеніи въ греч. σκέπτω и σκώπτω изъ *бросать*, развились понятія поносить, презирать, осмѣивать, ср. нѣм. schimpfen (сскр. prati—kship)

Другой звукоподражательный корень тогоже разряда имѣетъ форму kad, skad (ср. выше dak.) Сскр. çad соеди-

Fick. II. 52. Curt. 435 Bud 89.

няетъ въ себѣ понятія *ходить* и *падать* съ шумомъ. Лат. яз. въ своихъ глаголахъ cêd-ere, cadere и cædere формально различилъ значенія *ходить, падать, поражать*. *Врагъ* называется по сскр. *çat-ru*, лат cat-ax падающій (ср. чеш. chatrny) лат. cat-êna цѣпь, предлогъ κατα по значенію буквально равняется нашему *подъ* отъ кор. *пад(ать)*. Изъ çataya гнать кого нибудь, преслѣдовать, охотиться (гот. hanth, по англ to hunt) произошло значеніе *ненавидѣть*, въ нѣм. Hass вм hat-s, англ. to hate, ненавидѣть, въ греч. κότος ненависть. (hast—по англ. и по нѣм. *спѣшить*.) Сскр. çat значило также *рубить, рѣзать*: *сраженіе* по старон. называлось hadu, по гальски catu, какъ видно изъ собственныхъ именъ, напр. Catu-riges, т. е воинственное племя Весьма затруднительно объяснить значеніе сскр. çat-a *сто*, по греч. ἑκ-ατό-ν, по лат. cent-um, по нѣм. hund-ert; намъ кажется, что оно значитъ просто *множество* и выражало первоначально тотъ предѣлъ счисленія, до котораго доходила ариѳметика древнихъ людей. Лишь только эти люди поняли точно численное значеніе ста, тогда *громаднымъ, великимъ* числомъ для нихъ сдѣлалось то, что превышало значительно первую ихъ великую цифру и для этой неопредѣленной суммы изобрѣли новое имя sahásra, т е. огромное=греч. χίλιοι, нашему *тысяча*. Новый шагъ въ ариѳметикѣ, вслѣдствіе котораго *тысяча* сдѣлалась названіемъ опредѣленнымъ, сдѣлалъ нужнымъ образованіе новаго слова для *безчисленнаго* и наши арійскіе предки не затруднились назвать все то, что превышало ихъ счетъ *милліономъ*, по греч. μύρ-ιοι, по лат mille (ср. mul-tus) и пр. Этимологически можемъ произвести μύρ-ιοι отъ корня mar *дробить*, такъ что μύριοι=безсчисленное количество, *множество*; тоже самое значеніе *дробить*, присущее сскр. гл. çat дало

Curt 247 Fick II 50. Grimm. 171. Grassm 1500

смыслъ и названіе *сто*, какъ суммы не поддающейся исчисленію подобно песку (песчинка по греч κόνις.)—Корень çat имѣемъ далѣе въ нашемъ словѣ *охотиться*, которое не имѣетъ ничего общаго съ гл. хотѣть, будучи одно кореннымъ съ чеш. chytati= ловить и нашимъ по-*хит-ить*. *Хит-рый* значитъ собственно *быстрый*, между тѣмъ какъ чешское chatrny и по происхожденію и по значенію равно нашему *шатки*, лат. cad-ucus. Усиленное движеніе выражается нашимъ гл. *катить*, стоящимъ очень близко къ чеш. chvát-ati, т. е. спѣшить. Скр. cud, какъ и ан. hvat-a, значило кого нибудь *торопить*, побуждать Тотъже корень имѣемъ въ нашемъ *кид-ать* и чеш. kut-iti, т е. копать; городъ Kutná Hora получилъ свое названіе отъ того, что на горахъ, на которыхъ онъ расположенъ, *кутили*, т. е. копали серебро.—Всѣ тѣже понятія отлично выражены формою корня skat(d). Скр, skand значитъ и *скакать* и *падать*, ср. лат. scandere, scâ(d)-la лѣстница. лат. scat-ere. лит. skas-ti прыгать. Голова, какъ выступающая, выдающаяся часть тѣла, называется по греч. κώδεια, между тѣмъ какъ въ лат. cauda тоже самое названіе получилъ *хвостъ*. По видимому гораздо труднѣе объяснить значеніе скр. cand горѣть, лат. in-cend-ere зажигать. По нашему мнѣнію cand, какъ и гл. skhad, греч. σκάζω вм. σχάδjω значитъ *рубить*, *рьзать* (ср. скр. chid, греч. σχίζω, лат. scindere, нѣм. scheiden), сюда принадлежитъ и чеш. гл. škoditi, т. е. вредить, наше *скуд-ный* =греч. μικρός и пр. *Разрубленное дерево* въ нѣм. яз называется отъ корня skid - Scheit и куча такихъ дровъ—Scheiter, въ нашемъ яз такаяже куча разрубленныхъ дровъ называется *костеръ* отъ корня kad. Очень легко могло случиться, что и зажиганію такого костра было дано названіе прямо отъ корня kad и что этотъ корень затѣмъ по-

Curt 166 Fick. 805. Вуд. Grassm 456.

лучилъ новое значеніе *гортъ*. Греч. ξανθ-ός значитъ русой, т. е. огненнаго цвѣта; можетъ быть, что и наше слова *кад-ить*, *чадить* принадлежитъ сюда же. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи этотъ корень очень близко подходитъ къ корню *pat*. Скр. khid имѣетъ переносное значеніе *терзать*, *мучить*, *притѣснять*, ср. греч. κήδ-ω и κίνδ-υνος опасность; κὶδ значитъ также *бод-ать* въ κίν-δας погонщикъ ословъ, отъ чего и κίνδαξ проворный. Значеніе *творить* оставило свои слѣды въ нашемъ *чадо* дитя. нѣм. Kind, образовавшемся аналогически, какъ и греч. τέκ-νον, отъ кор. tak рубить. творить. Наши слова *часть* и *часъ* по способу образованія равняются греч. μέρος отъ k. mar и лат. temp-us отъ tam. Не иначе слѣдуетъ толковать и *чи-сло* вм. чидло, т. е. дробь, часть цѣлаго, какъ извѣстная величина. Изъ skad *рѣзать* развилось skad *кусать* въ нашихъ слав. словахъ, въ скр. xhâd, греч. χαδάλλω и κνίζω лит. kándu. *Зубъ* называется по скр. khâd ena, по греч. κνώδων. Наши слова *кусать* и *кушать* показываютъ переходъ значеній, который осуществился уже въ скр. khâd-ana кормъ и лат. cêna вм. ced-na обѣдъ. Значеніе нашего *кусокъ*, чеш. kus, прилагат. *куйи* и пр. не требуетъ объясненія. Греч. σκεδ-άννυμι сыпать, разбрасывать и выше приведенное значеніе корня kad—возвышать объясняютъ переходъ къ *покрывать*, какъ онъ осуществился въ скр. chad-man. *шлемъ* по лат. cas-sis, *одежда* по чеш. šaty, *кровъ*, домъ по слав. *хата*. Безъ всякаго сомнѣнія сюда слѣдуетъ причислить и наше *кут-ать*, чеш. названіе одежды kut-na, греческ. κύτ-ος и σκύ-τος, лат. cut-is нѣм. Haut *кожа*, наше *шить*, *защищать*, лат. scûtum, нѣм. Hut шляпа, греч. гл κεύθω. Въ лат cus-tos изъ cut-tos охранитель, сторожъ и нѣм. huten сторожить получаетъ этотъ корень новое значеніе *охранять*,

Curt. 242. 157. Fick. I. 817. Буд. 110 Pict. 290.

смотрѣть за кѣмъ, какъ и у корня s-kar, гдѣ изъ *покрывать* въ греч. σκοπός и σκοπέω развились понятія *охранять*, смотрѣть. Далѣе связь между *видѣть* и *свѣтить* мы уже замѣтили выше при корнѣ gar, и поэтому весьма легко объяснить новое значеніе корня kat *свѣтить* изъ *видѣть*, *замѣчать*. Сскр. гл. cit значитъ *замѣчать*, замышлять, намѣреваться, хотѣть, и вед. сущ. keta желаніе, намѣреніе, побужденіе, приглашеніе. Прилагательное citra значитъ *блестящій*, *сіяющій*, отличный и встрѣчается вновь въ нашемъ *чис-тый*. *Свѣтъ* назывался по сскр. cet-as или ket-u, при чемъ это послѣднее слово значило также *явленіе*, *образъ*, *подобіе* и сохранилось въ нѣм. суфф. heit изъ гот. haidu-s, напр. въ словѣ Schoen-heit и пр. Сскр. citti значитъ *умъ*, *разумъ*, *набожность* и стоитъ по формѣ очень близко къ чеш. слову cit *чувство*, cítiti чувствовать. Изъ cit въ значеніи *хотѣть* развилось и лат. in-vîtâre, т. е. радъ видѣть, приглашать, (сскр. ke-taya) сохранившееся пока въ чеш. vítati и лит. kvës-ti приглашать. Безъ всякаго сомнѣнія сскр. çvit *свѣтить*, сіять одинъ и тотъже глаголъ съ cit. Тотъже глаг. имѣемъ въ чеш. svít-ati, svít-it, въ нашемъ *свѣтить*, въ лит. szvisti; нѣм. прилаг. weiss *бѣлый* произошло изъ гот. hveita-s, по сскр. çveta. Съ трудомъ можно отдѣлять отъ этихъ словъ и наши *цвѣтъ*, *про-цвѣтать* = чеш. kvésti и пр. Цвѣтокъ, по чеш. kvítek тогда значитъ *сіяющее растеніе*. *Святой* относится къ *свѣтлый*, какъ нѣм. heilig къ hell.

Третій звукоподражательный корень имѣетъ форму *как* Можетъ быть, что она произошла вслѣдствіе удвоенія корня ka, и о ней слѣдовало бы говорить при этомъ корнѣ. Но съ другой стороны намъ кажется очень вѣроятнымъ, что именно двѣ гортанныя могли отлично послужить къ образованію звукоподра-

Grassm. 447 Fick. II. 340. Pict. I. 329. Буд I 69.

жательнаго корня для грубыхъ, сильныхъ шумовъ. За основаніе можемъ принять наше слово *коло* вм. кок-ло, т. е. *колесо*, какъ видно изъ сскр cak-ra, греч. κύκ-λος, англ. wheel вм. hveohl. Это названіе—чистѣйшее звукоподражаніе шуму телѣги, и достаточно ясно показываетъ на истинное происхожденіе корня *kak*. Остальныя значенія легко объясняются изъ основнаго понятія *ударять*, бросать съ шумомъ. Также громкая, неровная ходьба называется словами, происходящими отъ корня *kak*, въ нашемъ *с-кочить*, чеш. skákati, skok и пр. Чеш. krok = *шагъ* и гл. kráčeti имѣютъ тотъ же корень, распространенный посредствомъ плавнаго звука *r*. Выше мы видѣли, что отъ корня *kap* произошло названіе *козы*; само слово *коза* слѣдуетъ отнести къ корню kag, отъ котораго образовались не только славянскія названія этого животнаго, но и англс. hecen, сскр. châgâ. Сскр. гл khanj, греч. σκάζω, нѣм. hinken значитъ *хромать*. Можетъ быть, что и наше слово *кожа* значитъ собственно *козья шерсть*, что становится весьма вѣроятнымъ, если принять во вниманіе, что въ греч. яз. *овца* μῆλον получила свое названіе отъ *мягкой шерсти* (кор. mar), и что въ сскр. aj-ina называется *кожа*, aja *коза* (ср. греч. αἰγίς и αἴξ.). Въ сскр. khac значеніе *скакать* переходитъ въ *торчать* (т. е. выскочить), при чемъ можно сравнить это слово въ сскр kakud-man и лат. cacûmen *холмъ*. Очень близко къ этому корню стоятъ и наши слова *кика*, *хохолъ*, т. е. возвышенность на головѣ, и нѣм. hoch высокій, Hügel холмъ. (Ср. сскр. kak-a волосы на головѣ). Отъ значенія *висѣть* изъ торчать (по сскр. çank, по нѣм. hängen) получила названіе не только *висящая вѣтвь* въ сскр. çâkhâ, лит. szaká, нашемъ *сукъ*, но и висящая въ воздухѣ, летающая птица въ сскр. çak-una, нашемъ *соколъ*. Въ лат. cunc-târi

Curt. 158. Fick. II. 76. Grassm 429 Буд I 184 Pict. I 458.

изъ *висѣть* развилось понятіе *медлить*. Выше мы видѣли, что изъ значенія *бросать* обыкновенно развиваются понятія *бросать насыпь, покрывать, затмѣвать* и пр. Слѣды этихъ понятій находимъ и здѣсь; такъ напр., наше слово *куч-а*=насыпь, лат. cingere значитъ *окружить городъ насыпью*, греч. κάκαλον= городская стѣна. Изъ *окружить* легко могло развиться понятіе *вязать* въ сскр. гл. kak и сущ. kaksha *поясъ* Чеш. kuk-la значитъ, какъ и kut-na отъ корня kat (ср. наше кут-ать), *головное покрывало* или вообще одежду, плотно закрывающую все тѣло, и находится въ близкой связи съ нѣм. heh-len скрываюсь, и лат. caec-us *слѣпой*.

Значеніе побѣждать, *быть сильнымъ*, развивающееся изъ *наступать*, находимъ въ сскр. cakk, лит. kenk-ti *вредить* въ греч. κακ-ός, лат. Cac-us *дурной* (побѣжденный) и въ отрасли словъ, находящихся въ ближайшей связи съ сскр. çan и зенд. çac *быть сильнымъ*, помогать, и пр., какъ напр. греч. κῖκυ-сила. Греч. гл. κιγχ-άνω и сскр. çighra *быстрый* стоятъ ближе къ первоначальному значенію корня.

Корень *kas* въ большинствѣ случаевъ можно произвести изъ болѣе древняго *kach*. Его первое значеніе хорошо сохранилось въ нашихъ гл. *касаться, косить*=рѣзать, чесать и пр. Лит. kas-ti значитъ *коп-ать*, сскр. kash *тереть*, чесать, щипать. Изъ kash *стирать* имѣемъ *kas чистить* въ нашемъ словѣ и въ старолат. cas-nus (cân-us) бѣлый, *чис-тый*. Отъ kas *рѣзать* получили названіе *волосы* въ греч. κόμη вм. κόσμη, лат. com-a, нашемъ *кос-а*, коса и пр. Значеніе *тонтать* имѣемъ въ лит. kimsztas, нашемъ *час-тый*. Отъ kas *покрывать* сохранилось въ нѣм. Haus названіе *дома*, въ ан. hauss и лит. kiausze названіе *черепа*. Сскр. kosh, цсл. *кошь*, лат. quâlum, лит kaszu-s=

Fick I 531. Curt. 158. Буд 216 Grimm. 570.

корзина. Ан. hosa, новон. Hose дало названіе *одежда*, между тѣмъ какъ въ зенд. koshtha, нѣм. hus-da, цсл. *чиста* такъ назывался *животъ*, скрывающій въ себѣ внутренности.

Отъ *kas* перейдемъ къ корню *kant*, *kan*, отлично выражающему проницательный шумъ звуковаго удара. Скр. knath и çnath, зенд. çnath бить, греч. κεντ-έω толкать, бодать, κέντ-ρον бодецъ (наше кнутъ?), нѣм. Knittel палка сохранили первое значеніе, которое уже въ скр. çan, греч. καίνω, κτείνω получило значеніе *убивать*. Наше *конопля*, греч. κάνναβις, нѣм. Hanf значитъ собственно *бодлакъ*, тернъ. Значеніе *разрывать* имѣемъ въ греч. κέντ-ρον, лат. cento, нѣм. Had-er лохмотье, *дробить* въ скр. kan i зерно, греч. κόν-ις пылинка, лат. cin-is пепелъ Скр. kana соединяетъ въ себѣ понятія зерно, пылинка, снѣжинка, капля, искра. Греч. καινός, лат. re-cens *молодой* развилось аналогически съ греч. μικρός отъ кор. mak *дробить*, и значитъ собственно *малый*. Наше *на-чать*, *на-чало*, *кон*-ецъ (цсл. почѣти) легко объясняются значеніемъ *рубить* корня kan, и цсл. *конъ*, такимъ образомъ, значитъ *первая отрубленная часть*, какъ наше *кон-ецъ* послѣдняя. По старогал. *первый* называлось cintus, по староир. cet, ср. греч. μόν-ος отъ корня man уменьшать. Въ нашихъ гл. *по-кон-чить*, *до-кон-ать*, чеш. konati и *чин-ить*, *учинить* мы видимъ, какъ изъ значенія *совершать* постепенно развивается *дѣлать*. Тотъже корень въ формѣ *knid* имѣетъ значеніе *рубить*, *толкать*, *бодать*, пихать въ греч. κνίζω, нашемъ *гнетать*; кусающее насѣкомое *гнида*, по чеш. hnida называется по греч. κόνις, по нѣм. Niss.

Изъ всѣхъ корней, принадлежащихъ къ разряду гортанныхъ, ни одинъ не получилъ столь широкаго и богатаго развитія, какъ корень *kart* или kar. Но раньше чѣмъ приступимъ къ

Curt. 502 243. Fick I. Буд I. 94. Pict. I. 387. 518. Grimm 281.

перечню понятій, выросшихъ изъ него, мы должны сказать нѣсколько словъ о корняхъ, состоящихъ изъ трехъ или болѣе согласныхъ и объ ихъ отношеніи къ сокращеннымъ корнямъ, напр. корня *kant* къ *kan* или *kart* къ *kar* и пр. По нашей теоріи, изложенной уже выше на стр. 43, мы считаемъ корнемъ сочетаніе kart, такъ какъ оно гораздо полнѣе выражаетъ чувственную сторону тѣхъ понятій, которымъ оно послужило названіемъ, чѣмъ его сокращеніе *kar* или даже *ka*. Т. е. если сочетаніе kart произошло вслѣдствіе звуковаго подражанія какому либо явленію, то всѣ понятія, развившіяся логическимъ путемъ изъ своего основнаго понятія, должны считаться принадлежащими къ корню *kart*, хотя бы онъ вслѣдствіе фонологической порчи потерялъ или измѣнилъ даже всѣ свои звуки. Конечно, также могло случиться, что корень *kar* образовался самостоятельно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прибавленіе лишняго звука не могло послужить къ лучшему изображенію даннаго понятія Такимъ же образомъ можно заключать и о сочетаніи *ka*, изъ чего слѣдуетъ, что корни *ka*, *kar* и *kart* могутъ быть тремя разными корнями, имѣющими только тѣ общіе признаки, которые дали начало корню ka. Тогда логически можемъ соединить всѣ три корня, хотя на самомъ дѣлѣ могло случиться. что они образовались, совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Разница между корнемъ kart и ka+r+t, такимъ образомъ, сводится къ тому, что kart и вышедшія изъ него сочетанія kar(—t), ka(—rt) соединены не только *логически, но и физически* (т. е по своему происхожденію), между тѣмъ какъ kart или kar можно считать въ связи съ ka только посредствомъ признака ka, *т. е. логически.* По значенію корень *ka=ga*, т. е. служитъ выраженіемъ глухаго, громкаго удара, въ корнѣ же *kar* прибавляется новый важный

элементъ нашего ощущенія,—т. е. безпрерывное, плавное движеніе, остановка котораго выражена прибавленіемъ новаго, глухаго звука t. Подобный шумъ *kart* слышимъ напримѣръ, если разрываемъ кусокъ матеріи, и не могло произойдти случайно, что названіе подобнаго разрыванияпредмета имѣетъ въ нашемъ языкѣ переставочную форму корня kart—targ въ словѣ рас-*тор*-гать, чеш. trhati и пр.

Изъ всего этого мы можемъ заключить, что *trk* или *krt* обозначаютъ шумъ, происходящій при быстромъ разсѣканіи предмета или пространства, при чемъ первый глухой звукъ какъ будто выражаетъ начало этого дѣйствія, послѣдній же конецъ или предѣлъ этого разрушенія или проникания. Звуки k и *t*, конечно, могутъ замѣниться другими глухими звуками, смотря по разнымъ отѣнкамъ того или другаго шума. Приступимъ къ первому корню этого разряда *kart*, при чемъ для большей ясности пока отдѣлимъ отъ него позднѣйшую его форму kalt.

Kart имѣемъ въ нашихъ словахъ со-*крат*-ить, короткій вм. *кратк-ій*, въ числ. цсл. *два кратъ*, *стократъ* вм. нашихъ два—раза, *сто разъ*, въ нашемъ *черт-а чертить* и пр. Во всѣхъ этихъ словахъ основнымъ значеніемъ было *рвать, рѣзать*, какъ видно изъ сскр. kart рѣзать, рубить, лит. kert-ù; греч. κροτέ-ω значитъ *ударяю*. κρότος громкій ударъ. Лат. cur-tus, какъ и наше *крат-кій*, значитъ собственно *отрѣзанный*. *Кроткій* есть короткій въ переносномъ значеніи. Въ нашемъ словѣ *кротъ* (животное роющее землю) встрѣчается новое значеніе *рыть*. Лат. curt us нѣм. kurz=нашему *кратки* и значитъ собственно *отрѣзанный*, *куцій*. Чеш. *ukrtati* говорится о шумѣ, производимомъ при зажиганіи спички, весьма похожемъ на разрываніе какой нибудь матеріи, между тѣмъ какъ другая форма этого гла-

Fick. I. 524. Pict I. 568. Буд. I. 193.

гола skrtit̆ по значенію равна нашему *давить*. Наше *крутить*: (со)-кратить = чеш. trhati: лат. torq-êre Сскр. kart въ этомъ смыслѣ значило *прясть*, *мотать*, вязать, ср. лат. cratis, crassus толстый (сплетенный), клѣть. цсл. чрѣшта, греч. κάρτ-αλος, корзина и пр. Какъ выше pecus *скотъ* произошло отъ pak вязать, такъ и здѣсь названіе *стада* развилось изъ kar *вязать* въ сскр. çardha, нѣм. Heerde, цсл. *чрьда*. Сскр. çardha соединяетъ понятія *стадо*, множество, *сила*, при чемъ послѣднее значеніе могло развиться совершенно самостоятельно изъ выше указанныхъ основныхъ значеній, какъ и греч. κράτ-ος, κρατ-έω сила, власть, владѣть, и пр. Близко къ первоначальному значенію *рѣзать* стоятъ наши *среда*, *среди*, *черезъ*, развившіяся такимъ-же путемъ, какъ предлогъ *между* отъ mat рѣзать. Прил. *черст-вый* значитъ собственно, какъ и сскр. katu вм. kart-u—*рѣжущій*, затѣмъ, какъ въ лит. kartù-s,—*горькій*, *ѣдкій* острый по своему запаху; въ чеш. яз. это слово значитъ *быстрый*, свѣжій, въ нѣм. hart твердый. Новое значеніе пріобрѣтаетъ этотъ корень въ сскр. kûrd *прыгать*, въ греческ. κραδά-ω, κραδαίνω *потрясать*. *Сердце* отъ своего трепещущаго движенія было названо по сскр. hârdí, по зенд. zarezdan, по греч. καρδία, κῆρ вм. κερδ, лит. szirdi-s, нѣм Hert-z. Впрочемъ нашъ языкъ отлично сохранилъ болѣе древнее *h* вмѣсто позднѣйшаго *s* въ нашихъ словахъ *горд-ость*, *гордиться*, происходящихъ отъ одного и тогоже корня, какъ и *сердце*, *сердиться*. — Позднѣйшую форму этого корня - kalt или kald въ томъже значеніи имѣемъ напр. въ нашемъ *колода*, отрѣзанное дерево, въ нѣм. Holtz, лат. clâd-es рѣзня, gladius мечъ (ср. чеш. kord), греч. κλαδ-άω рядомъ съ κραδ-άω и пр. Орудіе удара называется по цсл. *клад-иво*, острое стебло = *колосъ*; наше *колодезь* по образованію равняется лат. put-eus и *класть* = лат. pôn-ere.

Curt. 144. 155. Fick. II. 55. Grassm. 1384. Grimm. 231 280. Буд. I 233.

Изъ корня kart(d) произошли весьма распространенные корни skar, kar, kal. Значеніе *рѣзать, уничтожать* имѣемъ въ зенд. kar, греч. *κείρω*, стригу=нѣм. scheeren, въ нашемъ *кравчій, кроить*, чеш krájeti и пр Наше *край* собственно значитъ *граница*, т. е. отрѣзокъ земли, поясъ, отдѣляющій двѣ страны, и этимологически равняется чешскому čára, т. е. линія, рѣзъ. *Чара*, можетъ быть, по значенію=рѣзной кубокъ, и *чары* собственно называются тѣ линіи, которыя производитъ чародѣй своей палкой въ воздухѣ, или тѣ предѣлы, тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ онъ совершаетъ свои чудеса. Ср. *колдовать*, греч. *κηλέω*.—Изъ kar рѣзать далѣе получила свое названіе въ греч. яз. не только *смерть* (*κῆρ*), но и *мясо κρέας* (разрѣзанное); съ послѣднимъ словомъ можемъ сравнить слово *чрево*. Сырое, окровавленное мясо дало названіе *крови*, такъ что лат. cruor, наше *кровь* этимологически=чрев(о), и названія цвѣтовъ *червоннаго* *чермнаго* и *краснаго* собственно произошли отъ понятія *кровяной*, по лат. cruentus.

Какъ выше у корня mat развилось изъ понятія *рѣзать, рубить* новое *творить*, дѣлать, такъ и въ корнѣ kar уже въ древній періодъ языка произошла выработка понятія *творить, дѣлать*. Греч. *κραίνω* вм. *κρανίω*, лат. creâre значитъ *совершать*, сотворять, лат. cer-us=сскр. mât-ar, творецъ, лит. kur-ti= лат. aedificare, въ цсл. яз. *крѣчь* значило ремесленикъ. Корень kar, какъ всѣ предыдущіе корни подобнаго происхожденія, такъ же значитъ въ сскр. яз. *бросать* съ шумомъ; въ русскомъ яз. онъ сохранился въ этомъ значеніи въ гл. *сорить*, т. е. сыпать. Изъ понятія *бросать* развились значенія *наполнять* и *покрывать*. Первое лучше всего сохранилось въ нашемъ *кор-мить*, въ греч. *κορέννυμι* насыщать и въ сскр. значеніи корня kar.

Curt. 148. Fick. II. 70. Grimm. 701 Micl. 318.

Cскр. kar *покрывать* сохранилось отлично не только въ нашемъ гл. *крыть*, но и въ множествѣ словъ, образовавшихся отъ позднѣйшей формы корня *kal*, напр. лат. celâre, occulere скрывать, cla-m тайно, нѣм. hehlen, чеш. haliti, отъ чего сущ. háv плащъ и пр. Оттуда получила названіе не только *кора*, покрывающая дерево, но и покрывало животнаго *шкура* или человѣческой головы въ нѣм. Haar, лат. crî-nis *волосы*. Значеніе *содержать* изъ *покрывать* замѣчаемъ въ cскр. kalpaka, греч. κέρ-νος, нашемъ *кринка; голова*, которая покрываетъ или содержитъ въ себѣ мозгъ, получила названіе одного корня съ горшкомъ въ cскр. karanka, греч. κάρ, κάρα, κρανίον, въ зенд. çiras. (греч. κάρ также=*волосъ*). Тѣмъже именемъ называется въ лат. cerebrum, нѣм. Hirn, Gehirn *содержимое*, т. е. мозгъ. Затѣмъ каждая возвышенность мозга получитъ названіе отъ корня kar. Такъ, *рогъ* животнаго называется по зенд. çrv-a, греч. κέρ-ας, по лат. cor-nu, по нѣм. Horn, *олень, какъ рогатое животное*, имѣетъ въ греч. названіе κεραός, въ лат. cer-vus, нѣм. Hirsch, рус. сер-на; въ слав. и лит. яз. получила названіе отъ этого признака *корова*. Форма роговъ дала начало прилагательному *кривой* по лат. cur-vus, по нѣм. krumm. Изгибающійся *червь* названъ былъ въ cскр. яз. krmi, лат. ver-mis вм. cvermis, по нѣм. Wurm, по слав. *червь*. Наше *чер-ный*, cскр. krshna значитъ собственно покрытый *грязью* (cскр. kar-masha грязь.) Въ новомъ направленіи легко могло развиться изъ *возвышаться* новое понятіе *расти*, слѣды котораго мы видимъ въ нашемъ сл. *кор-ень* и въ лат. названіе богини плодородія и урожая Ceres (ger-men вм. cer-men?).—Весьма важное значеніе получаетъ этотъ корнь въ лат. гл. cernere, *раз-личаю, вижу*, такъ что *зрѣніе* приравнивалось *рѣзанію глазами предмета* и это слово очень близко подходитъ къ значеніямъ корня man *рѣзать*,

Curt. 144. 147. Fick. I. 522. Grimm, 570. Буд. 148. Pict. I. 522.

мьрить, думать. Глазъ затѣмъ и *умъ* рѣжетъ, т. е. постигаетъ, изучаетъ предметы, провѣряетъ судитъ ихъ, поэтому греч. κρί-νω, староир. cert значитъ *судить*, нѣм. unterscheiden различать, лат. cer-tus *вѣрный*.

Но особенно хорошо выражаетъ корень *kar* движеніе съ шумомъ, который напр. слышимъ при громкомъ движеніи телѣги. Скр. car выражаетъ всѣ возможные роды шумнаго движенія Тотъже гл. имѣемъ въ лат. currere *бѣжать*, отъ чего образовалось currus *колесница*, ср гал. carrus, нѣм. Karren, чеш kára. Англ. horse значитъ *конь*, греч. κόρος, κόρα, скр. câri-kâ ухаживающій за кѣмъ нибудь, *слуга*, служанка, скр. carî *молодая жена*. Медленно ползущее насѣкомое—клопъ называется по скр car-i, по греч. κόρ-ις. (Значеніе *прыгать* имѣемъ въ греч. σκαίρω скр. kûrd, по зенд. çkur). Можетъ быть, и *оселъ* отъ своего медленнаго хода получилъ въ скр. и зенд. названіе khara. О подражательномъ началѣ всей этой группы словъ особенно хорошо свидѣтельствуетъ скр. kharj, рисующее скрипъ телѣги, наше *скрежетать* и пр.

Форма корня kal не только повторяетъ, но и развиваетъ дадалѣе многія значенія корня kart, что свидѣтельствуетъ о ея тождествѣ съ корнемъ kart. Такъ напр. наше *колоть* имѣетъ оба значенія и *рубить* и *ударять* и вполнѣ отвѣчаетъ греч. κλάω, лат. percellere ударять. Происхожденіе ихъ изъ болѣе древняго kalt или kard достаточно засвидѣтельствовано выше приведенными словами. *Ножъ* называется по лат. cul-ter, *палица* clâva, ударъ, *несчатіе* cal-amitas, невридимый in-col-umis. Въ старонѣм. яз. *сраженіе* называлось hild. Отъ корня mar *рѣзать, раздѣлять* были названы *члены тѣла* по греч. τὰ μέλ-η (ср. μηρίον, μηρός голень); не иначе образовалось отъ корня kar, kal наше

Curt. 148. Fick. II. Grassm 437. Pictet. I. 443. Буд 185.

членъ, т. е раздѣляющій и греч. κόλον (ср. наше *колѣно*.) Изъ kar развились понятія *рѣзать*, *кромить*; подобное отношеніе имѣемъ при формѣ корня kal между понятіями *кол-оть* и *клонить*, ср. греч. κλίνω, лат. in-clinâre и пр. Въ формѣ skal корень пріобѣтаетъ болѣе спеціальное значеніе *рыть* въ греч σκάλλω, хотя и здѣсь первое значеніе было *рѣзать*, какъ видно изъ греч σκάλμη ножъ, лит. skal-ti рубить и изъ второстепеннаго значенія греч. гл. σκάλλω, ср. наше *о-сколокъ*. Разрубленное дерево называется по сскр. kîla (острое срубленное дерево), по греч. κᾶλ-ον, по лат. câlu, наше *кол*ъ. Срубленная лодка= нашему *челнъ*, съ чѣмъ мы сравниваемъ и слово *кор-абль*. Лит. skel-ti *рубить* и *разводить огонь* показываетъ на близкую связь этихъ понятій посредствомъ средняго *складывать дрова на костеръ*. Въ нашемъ *при-чал-ивать* преобладаетъ, какъ и въ лат. ap-pel-lere отъ к. pal, значеніе ударять, т е. весломъ въ воду, пригоняя лодку къ берегу —Ломкій камень называется по греч. χάλιξ *или* σκάλιξ, ср. наше *скала* и чеш названіе города Skalice. Отъ kal *рѣзать* также получилъ свое имя плѣшивый человѣкъ въ нѣм. kahl, лат. calvus, сскр. kulva. Очень вѣроятно, что и греч. καλός красивый собственно значитъ *хорошо сплинный* (ср. франц. bien fait) и такимъ образомъ=лат. cre-âtus; это потверждается тѣмъ болѣе, что сскр. kalya значитъ не только *красивый*, но и хорошо устроенный, здоровый, ср. нѣм. heil, heilig и наше *цѣлый*, исцѣлить и пр.—Нѣкоторые примѣры значенія *покрывать* у корня kal мы уже привели выше, здѣсь дополняемъ ихъ новыми: наше *чело* собственно значитъ *покрывало головы*, въ греч. яз. такъ называется оболочка глаза, ср. κύλ-ον, лат. super-cilium. *Покрывало головы* называется по лат. galea, по нѣм. Helm, (наше испорченное *шлемъ*). Герой, покры-

Curt 552. Fick II. 269. Буд. 207 Pict. I. 151. II. 295.

тый доспѣхами, называется по нѣм. Held. *Гнѣздо*, въ которомъ скрываются птички, имѣетъ въ сскр. яз. названіе kulâya; греч. же *καλιά* значитъ не только *гнѣздо*, но и *хата*, ср. нѣм. Hütte, лат. cel-la. Названіе *чары* отъ тогоже корня повторяется въ сскр. kalaça греч. *κύλιξ*, лат. calix, между тѣмъ какъ греч. *κοῦλεός*, наше *кулъ* значитъ *мѣшокъ*. (*κοῦλεός* и ножны) Понятіе *черный* имѣемъ въ нашемъ *калить*, каль, греч. *κελαινός*, лат. câligo темнота, въ сскр. kalana, греч. *κηλίς пятно*, съ чѣмъ можемъ еще сравнить наше *скверный*, т. е. грязный, какъ видно изъ цсл. *скверна* пятно. Значеніе *возвышать* изъ *покрывать* замѣчаемъ въ лат. collis вм. col-nis, греч. *κολώνη*, лат. cul-men, лит. kalna-s, англ. hill холмъ. *Столбъ* называется по лат. columna, *мозоль*, какъ возвышенность на нашемъ тѣлѣ, callus. Отсюда произошло и названіе нашего *колоса*, лат. culm-us, греч. *κάλαμος*, сскр. kal-ama. Слѣды понятія *расти* видимъ въ чеш. klíčiti. *Возвышаться* называется по лат. ex-cell-ere; можетъ быть, и *высокое* или *покрывающее насъ* небо было названо отъ этого корня *coel-um*. Этому производству слова coelum нисколько не противорѣчитъ греч. *κοῖλος* выпуклый, лат. caula выпуклость, такъ какъ оба эти слова получили свое названіе отъ картины круглаго, выпуклаго сосуда, который въ свою очередь былъ названъ такъ вслѣдствіе развитія понятія *покрывать* въ корнѣ kar. *Синій цвѣтъ*, какъ цвѣтъ небеснаго свода, называется по лат. caeruleus вм. caeluleus.

Движеніе обозначилось въ корнѣ kal въ лат. яз. словомъ cel-er быстрый, cal-lis стезя, colere собственно *гнаться за чѣмъ* либо, затѣмъ *заниматься*, *обработывать*, греч. *κέλομαι* погоняю, *κελεύω* приказываю, *κέλ-ευθος* дорога, *κέλης* ѣздокъ, *βουκλό-ος* погонщикъ быковъ, лит. keliauti путешествовать, kel-ys дорога и пр.

Curt. 146. Fick. I. 528. Буд. 67. Pict II. 311 I. 231. Буд. 39.

Наше *цѣлить*, *цѣль*, чеш. cíl собственно значитъ *направляться, стремиться* къ чему нибудь. Греч. λαχ-τίζω вм. κλαχ-τίζω значитъ ударяю погою, тончу, отъ чего и получила названіе *пята* въ греч. λάξ вм. κλάξ, въ лат. calx (calcar шпора calceus башмакъ). Значеніе *спѣшить* имѣемъ въ нашемъ *скор-о, скорый* и пр.

Нѣтъ почти никакой замѣтной разницы между корнемъ kart *karp* и поэтому не удивительно, что оба корня выражаютъ однѣ и тѣже понятія. Коренное его значеніе было *рѣзать*, какъ видно изъ сскр. kṛpâna мечъ, kalpaya рѣзать, kalpaka брадобрѣй Лит. kirp-ti значитъ *стричь* (сскр. kalpani ножницы). Зловредный *червь* называется по зенд. kraf-ç-tra, какъ и по греч. σκορπ-ίος. Ср. еще греч. κολάπ-τω, лат. scalp-ere и sculp-ere вырѣзывать, нѣм. scharf *острый*. Въ нашемъ яз. находимъ слѣды первоначальнаго значенія въ словахъ *круп-а, круп-инка*, такъ какъ первоначальное этихъ словъ было значеніе *разрѣзанныя*, раздробленныя частички. Также слова *у-щербъ, щербина* и пр. при чемъ послѣднее слово по этимологіи равно русскому *чере-ица*, т. е. отломокъ, отрѣзокъ камня. Греч. κρηπίς, лит. kurpe имѣемъ въ нашемъ *черевики* (=кусочки кожи). Выше у корня *kar* мы видѣли, что по значенію *мясо*=разрѣзанное, тоже самое можемъ утверждать и здѣсь по отношенію къ зенд. kerefs—*мясо*, отъ чего получило названіе и *тѣло* въ словѣ того же яз. kehrpa, въ лат. corp-us и нѣм. Korper. Какъ выше совершился переходъ значенія *сократить* въ *крутить*, такъ и при корнѣ karp въ множествѣ словъ замѣчаемъ преобладаніе значенія *крут-ить*, какъ напр. въ лат. corbis *корзина*, нашемъ *коробъ*, нѣм. Korb, т е. плетенка и пр. Переходъ значеній къ *строить* замѣчаемъ въ нашемъ *укрѣплять, крѣпкій*; очень близко къ

Curt. 166. 169. Fick. I 526. Grassm. 347. Pict. I 151.

этому послѣднему понятію стоитъ англ. to help помагать, нѣм. helf-en, сскр. kalp (лат. culpa.) Незначительное уклоненіе отъ первыхъ понятій представляетъ собою наше *царап-ать*, лат. scribo (*пишу* второстепенное значеніе), греч. σκαριφάομαι. *Царапать землю*=рыть, поэтому *яма* называется по лат. scrobis, *свинья* роющая землю scrôf-a, по греч. γρομφάς. Конечно, и наши слова *скрипѣть*, *скоробить*, *корпѣть*, нѣм. schreiben имѣютъ тоже самое происхожденіе (*скорбь* рѣжетъ душу, ср. лат. s-crup-ulum угрызеніе совѣсти.) Наше *черп-ать* по своей этимологіи очень близко стоитъ къ лат carp-o, греч. κάρφω и, какъ намъ кажется, значеніе всѣхъ этихъ трехъ слов. одинаково, т. е. *срывать*, *щипать*. *Плоды* деревьевъ мы срываемъ осенью, и поэтому не только плодъ въ греч. καρπός, но и сама осень въ нѣм. Herbst получили названіе отъ корня karp. Корень karp далѣе долженъ выражать *бросанье* съ *шумомъ*, которому подражаетъ его сочетаніе. Ср. гл. *крап-ать*, греч. κλέπ-ας мокрота, сскр. kṛpîṭa, произшедшія отъ подражанія паданію мелкаго дождя, какъ видно изъ чеш. гл. krápati. Ближайшее понятіе *покрывать* отлично сохранилось въ цсл. поклопъ, т. е. крышка у колодца, въ греч. καλύπτω, κρύπτω прикрываю, κόλπος, лоно, выпуклость, въ нашемъ *скепь*, нѣм. Gewölbe. *Черепъ* по значенію - чело. Ср. κορυφ-ή холмъ. Лат clep-ere, греч. κλέπτω. *краду* отлично показываютъ на логическое происхожденіе понятія *ворую* изъ *скрываю* въ корняхъ kard (крѣду) и kalp (κλεπτω.) Что лат. clepere первоначально значило *покрывать*, видимъ изъ словъ clipeum или clip-eus щитъ Ср. греч. κάλπη, лат calp-ar бочка.

Остается корень *krus*, который едвали можно отдѣлить отъ

Curt. 141 Fick II 722. Byl. 206 Grimm 53 и 553

корня kar, kru, такъ какъ онъ произошелъ отъ него вслѣдствіе придыханія (kruch, krus.) Этотъ корень лучше всего сохранился въ нашемъ *крушить, крохи.*

Логическіе корни этого разряда будутъ ka, ku, ki. Корень ka сохранился въ скр. гл. ça *точить*, изъ чего лат. cat-us острый, остроумный. Скр. kshi отъ пракорня ska значитъ пріобрѣтать *силою* и произошелъ отъ кор. kat, какъ видно изъ греч. κτά-ομαι, нашего *скотъ* (добро пріобрѣтенное силою.) Лат. queo я *могу* значитъ собственно я *господствую*. Корень ka очевидно произошелъ изъ kant рубить, рѣзать Тотъ же корень въ формѣ çi получилъ переносное значеніе *побуждать* кого нибудь, *направлять* въ лат. cîre, скр. cinoti; греч. κίνομαι значитъ *я двигаюсь* и затѣмъ въ κί-ω *я иду*. Ср. лат. гл. incit-âre побужать и нарѣчіе cito. Скр çiyate идти, дополняющее своими формами спряженіе гл. çad, показываетъ на истинное его происхожденіе. Далѣе обозначаетъ этотъ корень въ зенд. çin и греч. κιναβίζω *движеніе воздухомъ*, т. е. полетъ, птицы и движеніе воды въ скр. çvi. Изъ другаго, нами выше названнаго корня, уже въ скр. kshi развилось значеніе (владѣть), обитать, и перешло въ этомъ смыслѣ на европейскую почву въ греч. κτί-ζω *населяю*, лит. kémas *деревня* нѣм. Heim *родина* Въ нашемъ по-*чив-ать*, по-кой замѣчаемъ новую степень развитія корня, которая уже выразилась въ лат. quiescere, tranquî-lus спокойный, = скр. kshema, зенд. skao радостный. Ср. греч прилаг κτίλος, лат. cicur *кроткій*. Скр. гл. çete *лежать*, греч. κεῖμαι отъ кор κι объясняютъ значеніе лат. cîv-is *гражданинъ* (т. е. осѣдлый.) Но всѣмъ этимъ словамъ дало начало значеніе корня гораздо болѣе древнее - *рѣзать* (kart), которое сохранилось въ скр. греч. σχά-ω, откуда и лат. canâlis.

Curt. 157 Fick. I. 233. Pict. II. 375.

Изъ ska *рубить* развилось въ ближайшей степени *ska* жечь въ сскр. ksha, греч. ξη-ρός *сухой*. *Сушить* (сложенныя дрова въ костеръ), *жечь* называется по сскр. также çyâ, изъ чего произошло не только нѣм. heitzen *топить*, но и наше *сіять*. Морозъ жжетъ или рѣжетъ и поэтому не удивительно, что въ сскр. яз этотъ корень далъ названіе не только *жару*, но и *морозу* въ прилаг. çita. Весьма многіе изъ *цвѣтовъ* получили свое названіе отъ понятія *сіять*. Отъ яснаго сіянія пламени получилъ не только свое имя. *бѣлый* цвѣтъ въ сскр çyena, но и *синій* въ нашемъ словѣ. *Пепелъ* или обгорѣлое дерево дало названіе черному цвѣту въ сскр. çyâma, *сѣрому* и *сивому* въ нашемъ яз. Ср. лат. cinis, пепелъ и греч. καίω жгу, κυανέος темный, лат. cras вм. cvas, какъ видно изъ сскр. cvas завтра (=за утро, ср. наше сквозь вм. скрозь и пр.). Въ анг. яз. *небо* the heaven получило, какъ и лат. coelum названіе отъ своего синяго цвѣта. Мы уже часто могли замѣтить связь между понятіями *евѣтить* и *видѣть*; но намъ кажется, что слова, происшедшія отъ корня ki съ значеніемъ *замѣчать*, *видѣть*, слѣдуетъ считать принадлежащими прямо къ корню kid *рѣзать* (глазами). Уже сскр гл. cі значитъ *замѣчать*, обращать вниманіе, *искать*, лит. quaero значитъ искать, греч. τί-ω по-*чи*тать. Наше слово *искъ* (лат. quaestio) показываетъ, какъ легко могло развиться изъ cі *искать* новое значеніе *мстить* наказывать, ненавидѣть и пр. Ср. греч. τίνω, наше *цѣнить*, зенд. kaêna наказанія, греч. ποινή, лат. poena. (π=к). Наше *читать* по значенію равно лат. legere, т. е. *собирать* буквы (глазами), какъ видно изъ сскр. гл. *cі собирать* дрова, происшедшаго изъ scid *рубить дрова*.

Curt. 145, Fick, I. 818, Grassm, 1416.

Греч. κίων столбъ собственно значило *костеръ*. Лат. scîre стоитъ ближе къ матеріальному значенію *проницать*, рѣзать умомъ, знать.

Наше ку-*ковать*, нѣм. hauen, какъ видно изъ лат. cud-ere и другаго нашего гл. *кидать*, имѣло первоначальный корень *kad*. (Ср. лит. kovà сраженіе). Наше *оковы* по этимологіи и значенію = лат. cat-ena или другому слову *цѣпь* отъ к. kap. Чешское kov значитъ металлъ. Значеніе *рѣзать* достаточно засвидѣтельствовано греч. ξυρός, сскр. kshura *ножницы*, лат. cos *оселокъ*, cautes *утесъ* и пр. Греч ξύω, сскр. kshnu имѣетъ значеніе *тереть*. [Въ переносномъ смыслѣ изъ kad *рѣзать*, получилось значеніе *терзать*, *мучить*, какъ видно изъ лат. cavillari издѣваться, греч. καῦρος злой, сскр. kava скупецъ и пр. Наше *шут-ить*, греч. σκώπ-τω, нѣм. schimpfen, малор. *жертвовать* и нѣм. scherzen показываютъ на болѣе древніе корни pat, cap, car.] Развитіе понятій совершилось здѣсь такимъже образомъ, какъ и въ другихъ формахъ этого корня. *Покрывать* изъ *бросать* имѣемъ въ сскр. ku-noti, греч. κεύ-θω. Поэтому *кожа* называется по греч. σκύτ-ος, *щитъ* по лат. scû-tum, слѣпой въ зенд. *kavan*; этотъ послѣдній признакъ далъ названіе молодой, слѣпой собакѣ въ нашемъ *щенокъ*, въ греч. σκύ-μνος. По всей вѣроятности, и наше *ков-еръ* = покрывало, какъ и небесная крыша въ англ. sky *небо*, изъ англс skio покрывало. *Покрывать* дало понятіе *быть выпуклымъ* греч. κύ-αρ, лат. cav-us, cav-ea. Наше *су-ета* = сскр. cûnyatâ, какъ и греч. прил. κενεός и лат. nequam, показываетъ на форму корня kam. (Впрочемъ ср. греч. κύβ-ελον, наше *куб-окъ*, сскр. çvabhra). Сскр. çavas значитъ *сила*, çûra герой, греч. κύρ-ιος господинъ. Греч. κυ-εῖν быть беременною, сскр. çiçu *дитя* объясняетъ наше слово за-*чать* въ смыслѣ быть беременною.

Curt. 145. 699. Fick. I. 814. II. 271. Pict. III. 283. Grimm. 154. 244. Grassm. 362

Какъ выше чеш. cítiti отъ корня kid, такъ наше *чув-ствовать* развилось отъ ku, ka рубить. Ср. сскр. kavi предсказатель, поэтъ, греч. κοέω знаю, лат. cavêre быть осторожнымъ, гот. hivi видъ, красота, нѣм. schauen смотрѣть, schon изъ skaunas краси . и пр.

Наконецъ, всѣ *роды движенія* обозначены посредствомъ сскр. çcyu, съ которымъ можно сравнить наше *совать* (собственно *быстро бѣжать*), гот. skêw-jan идти. Въ зенд. *shu* замѣчаемъ переходъ отъ *двигаться* къ *дѣйствовать*, ср. греч. σκεῦ-ος *орудіе*. Наше *скитаться*, нѣм. schieszen изъ scoti-an, сскр. çcut *течь* (ср. лат. quatio, нѣм. schütteln трясть и gutta капля) показываютъ на форму корня *kat*.

Curt. 152. Fick. III. 336. Grassm. 318.

IX

Въ этой главѣ постараемся прослѣдить цѣлый рядъ корней одинаковаго характера съ *kart*. Первое мѣсто будетъ занимать перестановка корня kart—*tark*. Въ нашихъ слав. яз. преобладаетъ другая его форма *targ*, хотя и *tark* встрѣчается не рѣдко, какъ напр. въ нашемъ *тор-ать*, которое, какъ видно изъ чеш. trk-ati, собственно значило *бодать*. Первоначальное значеніе этого корня имѣемъ въ нашемъ *рас-торгать*, или въ позднѣйшей формѣ *терз-ать* (ср. цсл. *трока*, т. е. отрѣзокъ.). Въ сскр. яз. этотъ глаголъ имѣетъ форму tarh, съ которою можемъ сравнить и греч. θράσσω *ломать* и лат. trah-ere *тащить* Выше мы видѣли, какъ близки понятія *рвать* и *крутить*; тоже самое замѣчаемъ здѣсь по отношенію къ приведеннымъ словамъ новаго разряда словъ, какъ напр лат. torquêre, нѣм. drehen, сскр. существ. tarku=ἀ-τρακτος. Тотъже корень далъ названіе *веревкь* въ греч στραγγάλη, въ нѣм. Strang. Слѣдуютъ понятія *стричь*, *струг-ать*, съ которыми можемъ сравнить лат. terg-ere, нѣм. streichen, греч. στρεύγ-ομαι Наше *строк-а* по значенію и по этимологіи равняется гот. strika-s, новон. Streich *штрихъ*. Нашему *дер-ать*, *задернуть* (веревку) сродно лат.

Grassm. 531 Curt. 468. Fick. I. 597. Grimm. 287.

stringere. *Под-стрекать* значитъ собственно *погонять* и ясно показываетъ на близкую связь прежнихъ значеній съ новымъ *бѣжать*, въ цсл. *торч-ати*, греч. τρέχω, зенд. thrak, сскр. trakh. Намъ кажется, что существуетъ весьма близкая связь между выраженіемъ глухаго удара *трахъ* и ощущеніемъ *страха* и поэтому не сомнѣваемся сравнить сскр. tarj, греч. ταρβ-έω нѣм. schrecken *пугать*, *угрожать* съ нашимъ *страшить*. Оттуда произошло и *трусить* (струхн-уть), *трястись*, сскр. tras, греч τρέω, лат. terrêre, при чемъ въ греч. и сскр. яз. развилось новое понятіе *бѣжать* вслѣдствіе страха (ср. *пуг-ать* и бѣжать, греч. φεύγω.)—Связь между *тереть* и *сушить* (трогать, тереть, сушить) очевидна и поэтому здѣсь ограничимся перечисленіемъ словъ, сюда принадлежащихъ. *Суша* называется по лат. terra изъ ters-a, *сушить* по лат. torrêre, по нѣм. dörren, по греч. τερσ-αίνω. Въ сскр tarsh и нѣм. dürsten имѣемъ новое значеніе *жаждать* изъ *сушить* горло

Корень tarp: tark, какъ выше karp: kart, т. е. выражаетъ однѣ и тѣже основныя понятія. Сскр. trup, trump значитъ *ударять*, *ранить*, греч. θρύπ-τω и лит. trup *разбивать въ дребезги*: тоже самое значеніе имѣемъ въ нашемъ *трепать*, (разрывать матерію), *тряпка*. Слово *трупъ* по способу образованія равно греч. κρέας или нашему *мясо*, хотя съ другой стороны очень вѣроятно, что *трупъ*, находясь въ близкой связи съ лат torpêre и нѣм. 's-terb-en, значитъ собственно *окоченьвшее тѣло* (ср. гл. оторопѣть и *терпѣть*) Лат. torquêre *крутить* отъ корня tark отвѣчаетъ греч. τρέπω *крутить*, *поворачивать*, греч. ἐντρέπεσθαι, сскр trap *стыдиться* дѣлаютъ вѣроятнымъ, что и лат. *turp-is* постыдный принадлежитъ сюда. Въ значеніи *ходить*, собственно *топтать* имѣетъ этотъ корень въ греч. яз.

Curt. 196. 223. Fick. II. 110 Буд. 202. Mikl. 1005.

форму τραπέω, лит. trep-ti, откуда получили названіе *торопиться* и наше *тропинка*, чешское trepka *башмакъ* и пр. Слѣды значенія *покрывать* изъ *набрасывать* (топтать), мы видимъ въ чеш. strop *крыша*, въ нашемъ *струпъ* (собственно *покровъ* раны, ср. нѣм. struppig) и въ сскр. târp-ya *платье*, одежда, лат. trabea (лат. trabs=греч. τρόπις балка и значитъ разрубленное дерево), лет. terpt *одѣвать*. *Насыщать* изъ *наполнять* посредствомъ понятія *набрасывать* оставило замѣтные слѣды въ греч. τρέφω кормить, лит. tarp-ti толстѣть, сскр. tarp *насыщаться* Съ позднѣйшимъ *l* находимъ этотъ корень между прочимъ въ лат. talpa кротъ, (рѣзать), въ чеш. tlapa *нога животнаго* (ходить), въ нашемъ *толпа* (наполнять).

Ближайшіе корни къ tarp, tark—darb и dark. Первоначальное значеніе корня darb ясно обозначено въ нашемъ гл. *дроб-ить* и чеш. гл. drápati *терзать*, откуда получили названіе drápy, т. е. когти. Чешское drubez (собственно дребедень) обозначаетъ мелкую птицу, съ чѣмъ можемъ сравнить и греческое названіе мелкаго скота μῆλον отъ корня mar *дробить* (ср. англ. to-drop). Чеш. dlabati, наше долбить=лат. scalpere. Значеніе *крутить* встрѣчаемъ уже въ сскр. darbh, лит. darb. *Рѣзать глазомъ*—видѣть имѣемъ въ греч δρώπτω, въ сскр. darpana *глазъ*. Также корень dark далъ названіе *зрѣнію* въ сскр. darç, въ греч. δέρκομαι, откуда δράκων змѣя, т. е. проницающая взоромъ, нѣм. be-trachten. Въ греч. δραπέτης *бѣглый* рабъ имѣемъ слѣды значенія *ходить* корня darp, которое при корнѣ dark отлично сохранилось въ слав. словахъ *дорог-а*, и пр. Наше *держать* собственно значитъ *вязать*, какъ видно изъ зенд. dereza *путь* и развилось прямымъ путемъ изъ *крутить*. *Другъ* тогда значитъ *привязанный*.

Curt. 224. 134. Fick. I. 618. Grimm. 282. Grassm. 626 582. Буд. 252.

Корни tard и dart необыкновенно сильно выражаютъ ощущенія, которыя послужили за основаніе этому разряду корней. Корень tard имѣемъ въ лат. trudere толкать, и нашемъ *труд-иться* и *страдать* (ср. выше *терп-ѣть*) и не можетъ быть сомнѣнія, что первое ихъ значеніе было одинаково съ чеш drt-iti (разрывать) разбивать въ дребезги Раньше чѣмъ перейдемъ къ логическимъ корнямъ этой группы, мы должны замѣтить, что сочетаніе зубныхъ звуковъ съ r отлично подражаетъ трепещущему движенію, какъ видно изъ нашего *дрожать*, *трепетать*, лат. греч. τρέμω и пр.

Логическій корень tar очень распространенъ во всѣхъ языкахъ Основное его понятіе лучше всего въ греч. τορεῖν *сверлить*, въ лат. terebrum, τέρετρον и пр. *Червь* называется по греч. τερηδών, по лат. tar-mis. Греч. τορ-μός = нашему *дыра* Наше *терн*ъ, какъ и нѣм. Dorn, сскр. tṛna значитъ *рѣжущее растеніе*; также лат. torv-us, сскр. tivura значитъ *рѣжущій*, проницательный и буквально равно нашему *дерзкій*. Лат. предлогъ trans. сскр tira по значенію равняется нашему *черезъ* и значитъ собственно *проникнуть* (ср. греч διά, наше за — изъ da дѣлить.) Изъ *проникать* развилось понятіе *превышать* въ нашемъ *три*, греч. τρεῖς, лат. tres = число превышающее раздѣленіе (два) предмета (одинъ) и въ сравнительной степени, гдѣ суффиксъ tara въ греч. τερο значитъ *болье*. Изъ *проникать* уже въ сскр tar развилось понятіе *достигать*, поэтому греч. τέρμα и τέλ-ος, лат. ter-minus цѣль. Значеніе *совершать* имѣемъ въ нашемъ *твор-ить* лат. (ср. creâre.) Изъ *достигать* развилось значеніе *овладѣвать*, какъ напр. въ греч τύραννος, лит tur-ėti и *имѣть*, побѣждать въ сскр. tûrv-ati, зенд. taurv. Греч. τιτρώσκω и τραῦμα *ранить*, *рана* дѣлаютъ

Curt, 225. 222 Fick I. 90. Grassm 525 Grimm. 229. Буд, 124.

вѣроятнымъ, что послѣднее понятіе развилось самостоятельльно прямо изъ *рубить*. Выше мы видѣли, что корень kart имѣетъ значеніе *чертать*, тоже самое замѣчаемъ въ сскр. tar, изъ чего въ лат. tererе, греч. τείρω развилось значеніе *теретъ*. На связь между понятіями *теретъ*, *быть нѣжнымъ*, *состарѣться* мы уже показали при корнѣ mar· нѣжный называется по сскр. tarunа, по греч. τέρ-ην, можетъ быть, и наше *теленокъ*, сскр. tar-na имѣемъ первое значеніе *нѣжное*, *молодое животное*, между тѣмъ какъ наше *старый* выражаетъ какъ разъ противуположный признакъ. Замѣтимъ, что чешское strava *пища* получила свое названіе отъ дѣятельности желудка; наше *трава*, можетъ быть, есть *пища скота*.—Тотъже корень tar въ формѣ tul имѣетъ значеніе *поднимать*, которое могло легко развиться изъ *возвышать* путемъ выше указаннымъ, такъ что tul тогда значило бы *тор*чать (чеш. strmĕti) *возвышаться*, *возвышать*, *поднимать*, изъ чего далѣе развилось значеніе *нести*, какъ видно изъ старолат. tul-ere и чеш. toul=греч. φαρέτρα *колчанъ*. Значеніе *поднимать* имѣемъ въ сскр. tul поднимать, *вѣсить* въ греч. τάλαντον вѣсъ, лат. tollere, между тѣмъ какъ въ греческ. τλῆναι (τολμάω) и лат. tolerâre, нѣм. dulden имѣютъ переносное значеніе *терпѣть*. Наше *толить*, утолить по способу образованія равно *кормить*, (наполнять); глаголъ *тлѣть* имѣемъ первое значеніе *терзать* (ср. до тла.) Логическій корень dar еще лучше, т. е. сильнѣе выражаетъ всѣ эти понятія. Наше *драть*, сскр. dar греч. δέρω, имѣютъ одинаковое значеніе. Содранная шкура называется по греч. δορά, *разрубленное дерево* δόρυ, по сскр. dâr-u. Нашему *дерево* отвѣчаетъ греч. δρῦς дубъ, сскр. dru Изъ dar *рѣзать* имѣемъ dar *смотрѣть* въ лит. dyr-oti, греч. δενδίλλω и сскр. dar. Нашему *творить* отвѣчаетъ

Curt 222, 240, Fick. II. 568. Grassm. 530. Mikl. 987. Вуд. 183. Pict. I. 226.

гл. *дѣл-ать* отъ корня dar, ср. греч. δρά-ω и лит dar-yti дѣлать. Ясно, что и *дѣл-ить*, значитъ *рѣзать*, *доля* часть, *дар-ить*, раздѣлять. *Рѣжущая боль* называется по лат. dol-or (ср. del-êre разрушать); *срубленная бочка* называется по лат. dol-ium, по цсл. *дельва*, *дошечка* по греч. δελτός. Наше *длань*, какъ и лит. del-na, значитъ раздѣленная, раскрытая рука. Наше *драть* *удирать* показываетъ, что и этотъ корень обозначалъ *быстрое движеніе* (ср. названіе рѣки *Драва*.) Ср. наше *даль*, *далеко*, греч. δόλιχος и пр. *Бѣжать*, прыгать называется по греч. θρώ-σκω, *стремительный* θοῦρις, ср. сскр. dhvar *быстро бѣжать*. Сскр. dhûrv значитъ *вредить* и поэтому злое существо называется въ Ведахъ dhvaras, ср. наше *дур-ной* Мы едва ошибемся, если сравнимъ и греч. θηρίον, нѣм. Thier, лат. fera, наше *звѣрь* и припишемъ этимъ словамъ значеніе *вреднаго*, *дикаго* животнаго = чеш. dravec. Первоначальное значеніе этого корня было *рыть*, какъ хорошо видно изъ сскр. dhara глубина, греч. θόλ-ος яма, нашего долина, *доль*, долой (долбить), нѣм. Thal. Наше *дыра* — старшая форма тогоже слав. корня. Изъ *копать*, окопаться развилось понятіе *укрѣплять* въ сскр. dhîra крѣпкій, лат. dur-us твердый и firmus вм. dhirmus. *Укрѣпленное* или крѣпко устроенное зданіе называлось по слав. *дворъ* = θάλαμος изба, между тѣмъ какъ греч, θώραξ названъ былъ окружающій грудь *панцырь* Безъ сомнѣнія и *дверь* по сскр. dvâra, по греч. θύρα, по лат. fores была названы отъ того, что закрываетъ, защищаетъ домъ. Сскр. dhar значитъ *держать* и отразилось въ греч. θεράπων содержимый слуга и въ лат. for-ma *содержащее*, т. е. видъ.

Корень *part* необыкновенно богатъ по своему развитію. Значеніе *разрывать*, *рѣзать* отлично сохранилось въ лат. part-îri *дѣ-*

Curt 235. 256. Fick I. 695. Grimm. 282. Mikl. 153. 223. Pict. I. 536. Буд. 180.

лить, pars *часть*, цел. платъ *часть*, чеш. roz-polt-iti разрубить, нашемъ *плот-ник*ъ, плотина. *Порт-ить* значитъ собственно *рѣзать* и сл. *порча* вм. портја по формѣ отвѣчаетъ испорченному *порція*, хотя по значенію ушло отъ него далеко. *Плоть* = κρέας. *Полотно*, какъ и наше *платье*, собственно значитъ *разрѣзанные* куски матеріи, ср *плащъ*. Значеніе *крутить*, постоянно встрѣчающееся въ этомъ разрядѣ корней, имѣемъ въ нашемъ *плести*, *плотъ* и пр. Однако въ этомъ значеніи корень имѣетъ обыкновенно форму park, какъ видно изъ лат. plecto, греч. πλέκω, нѣм. flechten. Насколько одинъ звукъ можетъ повліять на основное значеніе корня, видимъ ясно изъ лат. plangere, греч. πλήσσω вм. πλαγјω, лит. plak-ti, обозначающихъ *громко* и *пронзительно ударять*. Наше *плакать*, какъ и лат. plangere, получило свое настоящее названіе отъ жестовъ—ударовъ въ грудь,—которыми многіе сопровождаютъ свой *плачъ*. Лат. plâga ударъ, греч. πληγή, нѣм. Plage бѣдствіе отвѣчаетъ наше сл. *плюха*. *Плясать*, по всей вѣроятности, значитъ *ударять* въ землю ногами. Земля, почва, по которой *плящемъ* называется го греч. πλάξ, по лат. planities, по чеш. plocha, по нѣм. Flache (ср. наше плаха.) *Быть оплошнымъ* (равнымъ) называется по лат. placêre и, выражая въ противоположность нашему слову хорошее качество души, значитъ *нравлюсь*. Въ послѣднихъ значеніяхъ сходится кор. park съ part, хотя послѣдній корень болѣе выражаетъ значеніе *распростирать* Нашему *пространство*, *просторъ* отвѣчаютъ въ сскр. prathas, греч. πλάτ-ος, лат. platea (planta *пята*.) Въ новомъ направленіи изъ понятія *ударъ* развилось значеніе *пятно*, т. е. собственно мѣсто удара ноги или руки (пята—пятно, нѣм. flecken *ударять* и Fleck пятно) или вслѣдствіе паденія какого либо предмета Покрытый пятнами называется въ сскр. prshata,

Fick. I. 664 Curt. 277. Grassm. 854.

наше *паршивый*, по греч. περκνός, по лат. spurcus *грязный* Отъ этого корня получили названія не только *пятнистыя животныя*, какъ на пр. греч. πρόξ и сскр. prshata газелла, но также *цвѣтъ волосъ* пожилаго человѣка, у котораго сѣдые волосы образуютъ такія пятна. Греч. πολιός сѣрый имѣемъ въ сскр. palita, лат. pullus, нѣм. fahl, лат palvas, въ нашемъ *плавый*, *плѣснѣть*. Животное, все въ грязныхъ пятнахъ, называлось по лат. porc-us, лит. pàrszan, чеш. prase, нѣм. Ferkel, наше *поросенокъ*. Но это послѣднее слово можно и иначе толковать. Park несомнѣнно значитъ *рыть землю*, какъ видно изъ лат. porca, нѣм. Furche, *борозда* (ср. чешское pruh линія) и поэтому очень можетъ быть, что *животное, роющее землю*, было названо porcus. Орудіе, разрывающее землю, называется *плугъ*, по нѣм Pflug, разрытая земля по чеш. *prst*. Разрѣзанная доска называется по чеш. prk-no (ср. нѣм. Bret отъ k. part.) Самое дѣйствіе легко могло получить названіе отъ этого корня и, такъ какъ земледѣліе было одною изъ первыхъ работъ человѣчества, то *работа* вообще могла получить отсюда свое имя Такое значеніе мы приписываемъ греч. πράσσω изъ πραγjω и чеш. prac-ovati работать, при чемъ показываемъ къ тому, что наше *пахать* въ чеш, páchati значитъ вообще *дѣлать*. Греч. πλάσσω вм. πλατjω отъ к. plat значитъ *рѣзать*.—Въ переносномъ значеніи этотъ корень имѣемъ въ нашемъ *просить*, *просьба*. Первое значеніе этихъ словъ видимъ въ сскр. praç-na и pracch *вопросъ*, *спрашивать*. Матеріальное значеніе этого корня было *проникать* (рѣзать) *пытливымъ умомъ*, какъ несомнѣнно видно изъ самаго слова *пытать*, которое отъ собственнаго значенія *рѣзать* (пытка) перешло въ чеш. ptáti se и въ нашемъ *допытываться* къ болѣе отвлеченному *спрашивать*. Ср. лат.

Fick. I 669. Curt. 274. Grassm 859. Grimm. 26. Pict I. 462. Буд. 190

prex, которое имѣетъ значеніе не только *просьбы*, но и просьбы цѣны за товаръ, т. е. *плат-ы*, какъ и лат. гл. poscere, нѣм. fragen, лит. plùkti *покупать*.—Но этотъ корень park имѣетъ не только дѣйствительное значеніе *рвать*, но и среднее *разорваться*. Съ глаг *трес-нуть* отъ корня tark мы можемъ сравнить чеш. сл. prask-nouti *лопнуть*, нѣм. prasseln. Сскр. гл. sphûrj обозначалъ *трескъ* грома, чешское praskati шумъ *огня*. Греч. σπαργάω значило быть переполненнымъ, перетекать; сущ ἀ-σπάραγος, какъ и нѣм. Sprosse, лит. sproga, зенд. çparegha значило *зародышъ*. Подобный звукоподражательный корень, конечно, отлично годился для обозначенія движенія, какъ видно изъ нашихъ словъ *прыгать*, *порхать*, греч. σπέρχομαι спѣшить, сскр. sparh. Чеш. prch-ati значитъ *быстро бѣжать*, между тѣмъ какъ другая форма po-prchávati, prsheti обозначаетъ *движеніе дождя* не иначе, какъ и сскр. prush. Мелкая пыль, падающая какъ частый дождикъ, называется по сскр. purîsha, наше *порохъ*, лат. pulvis. *Горѣть* называется по сскр. plush, лат. prûna горячій уголь и prûna *морозъ* показываютъ на связь между—*жечь* и *морозить*, которая осуществилася также въ нѣм. frieren, Frost морозъ. Изъ значенія prach *кропить* легко могло развиться *бросать*, *сыпать*, слѣды котораго видимъ въ лат. sparg-ere и въ нашемъ словѣ *пращъ*. *Набросанная насыпь*, затѣмъ каждая возвышенность называлась *порогъ*, чеш. práh и главное мѣсто Чехіи Praha значитъ *укрѣпленное мѣсто*. *Укрѣпленный*, *твердый* называется въ нашемъ яз. *прочный* и слово *прокъ*, такимъ образомъ получило совсѣмъ противуположное значеніе своему собственному значенію—*пятно* или *порокъ*. *Наполнять* изъ *набрасывать* имѣемъ въ нашемъ *полкъ*=лат. plebs, греч. πλῆθος, отъ корня part. Впрочемъ корень *part* выразился въ на-

Curt 195. Fick. III. 356. Grassm. 1612. 827. Grimm. 229. Буд. 52.

шемъ яз. въ словѣ *плод-ить*, *плодъ*, обозначающемъ *наполнять*, затѣмъ *родить* Слову *крѣпкій* отвѣчаетъ отъ кор. part—*плотный*, *о-плотъ* и пр. Корень *part* также выражалъ *движеніе*, особенно *движеніе воды*, какъ видно изъ нашего слова *прыть*, изъ чеш. prouditi о сильномъ теченіи воды, proud, нашего *прудъ*, греч. πλαδάω быть мокрымъ, лат. prâ-tum заливный лугъ и пр. *Прыть* въ умственномъ отношеніи дала названіе *разуму* въ лит. prot-as, въ сскр. panda мудрость. Лат. inter-pret-ari значитъ *толковать*, сскр. parth *читать*.—Изъ всѣхъ примѣровъ до сихъ поръ приведенныхъ мы могли достаточно убѣдиться, что корень prak въ болѣе мягкой своей формѣ prach по большей части выражалъ быстрое движеніе весьма подобное движенію порхающей птички, легкое и безпрепятственноее. Корень park, спеціальное значеніе котораго остается *проникать*, не совсѣмъ хорошо можетъ выражать подобное безпрепятственное движеніе; поэтому мы считаемъ *parch* или *par* за болѣе древній корень, подражающій легкому полету птицы своими основными звуками *pr* и весьма сильнымъ придыханіемъ, которое сопровождало звукъ *r*. Придыханіе, конечно, могло съ теченіемъ времени или затеряться или перейдти въ новые звуки *k* или *s*. Нашему *порх-ать* отвѣчаетъ сскр. гл. pru, который значитъ не только *летать*, *витать въ воздухъ*, но и *плавать*, *спѣшить*. За основное понятіе мы принимаемъ *летать*, какъ оно сохранилось въ нашемъ *пар-ить*, нѣм. flieg-en, Flug. Въ нѣм. яз. *летающая муха* называется Fliege и очень можетъ быть, что и названіе *птицы* по нѣм. Vogel, по англ. fowl происходитъ отсюда же. *Перо* называется по пр. parna, лит. plunk-sna, по лат. pluma, *крыло* по нѣм. Flügel. Въ сскр. яз. имѣемъ отъ этого корня сл. pulaka, которому отвѣчаетъ лат. pûlex, нѣм. Floh, наше *блоха* (прыгающая) Во

Curt. 537. Fick. I. 670. Grassm. 790. Pict. I 516. Буд. 153.

всякомъ случаѣ связь между *летать* и *плыть* (ср. кор pat) очень близка и по этому не удивительно, что и *рѣка* и *птица* получили свое названіе отъ одного и тогоже корня. Лат. flûmen *рѣка* вм. flug-men и fluvius передаются въ нѣм. яз. словами Flusz *рѣка*, flieszen *течь*. Въ греч. имѣемъ πλύνω *мою*, наше *плавать* сходно съ скр. plu. Лат. pluit значитъ *идетъ дождь* и *plorâ-re* плакать Нѣм. *fliehen*, англ. to flee значитъ *быстро бѣжать*.

Въ логическомъ корнѣ par встрѣчаются почти всѣ тѣже значенія, съ которыми мы познакомились выше Нашъ предлогъ *про,пере*, франц. par, лат. per, греч πρό и нар. πέρα отлично сохранили силу корня *проникать*. Скр. гл. par значитъ проникать, какъ и греч. πείρω. Цсл. *прати*, наше *переть*, нѣм fahren значитъ *ѣхать*. Нашему *бродъ* отвѣчаетъ греч. πόρος, зенд. peretu *мостъ*, *дорога*, лат. *port-us* гавань, нѣм. Furth. *Проникающій*, *отличающійся* называется по скр. pûrva, по рус. *первый* (ср предлогъ *пра*-дѣтъ,) лат. primus, греч. πρῶτος. Наше *правый*, какъ и скр. pravati, греч πρηνής, лат. pronus значитъ *наклоненный впередъ*, т. е покатый. Можетъ быть, и скр. pri *любить*, *пріятель*, нѣм. freund, греч. πρα-ύς = первый, какъ и нѣм. Frau *госпожа* = первая любимая въ домѣ, (ср предл. *при*) Значеніе *разсѣкать*, *дѣлить* ударять имѣемъ напр. въ нашемъ по-*пирать*, (=топтать), чеш. prati мыть бѣлье посредствомъ ударовъ, наш. *порoть*, *прутъ*, *палка*, чеш roz-pol-titi; нашихъ *пор а*, *половина* и пр. Наше *полѣно* значитъ *разрубленное дерево*, *пол-е* участокъ земли = греч. τέμ-ενος Нѣм. Zwei-fel (zweifältig), отвѣчающее буквально лат du-plus (plex), греч. διπλοῦς значитъ *раздѣленный на двѣ части*. По всей вѣроятности и наше *па-лецъ*, по чеш. prst значитъ одна часть руки (раздѣленіе руки), хотя очень можетъ быть, что *палецъ* и *перстъ* получили свое названіе отъ *руки* и ноги, которыя называются по лат. palma

Curt. 279. Pict III, 187. 192. Grimm 278. Буд. 118. 223 272

(ладонь) и по цсл. *плесна*, нѣм. Ferse, по сскр. pârshni Лат. par равный=нашему *половина* и изъ понятія *отдать равное за равное* произошло новое *перемѣнить покупкою, продавать* въ сскр par. греч. πέρ-νημι и пр. Изъ значенія *ударять* (по греч. πάλλω *махать*, παλ-μός пульсъ) произошло *погонять* ударами въ лат. pell-ere; въ греч.—πόλος αἰ-πόλος (ср. βου-κόλος) настухъ собственно *погонщикъ коз*ъ. Греч. πέλω значитъ *занимаюсь*, и лат. pol-îri въ этомъ значеніи равно гл. col-ere отъ корня kar. (Disci-pulus=занимающійся ученіемъ). Греч. σφάλλω значитъ *поражаю, бросаю* на землю, нѣм. fallen *падаю*, лат. fallere обманываю, ср. сскр. phal. *Топтать ногами* называется по лит. spirti, сскр. sphur, по греч. σπαίρω, изъ чего въ переносн. смыслѣ лат. sper-nere *презирать*. Выше мы видѣли, какъ изъ *бросать* произошло понятіе *сѣять*, тоже самое замѣчаемъ въ греч. сл. σπείρω *сѣять*, изъ котораго далѣе развивалось значеніе *вязать* въ σπεῖρα сѣть, σπυρίς *коробка*, σπάρτη *веревка*, sporta *корзина* и пр. (Ср выше ἵημι). Нашему *сѣмя* отъ корня hi отвѣчаетъ греч. σπέρμα. Ср. наше *спорый*, т. е. *разбросанный, рѣдкій*, лат. par-vus. Изъ par *бросать* развилось уже въ сскр. яз значеніе наполнять. Набросанная насыпь, крѣпость называлась по сскр. puru, по греч πύλη (ворота), по лит. pylimas=нашему *плотина*. *Укрѣпленный городъ* имѣетъ въ сскр. яз. названіе puri, въ греч. πόλ-ις, лит, pili-s Изъ того же корня образовались не только глаголы πίμπλημι, лат. im-pleo, наше *наполнять*, но и названія *народа*, толпы въ лат. po-pulus.—Изъ *наполнять* имѣемъ *родить* въ лат. par-ere, лит. peri-u, сскр. же par значитъ также *кор-мить*, съ чѣмъ можно сравнить наше *пиръ*. *Покрывать* изъ *набрасывать* имѣемъ въ лат pellis *кожа*, греч.

Curt 268 281, 288. Fick. I, 832. 666 Grassm. 823 Буд. 226.

πέλλα, нашемъ *плева* Наше *плева*, сскр. palâva, лат. palea собственно значитъ *вещество летающее*, поднимающееся такъ легко, какъ *паръ*, или *пламя*.

Корень *bark* или *barḱ* имѣемъ съ самаго начала только въ его придыхательной формѣ *bhrak*(g). Его несомнѣнные слѣды мы находимъ въ лат. frangere и нѣм. brechen ломать, можетъ быть, такъ же въ сскр. bhraj. Ср. лат. fligere ударять, flagrum кнутъ. *Громкій шумъ* съ трескомъ называется по лат fragor. (ср. наше *брящать*). Сскр. bharg *жарить и свѣтить* есть несомнѣнное подражаніе треску огня (ср. выше prask-ati и наше *брезгать* брызг-ать, о шумѣ воды). Сскр. bhrajj жарить повторилось въ греч. φρύγω и лат. frîg-ere (и frig-idus), flagrâre, flamma вм flag-ma и пр. *Свѣтить* значитъ по сскр. bhrâj, ср греч. φλέγ-ω, φλόξ сіяніе, наше *блескъ*, нѣм. Blitz. Въ нѣм. *blicken* получаетъ корень значеніе *видѣть*, какъ и наше *на-блю-д-ать* отъ кор bhrat, при чемъ можетъ сравнить и наше *блѣдный*, т. е сіяющій, бѣлый съ нѣм bleich Наше *блаж-ить*, какъ и лат. flagitâre, собственно значитъ *горячо желать*, такъ что *благо* имѣетъ значеніе желаннаго добра. Ср. наше *беречь* въ значеніи смотрѣть, и прене-*брегать* = пре-*зирать*. Можетъ быть, и *поблекнуть* собственно значитъ *лишаться свѣта* (ср выше угас-ать), хотя греч *φαρκίς морщина* дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что здѣсь корень былъ *bhrag* разрывать (чело морщинами) ср. лат. fracescere дѣлаться вялымъ и floccus *шерсть* (морщинистая.) Лат farcire какъ и греч. φράσσω изъ φράκjω значило *набросать*, *наполнить*, наше *берегъ*, какъ и нѣм. Berg, зенд. bareza = насыпь, гора. Наше береза, нѣм. Birke = высокое дерево. Слову *короткій* отъ корня kar отвѣчаетъ греч. βραχ-ύς, лат. brev-is и brûma (короткій, зимній день).

Curt. 188. 302 Fick. II. 170. Grassm. 966. Буд. 109. 131· Grimm. 286. Pict I. 253.

Значеніе корня pard(t) хорошо сохранено въ нашемъ *брит-ва*, въ цсл. *брады*, новон. Barte *топоръ*. Скр. прилагательное çata-bradhna во второй своей части значитъ *острый* и навѣрно повторяется въ слав. *брдо*, т. е. острая гора. Наше *бродить*, *бродъ* собственно значитъ *бороздить*, которое заключаетъ въ себѣ значеніе *рьзать*. Наше слово *борода*, нѣм Bart, лат. barba можемъ объяснять или, какъ выше, слово *кос-а* или, имѣя въ виду, что чеш brada обозначаетъ *острую часть* лица, можемъ это слово сопоставлять съ *брдо* и объяснять значеніемъ *выступъ* (ср. лат. mentum).

Въ чеш. brzo, пол. bardzo, нашемъ *борзый* понятіе *острый* переходитъ въ *быстрый* и brzo отъ корня bart = нашему *скоро* отъ корня kar(t).

Корень bhar въ зенд bar значилъ *свер-лить*, *рьзать*, ср. скр. bhurj *ножницы*, лат. for-fex, forâre, нѣм bohren, наше *брить*. Греч φαρ-όω значитъ *пахать*, лит. barus - та часть поля, которую одинъ работникъ можетъ обработать, т. е. *борозда*. Въ лат. ferire корень имѣетъ значеніе *ударять*, ср. скр. bhara сраженіе, наше *бороться*, борьба. Наши слова *бор-овъ*, *бар-анъ* слѣдуетъ объяснять одинаково съ словомъ porc-us. — Выше мы могли убѣдиться въ связи между tar *проникать* и tar *носить*, подобная связь несомнѣнно существуетъ и между двумя значеніями корня bhar, изъ которыхъ послѣднее встрѣчается въ скр. bhar, въ греч. φέρω, лат. ferre, нашемъ *брать*. Греч. φώρ, лат. fur, скр. bharti *воръ* отвѣчаетъ чешское poberta На близкую связь между *носить* и *родить* ясно показываетъ значеніе нашего слова *носить*, и поэтому не удивительно что изъ bar носить образовалось *bar быть беременнымъ*, какъ видно изъ нашего слова, изъ нѣм. gebaren, geburt, лит. bern-as, изъ нѣм. Frucht *плодъ*, *плодовитый* —

Curt. 298. Fick. II. 167. Grassm. 955. Буд. 208. 189. Pict. I. 445.

ferax. Послѣднему слову отвѣчаетъ наше *о-билиный*, которое въ чеш. obilí имѣетъ значеніе *хлѣбъ въ зернѣ* (ср нѣм. Getreide отъ корня trag-en), между тѣмъ какъ лат. far значитъ *мука* (цсл. борь).—Скр. bhar значило также *поднимать* (изъ проникать, торчать), изъ чего развилось *покрывать* въ нашемъ *брови*, чеш obrví, нѣм Braue, греч. ὀ-φρύς, скр bhrû *Чело*, покрывающее мозгъ, называется по лат. frons.

Особенно важенъ корень bhar въ значеніи *быстро двигаться*. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что сочетаніе bhr (br) есть самостоятельное подражаніе *бурному*, необузданному движенію разныхъ элементовъ природы, какъ напр. сильнаго вѣтра, кипящей воды, огня и пр. Наше слово *буря*, чеш. buráceti о сильномъ вѣтрѣ, греч βράσσω изъ βράτ-jω (кор. bar), нѣм. bren-nen, brat-en о *огнѣ*, лат. fervĕre, греч. βρύ-ω о *волненіи воды* достаточно свидѣтельствуютъ о подобномъ значеніи. Скр. bhur имѣетъ болѣе отвлеченное понятіе *быстро двигаться, волноваться, бъситься*, ср лат. furere, ferus, (наше *бравый*, нѣм. brav значитъ собственно *дикій*), греч πορφύρ-ειν о душевныхъ волненіяхъ. Можетъ быть, и πορφυρέα θάλασσα не значитъ красное, а *взболомученное море* и красный цвѣтъ въ словѣ πορφυροῦς, въ нашемъ *бурый*, нѣм. braun получилъ названіе отъ сіянія пламени.

Послѣдніе корни этой группы—*vark*(g) и *vart*(d). Скр. vṛç-ati значитъ *разрывать*, греч. ῥήγνυμι вм. ϝρήγνυμι *ломать*, въ чеш vrzati имѣетъ этотъ корень значеніе *скрипѣть* (отъ кор. karp), между тѣмъ какъ наше *волочить* сходно по значенію съ греч. ἕλκω вм. ϝέλκω. Въ чеш. vláč-eti пока это слово значитъ бороздить землю, само же орудіе, которымъ чешскій земледѣлецъ бороздитъ землю, называется brán-y отъ кор. bar *рѣ-*

Curt. 295. 531. 303. Fick. II. 168, Grassm. 940, Grimm. 279. Буд. 215.

зать. Лат. ulc-us сходно съ греч. ἕλκος, съ чеш. vráska, *морщина*. *Плугъ*, разрывающій землю, называется по скр. vṛka по греч. ἐλάκα и, навѣрно, не случайно названо тѣмъже именемъ животное, терзающее людей и животныхъ Скр vṛka, зенд. vehrka отвѣчаетъ лит. vilk-as, наше *волкъ*, нѣм. Wulf, лат. lupus, греч. λύκ-ος вм. fλύκ-ος. Значеніе *крутить, давить* пріобрѣтаетъ этотъ корень въ нѣм. würgen, греч. βρόχος *петля*, лат. virga=плеть, лит. verszti, цсл. врѣсти *вязать* (ср. чеш povřislo веревка изъ соломы) Въ скр. varj корень varg значитъ *тьснить, притьснять*, густая (стѣсненная) толпа называется по лат. volgus, по нѣм. Volk. Значеніе нѣм ver-folgen *преслѣдовать* сохранилось въ нашемъ словѣ *врагъ*. Лат. creâre отъ кор. kar отвѣчаетъ зенд. verez, греч. ῥέζω вм. fρέζω, ἔργον, нѣм. wirken *дѣлать*. Но можетъ быть, эти слова образовались, какъ и наше *вершать, совершать*, отъ корня varg *поднимать* изъ *набрасывать*, какъ это видно изъ нашихъ словъ под-*верг*-ать, чеш. vrhati *бросать* и сущ. *верхъ, вершина*, скр. varsh-man, лат. verrûca и пр. Значеніе *покрывать* изъ *влечь* имѣемъ напр. въ нашемъ *облако* вм. обвлако, *облаченіе* вм. обвлаченіе и пр.—Совершенно параллельно съ значеніями корня *vark*(g) слѣдуютъ одно за другимъ значенія тождественнаго корня *vart*. Чешское vrtati=нашему сверлить, лат. forâre ясно показываютъ на первое значеніе корня. Наше *вертѣть*, лат. vert-ere приближаются къ значенію лат. torquêre; скр. vart, лат. versari болѣе подходятъ къ нашему *вращаться*, затѣмъ и *обитать*, скр. vartis домъ (ср. нѣм. warten *ждать*.) Наше *верста*=лат. vers-us, скр. vṛtta значитъ одинъ *поворотъ*, слой, отрѣзокъ времени или пространства (ср. *сверстникъ*.) Наше *воротъ* (шея) по значенію равно слову *вертелъ* или цсл. *вретено* и обозначаетъ подвижность шеи. Зна-

Curt 542. 136. 161. Fick. II. 234· Grassm. 1225. Grimm. 283. Pict. I 540. Буд. 195. 240.

ченіе слова *ворота* не нуждается въ объясненіи. Наше *вредить* по значенію равно выше упомянутому сскр. varg, другой же гл. *владѣть*, какъ и нѣм. walten (wild дикій), получилъ значеніе *пріобрѣтать силою*. Сскр. vardh имѣло еще конкретное значеніе *рѣзать*. Въ греч. ῥίζα вм. ϝρίζα, лат râdix, нѣм. Wurzel *корень* развилось изъ *подниматься* (сскр. vardh, изъ чего греч. ὀρθός *прямой*) значеніе *расти*, (Ср. нѣм. Wald лѣсъ=чеш. bor). Къ корню vark, vart добавимъ нѣсколько словъ, принадлежащихъ сродному корню *varp*. Чеш. *vrub* и *vroubiti* пока сохранило первое значеніе *рѣзать*, между тѣмъ какъ значеніе *бросать* имѣемъ въ греч. ῥίπτω, нѣм. werfen. Значеніе *рыть* сохранилось въ нѣм. названіи *крота* Maulwurf, значеніе *рѣз-ать* въ греч. ῥάβδος, лат. verber *розга* цсл. *врѣба*.

Логическій корень var не сохранилъ такъ подробно всѣ основныя понятія пракорня, какъ выше корни kart, bart, part, и пр. Лучше всего сохранилось значеніе *покрывать*, которое, какъ видно изъ нашего *волоч-ить* и по-*волока*, развилось изъ болѣе матеріальнаго значенія *набрасывать*. Сскр. var значитъ не только *покрывать*, но и защищать (окружать), ср греч. οὖρος, лат. verêri, греч. ὁρά-ω вм ϝοράω *защищать*, *смотрѣть*, *видѣть*, нѣм. wehren. Сскр. bala сила, лат. valêre наше *великій* развилось изъ понятія *защищать*; сскр. val, лат. volvere, греч. εἰλύ-ω, наше *валять* обозначаютъ *безпорядочное движеніе*, какое напр. происходитъ во время сраженія (ср чеш. válka=сраженіе). Чеш. vír *головокруженіе* отвѣчаетъ греч. ἶλ-ιγξ. У Гомера *быкамъ* придается эпитетъ ἕλ-ικες, т. е. съ загнутыми рогами: по всей вѣроятности, и *волъ* получилъ имя отъ формы роговъ своего арійскаго прапредка, между тѣмъ какъ другое домашнее животное *баранъ* въ сскр. urana, греч. ἀρν, ἀρνός получилъ названіе отъ своего покрова, который назывался по сскр. urna,

Curt. 353, 352. Fick. I. 770. Grassm. 1224, Grimm. 231. Буд. 130.

по греч. λῆνος вм. ϝλήνος, по лат. vellus., цсл. *влъна*. Тотъже корень въ придыхательной формѣ имѣемъ въ нашемъ *волосы*, греч. λάσιος косматый вм. ϝλάσιος, зенд. vareça *Небесная крыша* называлась по скр. varuna, по греч. οὐρανός. Слѣды развитія признака *черный* изъ *покрытый* замѣчаемъ въ нашемъ *ворона*, т. е. *черная* птица, лит. varnas *черный*, чеш. vraník черный конь и пр. По значенію очень близко къ корню var подходитъ кор vas *одѣвать*; поэтому можно допустить, что въ весьма древній періодъ языка это vas=var, ср. скр. vâsas, греч. εἷμα, ἐσθής, лат. vestis и пр.—Изъ var *набрасывать* произошло *поднимать* въ греч. ἀείρω и *коп-ить* въ скр. vâra куча, греч. ἅλις; чеш. val, какъ и наше *валъ*, значитъ *насыпь*. Греч. εἷλον отъ корня var въ значеніи *брать* сохранилось въ нашемъ *вор-овать*.

Корень var, какъ онъ проявился въ нашемъ *вар-ить*, имѣетъ происхожденіе въ прямомъ. подражаніи шуму кипящей воды. Связь, между *варить* и *волноваться*, т е. перетекать подобно кипящей водѣ ясна, но *волна* морская не имѣетъ ничего общаго съ *волною* покрывающей овцу. Ср лит. vîr-ti и нѣм warm *теплый*; скр. vâr значитъ вода и буквально передается нашимъ *валъ*. Скр. ulkâ, греч. ἀλέα значитъ *жаръ* и лат. Vulc-ânus=огненный богъ. Наше выраженіе *на душѣ накипѣло* отлично показываетъ на развитіе другихъ переносныхъ значеній изъ *волноваться* Каждое движеніе души могло быть названо волненіемъ ея или лучше волною; особенно отлично такое слово могло послужить выраженіемъ *страстнаго желанія*, поэтому мы едва ошибемся, если соединимъ скр. var, греч. βούλ-ομαι, лат. velle, нѣм. wollen прямо съ первымъ значеніемъ корня var (ср. наше *биться* отъ кор. bas, bar и *буря*). Наше *воля*=греч. βουλή, между тѣмъ какъ гл. *велѣть*

Curt 376. 549. Fick. II. 236. Grassm. 1220 Буд. 169. Pict. I. 445.

имѣетъ значеніе настоятельнаго желанія Можетъ быть, и наше *вьр-ить*, лат. vêrus, нѣм. warh принадлежитъ къ этому же корню.

Ближайшій корень къ предыдущимъ такой, который не имѣлъ бы перваго глухаго звука и состоялъ бы только изъ одного плавнаго и глухаго. Значеніе его звуковъ, конечно, не слишкомъ будетъ различаться отъ значенія послѣднихъ корней. Форма его будетъ rk, rt и пр , изъ которой могло произойдти rak, rat или даже ark, art и пр. Въ скр. яз. такой корень имѣемъ въ гл. *rik*, значеніе котораго одинаково съ нѣм. reissen *разрывать*. Въ нашемъ яз отлично передается его коренное понятіе гл. *рис-овать*, который значитъ *проводить острымъ орудіемъ линію по гладкой поверхности*. Такая линія—малая борозда—называлась по скр. reh-hâ и lek-hâ, по нѣм. Reihe, по чеш. rys (вм. ris) Скр. lekha значило и *письмо*, греч. ἐ-ρείχω *рьзать* землю плугомъ, лит. rėk-ti *рьзать*. Наше *рьз-ать* показываетъ на корень *rag* изъ rak (ср. *раз-ить*, разъ въ *два—раза*, *рознь*, и пр.) Лат rûg-a, какъ и лит. raukà, значитъ *морщина* (отъ кор. mart), значеніе *рыть* повторяется въ греч. ὀ-ρύσσω, лат. runcâre, хотя послѣднее слово ближе подходитъ къ скр. lunc *щуп-ать*, *лупить*. Значеніе *разрывать* также выражаетъ позднѣйшая форма корня—*lak* въ лат. lac-erâre, греч. λάκος тряпка, нашемъ раз-*лучить* (ср. чешское louch *щепка*). Понятіе *рыть* дало слова: греч. λάκκ-ος яма, лат. lac-us озеро, цел. *лъка* разрытое поле, старои. leisa борозда, лат. lîra, изъ чего dêlîr-âre выйдти изъ линіи, сойдти съ ума. Наше *луг*, чеш. louka значитъ собственно *углубленіе*. Изъ понятія *углублять* произошло *гнуть*, такъ что неудивительно, что загнутый *лукъ* получилъ названіе отъ тогоже корня (ср. лат. ob-liquus). Прилагательное *лук-авый* собственно значитъ *кривящійся*, уклончивый, хитрый Наше *локоть* (загнутая часть

Curt. 529. Fick. 1. 742. Grassm 1164 Буд. 221.

тѣла, ср нѣм. Armbug) имѣемъ въ лат. lacertus, греч. λέκαρνον. Греческимъ λικερτάω *прыгаю* объясняется лат. lacerta ящерица. *Глубокая* миска называлась по лат lanx, по греч. λακάνη, по цсл. *лакъть*. Понятіе *ломать, разрушать* также выражено въ сскр гл ruj изъ rug Основная гласная этого гл сохранилась въ греч. λαχαίνω рублю, лат. ligo топоръ Форма lag этого корня въ сскр. яз. значитъ *крѣпко соединять* ср. греч. λυγόω, лат. ligáre. Наше *лоза*, какъ и греч. λύγ-ος, сскр. laguda, лит. laza значитъ *отрубленная вѣтвь*. Сскр lag показываетъ, какъ изъ *крѣпко соединять* (рубленныя бревна) могло развиться не только понятіе соединять, но и *собирать* въ греч λέγ-ω, лат leg-ere. *Собирая слова* глазами, мы читаемъ (лат lego), соединяя ихъ мыслію и высказывая ихъ, мы говоримъ (греч λέγω).—Особенно важное значеніе получилъ этотъ корень въ переносномъ смыслѣ. Уже въ сскр. яз. ruj значитъ *боль*, roga болѣзнь, еще болѣе проявляется это переносное значеніе въ лат. lûg-êre *печалиться* и въ греч. λυγ-ρός *скорбный*, ἄ-λγος боль. Болѣть о комъ нибудь душею, печалиться значитъ по греч ἀ-λέγω, по лат. dî-ligo, такъ что лат. religio, по всей вѣроятности, значитъ забота о богахъ. Непочитающій, но знающій боговъ, безбожникъ называется у Гомера Διὸς οὐκ ἀλέγων.

Корень *rad* въ сскр. яз. значилъ *разрывать, рубить, грызть* (зубъ rada); онъ повторился въ лат. radere *разрывать* и rodere *грызть*. (Ср греч. ἄρδις острое стрѣлы) Лат. rallum вм. radlum. по значенію = чеш. rádlo *плугъ*; ср. rastrum *топоръ*, rostrum клювъ. Лат. laedere имѣетъ значеніе нашего *вредить*, но значило первоначально *ранить* (по сскр. sridh.)

Въ славянскихъ языкахъ отлично сохранился и развился корень *rup* нашего гл *руб-ить*, имѣвшій въ сскр яз. форму *rup*. Сскр. rup значило чувствовать въ тѣлѣ жестокую, рѣжущую боль

Curt, 183. 363. Fick. II. 217. 207. Grassm. 1142. Pict. II. 122.

и страннымъ образомъ чешская поговорка míti roupy очень близко подходитъ къ этому древнему значенiе кор rup. Лат rumpere значитъ *ломать*, нѣм. raufen и rupfen *драть*, rauben *грабить*= лат. spoliâri, т. е. снимать доспѣхи, собственно содрать кожу. *Дыра* называется по сскр гора, *утесъ* (острая скала) по лат rupes. Болѣе позднюю форму этого корня представляетъ собою наше *луп-ить*; ср. сскр. lup *ломать*, грабить, уничтожать и пр. Греч λέπω значитъ *лишать оболочки*, сама оболочка плода называется по чеш. slupka, по греч λεπίς. *Листва*, какъ оболочка дерева называется по нѣм Laub, одинъ *листъ* по чеш. lupen, по лит lap-as Гладкій, очищенный камень далъ лат. имя lapis *камень*, греч. λέπ-ας *скала*. Древесная кора называлась по лат. liber, *кожа*, оболочка по греч. λεβ-ηρίς, ср наше *лобъ* (покрышка головы.)—Чеш. lop-otiti, rob-iti имѣетъ значенiе нашего *раб-отать*, нѣм. arbeiten (ср. выше χείρω и creâre), откуда произошли названiя *раба*, ребенка и пр., хотя очень можетъ быть, что *ребенокъ* значитъ *слабый* (ср. сскр. arbha и alpaka *слабый*, малый, греч. λαπάσσω наше *ослабляю*). Сскр. rapas значитъ поврежденiе и повторилось на европейской почвѣ въ греч. λύπ-η печаль.

Логическiй корень ra отлично сохранился въ первоначальной формѣ въ нашемъ *рало*=плугъ или въ *ранить* (ср. гл. ломать, цсл. лемешъ *плугъ* отъ корня ram, происшедшаго изъ ru рѣзать), *рана* и пр. Въ переставновочной формѣ отвѣчаетъ нашему *рана* сскр. ar-us, нашему ра-ло, лат. aratrum, чеш. oradlo, къ которымъ имѣемъ гл. лат. arâre, чеш. ora-ti, цсл. орити (ср. наше *раз-орить*), греч. ἀρόω, гот. arjan. *Пашня* называлась по лат. arvum, по греч. ἄρουρα Замѣчательно, что въ сскр. яз. *весло* называется однимъ и тѣмъже именемъ, какъ въ лат. яз. плугъ, т. е. aritra. Это

Curt. 539, 341. Fick. II. 451. Grimm. 39. Pict II. 103.

доказываетъ, что оба дѣйствія—плаваніе и паханье—получили свое названіе отъ признака *разрывать*, бороздить—въ первомъ случаѣ воду весломъ, во второмъ землю плугомъ. Поэтому греч. ἐρέσσω, лит. ir-ti, англ. to row, нѣм. rudern значитъ тоже самое, что arâre и пр., т. е. *рыть*. Ср. названіе *весла* и *корабля* въ лат ra-tis, rêmus, въ греч. πεντηκόντ—ορος, ἐρετμός и пр. Значеніе *рѣзать* имѣемъ также въ сскр. lavi, греч. λαῖον серпъ. Но особенно богата въ этомъ отношеніи основа *ru*. Сскр. ru раздробляю имѣемъ въ нашемъ *рвать*, *рыть*, далѣе въ придыхательной формѣ *рушить* (осн. ruch) и *рѣшить*, въ лат. ru-ere *ломать*, *разрушать*, греч. ἔρυμαι-вырывать и пр. Позднѣйшая форма въ сскр lû значитъ рѣзать, косить, греч λύω уже имѣетъ значеніе *освободить*, выкупить происшедшее изъ *отрѣзать*, но первоначальное значеніе корня на греч почвѣ ясно видно изъ λαῖον, сскр. lavi *серпъ*, λαῖον пашня=arvum. Въ нашемъ словѣ *ловить* получилъ корень противуположное значеніе греч λύω, такъ какъ *ловить* собственно значитъ *захватить*, какъ добычу и, можетъ быть произошло это названіе отъ того, что первая добыча состояла въ *жнивѣ*, которая по греч. буквально называлась (добыча λῆϊς, λεία, по нѣм. Lohn мзда=лат. lûcrum заработокъ, барышъ). Впрочемъ *ловить* также могло значить *вязать* пойманнаго непріятеля или скотъ (по лат. ar-mentum) и получить противуположное значеніе первоначальному корню *раздробить узы* (лат. so-lvo). Греч. λήϊον поле передъ жатвою — дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и лат. rûs имѣетъ такоеже значеніе; замѣчательно, что и лит. laukas по значенію равно лат. rus, между тѣмъ какъ староир loh значило *кустъ*. Если присоединимъ еще къ этимъ словамъ лат. lûc-us *роща*, то намъ кажется несомнѣннымъ, что всѣ эти слова произошли отъ ru *рѣзать* и что

Curt. 442 368. Pict. II. 224. Grassm. 1170. Grimm. 43.

lûcus значитъ собственно тоже самое, что чешское paseka, т. е. вырубленный лѣсъ. Скр ro-man и loman *волосъ* повторилось въ нашемъ *ру-но* шерсть —Оканчивая эту главу, мы должны указать на корни *marg* и *gart*, о которыхъ мы говорили въ связи съ корнями gat и mat, хотя они по своему внутреннему содержанію относятся къ послѣднему разряду корней.

IX.

Громадное количество словъ образовалось посредствомъ сочетанія одного звука *r* съ гласною *a* Этотъ звукъ самъ собою можетъ быть названъ корнемъ, такъ какъ онъ въ качествѣ плавнаго и полугласнаго звука отлично можетъ выражать безпрерывное движеніе, то плавное теченіе, которое дало имя самому звуку. Скр. гласная *r*=ar отлично могла служить выраженіемъ медленнаго и шумнаго движенія и, безъ сомнѣнія, нельзя считать случаемъ, что это *ra, ri* дало въ первой своей формѣ уже въ скр. языкѣ корень для *понятія движенія*. Въ примѣрахъ, нами приведенныхъ, пока преобладалъ *шумъ надъ движеніемъ*, т. е. корень, подражающій шуму, развивалъ въ себѣ уже позже понятіе движенія, въ корнѣ же *ra, ar* преобладаетъ понятіе *движенія съ шумомъ*, а не шума съ движеніемъ; сверхъ того шумъ, который мы слышимъ въ корнѣ *ra*, не передаетъ глухаго удара, сообщившаго предыдущимъ корнямъ первое ихъ понятіе *ударять, рубить*. Конкретное начало его мы видимъ въ *шумномъ движеніи руки*, хотя, какъ мы далѣе убѣдимся, тѣмъ же самымъ корнемъ отлично рисуется полетъ птицы, разсѣкающей своими крыльями воздухъ при своемъ плавномъ движеніи. Прототипъ этого корня видимъ въ ra или съ придыханіемъ въ rach=ras и въ ихъ перестановкахъ ar, char, sar. Сомнѣніе можетъ возбуждать послѣдняя форма *sar*, такъ какъ она, какъ отличное звукоподражаніе шум-

ному теченію, достигаетъ этого именно соединеніемъ звуковъ *s* и *r* Такимъ образомъ греч ῥέω потеряло уже одинъ весьма важный подражательный элементъ и далеко остается за первоначальнымъ σρέω. Но такое заключеніе теряетъ свою силу, если подумаемъ, что ρεω произошло изъ ρcheω или chρέω (ῥεω) и что форма sar произошла изъ char, какъ наше *садъ* изъ *хадъ* (ходить, сидѣть) Чешскій гл. chrl-i ti о движеніи воды отлично сохранилъ первый видъ этого корня. Форма sar, слѣдовательно, первымъ своимъ звукомъ не подражательна, а простое фонологическое развитіе первоначальнаго *r* и имѣетъ своимъ основаніемъ не *s*, а звукъ *chr*.

Въ сскр. *ri* изъ ra, какъ видно изъ словъ rî-ti, re-ta, rауа *теченіе* выражалось *движеніе воды*, гл. ri = этимологически и по значенію нашему *литъ*. Движеніе воды изображаетъ и чеш. гл ř̆i-nouti — наш *ринуть*, *рѣять*; также оно сохранилось въ нашемъ названіи *рѣ-ка*, чеш. ř̆eka, лат. rîvus, отразившемся весьма живописно въ франц. rivière. Уже въ сскр. яз. этотъ корень ri въ скоромъ времени получилъ весьма разнообразное развитіе: *ri* значило не только раз-ливать, но и разлиться, т е. таять; rî-ti значитъ не только *теченіе*, но и бѣгъ, черта, линія, способъ (ср. лат ri-tus); младшая форма li имѣетъ значеніе *налиться*, *прильнуть*, затѣмъ *излиться*, истекать, таять. Не удивительно, что изъ *li прилиться*, *примкнуть*, *прильпиться* развилось понятіе, какъ разъ противоположное *движенію*, въ сскр. lay-a *покой*, (ср. близкія слова нѣм. Ru-he, наше *леж-ать*). Зенд. ri, irі значитъ *мазать* (изъ поливать), какъ и лат. lino, lêv-i и li-nîre, изъ чего li-tera, буква, т. е. намазанная воскомъ, lî-mus, и li-tus, *берегъ*, омываемый волнами. Лит. ly-ti и lêtus о движеніи дождя близко подходитъ къ нѣм. reg-nen и Regen. Лат. lê-tum *смерть*

Fick, I. 752. Curt. 366, Grassm. 280 и 1163.

придаетъ понятію *таять* новое значеніе *умирать*. Сскр li выражаетъ также движеніе дрожащее, ритмическое, отъ чего *вѣ-сы* называются по лат. libra.

По всей вѣроятности отъ корня ra, выражающаго движеніе, получили названіе въ сскр. ra-ta, старопр. petor - ritu-m *возъ* о четырехъ колесахъ (petor=quatuor) и *колесо* въ лат. rota, лит. ratas, нѣм. Rad.

Ближайшее распространеніе этого корня могло случиться въ rach, rak, ras; корень на этой степени=ra собственно не можетъ считаться распространеннымъ, такъ какъ ch и s произошли вслѣдствіе придыханія. Формы rach и rah далѣе могли послужить началомъ для новыхъ корней rag и rak и ихъ перестановокъ, такъ что все затрудненіе лингвиста состоитъ въ томъ, какъ различать, произошелъ ли тотъ или другой корень rak, rag и пр. вслѣдствіе подражанія въ періодъ уже позднѣйшій, когда выработались звуки k и g, или представляютъ эти формы древніе корни, распространившіеся механически посредствомъ придыханія. Въ первомъ случаѣ можемъ смѣло утверждать, что rak=kar rag=gar въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы выше говорили о этихъ корняхъ. Мы не видимъ никакой причины, почему отдѣлять сскр, корень ragh отъ ra и не объяснять его происхожденіе придыханіемъ. Сскр rangh, ramh значитъ *спѣшить*, *бѣжать* и отлично сохранилось въ греч ἐ-λαχ-ύς, въ лат. le(g)vis, нашемъ *легкій*. Сскр. lig, lanh, значитъ *прыгать*, перепрыгнуть, *переступить*, *обидѣть*, ср. греч. ἐ-λέγχω, нѣм. gelingen. Болѣе древняя форма этого гл сохранилась въ сскр. rej (греч. ἐλελίζω), чеш. *rejdti* плясать. Уже сскр. глаголъ *rêj* соединяетъ понятіе *владѣть* и *сіять*; очень можетъ быть, что второе произошло изъ перваго, хотя намъ кажется гораздо вѣроятнѣе, что понятіе *сіять*,

Curt. 192. Fick I. 195. Grassm 1129.

произошло прямо изъ *литъ*. Мы говоримъ, что свѣтъ *разливается* или что солнце *заливаетъ* все своимъ свѣтомъ и поэтому не удивительно, что и въ древнемъ языкѣ *лити=сіять*. Это еще лучше видно изъ корня *ruk*, живаго пока въ нашемъ *лучъ* и *луна*. Въ сскс. ruc значило свѣтить, *сіять*, *нравиться* и повторилось въ лат. luc-ēre и въ нѣм. leuchten *свѣтить*. Нашему *лучъ, лоскъ* отвѣчаетъ греч λύχ-νος, λευκ-ός ясный, *бѣлый*, лат. lux, lûna вм. luc-na, нѣм. Licht. *Звѣзды* называются свѣтилами въ старопрус. lauxno-s; *животное*, одаренное проницательнымъ взоромъ по греч. λύγξ, нѣм. Luchs, лит. luczis, у насъ *рысь*. Какъ видно изъ послѣдняго примѣра изъ ruk *сіять* развилось понятіе *видѣть*, *смотрѣть* въ сскр. lok, греч. λεύσσω вм. λεύκjω, англ. to look. Наше *свѣтъ* въ значеніи *міра* объясняетъ, какъ корень *ruk* могъ дать названіе *свѣтлому пространству* въ сскр. loka пространство, мѣсто, lokam пространство, *свѣтъ*, (въ лат. lauk-as поле, чеш. louka= нашему *лугъ*?) нѣм. Raum. Англ. the room буквально передаетъ наше слово *свѣтлица*, испортившееся въ чеш. sednice, какъ будто отъ корня chad, sad — О происхожденіи всѣхъ этихъ понятій отъ ru(ch) *бѣжать* между прочимъ отлично свидѣтельствуютъ наши слав. слова. Корню *ruk* отвѣчаетъ въ славян. *ruch*, форма гораздо древнѣе сскр-ой *ruk*. Истинное значеніе ея сохранилось въ чешскомъ сущ. ruch поспѣшность, быстрое движеніе и прил. rychlý, т. е. *быстрый*. Наше сл. *рвеніе* отъ кор. ru объясняетъ значеніе лат. rivâlis, нашего *ревностный*. Мѣсто, по которому легко бѣжать, названо нами *равнымъ*. *Ревностный* въ дурномъ смыслѣ дало форму *лютой* (ср. греч. λύσσα бѣшенство и названіе бури въ лит. lutis.)

Въ корнѣ *ras движеніе воды* дало названіе нашему сл. *роса*, лат. rôs, лит. rasà, сскр. rasa сокъ и *сила*. Различные

Curt. 160. Fick. II 225. Grassm. 1170. Grimm. 712. Буд. 196

водяные цвѣты получили оттуда свое имя, такъ напр *роза*, *розмаринъ*=rôs marinus и пр.

Сскр. arsh, arshati *мочить* есть переставочная форма этого ras и весьма вѣроятно, что и varsh есть одинъ и тотъ же корень, происшедшій вслѣдствіе придыханія изъ ars. *Роса* называется по греч. ἔρση вм. ϝέρση, несомнѣнно одно и тоже слово съ сскр. varsha *дождь*. Мужъ, какъ *родитель* (оплодотворяющій), имѣетъ въ зенд. яз. названіе arshan, по греч. ἄρρην, въ сскр. яз. тоже имя присвоено *быку* въ ṛsha-bha, между тѣмъ какъ отъ корня varsh получилъ названіе не только *быкъ* vrsha, но и *жеребецъ* vrshala и *баранъ* vrshni (ср. лат. verres.) Наше *влага* (Волга?) могло произойдти отъ корня v-arch, какъ и сскр. vâri вода, зенд. vâra дождь, греч. οὖρον и лат. urîna, лит. j-ures море. Лат. urgêre *тѣснить*=греч. ὀργάω *перетекать* объясняетъ значеніе сскр. varj, греч. εἴργ-νυμι, ὀργή стремленіе *гнѣвъ*, староир. ferc гнѣвъ и пр Сскр. vîra, лат. vir, лит. vyr-as, гот. vair-a *мужъ* при сравненіи съ сскр. arshan дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что и эти слова принадлежатъ къ корню v-arsh *течь* (ср. выше кор. var)

Корень rag развилъ изъ понятія *сіять* новое *красить* затѣмъ и *покрывать*. Сскр. глаг. raj собственно значитъ *краснѣть* (какъ огонь), затѣмъ быть въ восторгѣ. Греч. ῥογεύς, сскр. rajaka значитъ *красильщикъ*, ῥῆγος коверъ. *Ночь*, покрывающая все своимъ покровомъ, называется по сскр rajanî, между тѣмъ какъ *сіяющее серебро* имѣетъ въ греч. названіе ἄργυρος, въ лат. argentum, сскр. rajata, зенд. erezata. *Мгла*, темнота, пыль, мѣшающая зрѣнію, называется по сскр. rajas, по греч. ἔρεβος—а значеніе *ясный день* сохранилось въ зенд. arezaŋh, *видѣть*, въ лит. reg-eti, дѣлать *очевиднымъ*, въ лат. arguo, бѣ-

Curt. 345. 72. Fick. II. 24. Grassm. 1345. Pict. I 414 Grimm. 24.

лый въ греч ἀργής. Всѣмъ этимъ словамъ послужило за основаніе значеніе сскр. arj *жарить* изъ *горѣть*.

Также корень *rap* первоначально выражалъ медленное, движеніе воды, какъ видно изъ переноснаго значенія зенд. rap, лат. repere, лит. reploti *ползать*. (Ср. кор sarp) Слѣды его первобытнаго значенія (движеніе воды) замѣчаемъ въ греч. λείβω лью, λίμνη озеро, lîbâre лить, lûbricus скользкій и пр., въ греч. λάμπη *пьна*, лат. lympha чистая вода. Въ лит. lëpsna *пламя*, въ греч. λάμπω *свѣчу*, λαμπάς факелъ, въ лат. прилагат. limpidus осуществился переходъ отъ *лить* къ *сіять*. Сскр. гл. lip, греч. ἀλείφω значитъ *мазать*, *грязнить*, сущ. lepa, греч. ἀλοιφή, наше *льпъ=медъ*. Лат. lippus равно и по формѣ, и по значенію нашему *с-лѣпый*. Греч. λιπαρός, лат. lep-idus, наше *лѣпый* значило собственно *выкрашенный*, затѣмъ сіяющій, красивый (= смазливый.) Нѣм. b-leiben изъ *гот.* bi-leiban *оставаться* изъ *прилип-нуть* показываетъ, какъ произошло въ многихъ языкахъ значеніе *оставаться* изъ *течь*. Корень liq, по всей вѣроятности, также формально одинъ и тотъ же съ корнемъ lip, lap. Зенд. lic значитъ омывать, лат. liquêre течь, liquidus жидкій. Наше *лѣчить* значитъ собственно *мазать*, лѣкарство=мазь, *лѣкарь* въ старочешскомъ яз. назывался mastičkář. Съ незначительной перемѣной согласной (g вм. k) имѣемъ этотъ корень въ нашемъ *слизь*, *слеза* (=капля воды.) Наше *лице*, *ликъ* значитъ *слитое*, сдѣланное, и очень можетъ быть, что отъ одного и тогоже корня происходитъ и нѣм. Leib *тѣло*. Въ лат. linquere и греч. λείπω уже вполнѣ осуществился переходъ отъ *лить* къ *оставаться* (ср сскр. ric вылить, опорожнить, передать, продать); въ лат. licêre и licitâri изъ *оставлять* имѣемъ *продать* ср. чеш. láce дешевизна), въ нѣм. leihen дать въ займы (lassen оставлять.). Къ понятію *движенія* опять относится лат. lâbor

Curt 265. Fick. II. 223. Grassm. 1164 Буд. 206. Grimm. 701.

скользить; сскр. rambh значитъ *висѣть*, скользить, падать и, по всей вѣроятности, повторилось въ лит. lapas, нѣм. Laub, цсл. *лепень*(?), по чеш. lupen, образовавшемся какъ наше *листъ*, нѣм. Blatt, греч. πέταλον отъ корня, выражающаго движеніе (ср. выше)

Сскр. глаголъ rudh значитъ *течь* (ср. наше рус-ло, ры-д-ать и пр.) и такъ какъ эта форма корня преимущественно обозначала *теченіе крови*, то *неудивительно*, что уже въ сскр. яз. *красный* называется rudhira, съ чѣмъ можно сравнить греч. ἐρυθρός, лат. ruber, нѣм. roth, но рус. *румяный*. Красный металлъ, *мѣдь*, называется по рус. *руда*, по нѣм. Erz. Наше *русый* (по лат rûfus) показываетъ на форму корня ruh, *рыжій* на—rug. *Ржавчина* называется по лат. rubigo, по нѣм. Rost. Конечно, эти всѣ слова могли получить свое названіе отъ цвѣта пламени (сіять изъ течь), такъ какъ уже сскр. гл. rud значитъ *сіять* и названіе Rudra присвоено одному изъ ведійскихъ боговъ въ значеніи *блестящій, сіяющій*. Особенно важное значеніе получилъ этотъ корень въ формѣ ruh изъ rudh вслѣдствіе развитія слѣдующаго ряда понятій: *течь, подниматься, всходить, расти* (ср. ниже корень ardh=radh). Въ нашемъ языкѣ произошли изъ rudh два глагола *рос-ти* и *род-ить*; можетъ быть, что и *радѣть* собственно значитъ *воспитывать*. Значеніе *ходить* имѣемъ въ греч ἤ.λυθ-ον, въ нашемъ *льзть*, *ледъ* (скользкій), *течь* въ нашемъ *ручей*. Лат. râmus *вѣтвь*=греч. ἔρνος, нашему *лоза*(?) значитъ собственно *растеніе*, а другое наше слово тогоже корня *на-родъ* равно и этимологически, и по значенію, нѣм. Leute, лат. laud-is, нашему *людъ*. Сскр roha возвышенность дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и наше *рогъ*=выросшее.

Перестановка корня *ra*=ar повторяетъ почти во всѣхъ подробностяхъ значеніи корня ra, разрознившагося въ греч. яз. на три

Curt. 252 Fick. I, 745. Grassm. 1176 Grimm 6,

основы ἀρ, ἐρ, ὀρ. Секр. *ar* значитъ *приводить въ движеніе*, при чемъ говорится такъ не только о движеніи корабля по водѣ, но и о движеніи *вѣтра, пыли, огня*. Сущ. arṇas обозначаетъ бушующее, шумно текущее море или также бурное движеніе воздуха. Движеніе птицы по воздуху особенно хорошо выразилось въ нашемъ словѣ *орелъ*, нѣм. Aar, греч ὄρ-νις, между тѣмъ какъ рѣка Ar-no живо свидѣтельствуетъ о томъ ощущеніи, которое дало ей названіе. Движенію воды или птицы по воздуху скоро передало свое имя движенію по землѣ въ греч. ἔρ-χομαι *ходить*, лат errâre, нѣм. irren *блуждать*. Греч. ὄρ-νυμαι, какъ и лат. orîrı, значитъ *стремиться*. Ὄρ-νυμαι собственно обозначало движеніе вверхъ и дало названіе не только поднимающейся птицѣ, или дереву въ лат. ar-bor, нѣм Erle, Ulme, нашемъ *ель*, ольха, но и высокой горѣ въ греч ὄρ-ος, или поднимающейся пыли въ κονιορτός. *Поднимать* называется по греч αἴρω; лат. altus есть причастіе отъ корня ar, al, который далъ и названіе высокому *жертвеннику* въ ara и altare. Скр. гл. ar выражаетъ частое движеніе людей, боговъ, вѣтра, дыма, и въ переносномъ смыслѣ *движеніе души*—гнѣвъ. Прилаг. arі греч ἐρι- значитъ *стремительный* и получило далѣе значеніе не только *набожный* (стремящійся къ богу), но и скупой (стремящійся къ богатству) или наконецъ *врагъ*, т. е нападающій. Другое прилагательное Aryá имѣемъ значеніе *набожный, добрый, вѣрный, преданный*. и, безъ сомнѣнія, этимъ именемъ назвали себя наши арійскіе прапредки въ противоположность невѣрующимъ враждебнымъ чужестранцамъ. Aryá значило у нашихъ прапредковъ тоже самое, что у нашего народа названіе-*православный* —Это Arya перешло на Европейскую почву въ формѣ ἄλλος, но лат. alius съ собственнымъ значеніемъ *другой*, затѣмъ и *другъ* —Отъ придыхательнаго корня

Curt. 346. Fick. II. 21. Grassm. 115. Pict. I. 572. Вуд. 174.

arv образовалось сскр. arvat съ значеніемъ *быстрый, конь, возъ* (ср. лат rota, нѣм. Rad колесо). Греч. ἐλαύνω значитъ *гнать*, приводить въ движеніе, нѣм. eilen спѣшить; навѣрно, и наше *лань, олень*, лит. el-nis, греч. ἐλλός, ἔλαφος=быстро бѣгущее животное.

Греч. ἄρνυμαι, сскр. ar *достигаю* объясняютъ значеніе греч. ἀραρίσκω *гожусь*, прилаживаю, прикрѣпляю, нашего *лад-ить*; ἀρείων, ἄριστος тогда будетъ *ладный*, ars искусство, т. е. умѣніе устроить что нибудь, ἀριθμός число=*ладъ*. Корень ar, особенно распространенный, отлично выражалъ сильное неудержимое движеніе воды или огня. Сскр ârû значитъ *огненный*, arc *горѣть, сіять*, arka *лучъ, солнце*, arj жарить, rajata *свѣтлый, серебро*. Всѣ эти слова повторяются на европейской почвѣ въ греч. ἄργυρος серебро, ἐναργής свѣтлый, лат. arguo объясняю, argentum серебро, греч. ἠλέκτωρ *солнце*, лат. adolêre сжигать жертву и пр. Лит. reg-eti имѣетъ значеніе *видѣть*. Ср. лат. albus *бѣлый*, греч. ἀλφός, сскр. rabhasa. Наше *лебедь*, какъ и староир. albiz, значитъ *бѣлая птица*. Быстрое движеніе воды выражаетъ сскр. гл. ard, греч. ἄρδω *орошать*, названія рѣкъ Ar-no, Alba, Лаба (ср. лат. labor теку.) Греч. ὀρχέομαι значитъ *плясать*, между тѣмъ какъ сскр. гл. rghâyati имѣетъ переносное значеніе *волноваться*, как и наше *рад-оваться*, нѣм. erregen. Выше приведенному цс. *родить* отвѣчаетъ сскр. ardh приводить что нибудь въ зрѣлость, изъ чего развилось понятіе *высокій* (*взрослый*) въ лат. arduus, зенд. eredhva. Тоже самое значеніе имѣетъ греч. гл. ἀλδαίνω и ἀλθαίνω (также лѣчу), лат. alere *кормить*. Греч. ἄλσος и Ἄλτις буквально и по значенію отвѣчаетъ нашему *роща*(?), отъ котораго едва-ли можно отдѣлить и другое названіе *лѣсъ*. Можетъ быть, и наше *лѣто* значитъ время роста, созрѣванія плодовъ и тогда

Curt. 551. 360. Fick. II. 21. Grassm. 98. Pict. I. 550. Буд. 185

оно весьма близко подходитъ къ нѣм. alt *созрѣлый, старый.*

Сскр. глаголъ sar значитъ и *ходить* и *течь*. Безъ сомнѣнія, сочетаніе sar прекрасно выражаетъ шумное теченіе воды и болѣе живописнаго корня для подобнаго движенія не могло быть создано. Вообще звукъ *s* необыкновенно ясно передаетъ нашему уху подобное движеніе, но тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что первая форма глагола sar была char съ значеніемъ идти и что только съ образованіемъ формы sar этотъ глаголъ сталъ преимущественно выражать движеніе воды. Сскр. sar повторяется въ греч ὁρμή поспѣшность, ἅλ-λομαι *прыгаю*, въ лат. sal-io прыгаю, sal-târe *плясать*. *Вода* называется по сскр. salila (ср. названіе рѣки Saal), между тѣмъ какъ болѣе древнее sara значитъ *сокъ*, сметана, масло, ср. лат. sêrum, греч. ὀρός, наше *сыръ*. Сскр. sara повторилось въ греч. ἅλς, лат. sal и дало названіе въ этихъ языкахъ *морю*, затѣмъ и *соли* отъ вкуса морской воды. *Островъ*, омываемый такой водой, называется по лат in-sula, по лит. salà. Тотъ же корень, распространенный посредствомъ звука p, имѣемъ въ сскр. sarp *ползу*, sarpa *змѣя* греч. ἕρπω, лат. serp-ere, цсл. *слѣп-ати* прыгать. Нѣм. salben, Salbe значитъ *мазать*, *мазь* (о движеніи воды.). Нѣм Strom *теченіе*, Sturm *буря* связаны общимъ признакомъ быстраго движенія. Новая форма этого корня встрѣчается въ сскр. sru *течь*, греч. ῥέω вм. σρέω. *Рѣка* называется по староир. sruth, теченіе по греч. ῥόος, по нѣм. Strom, но сскр. srava. Наше *островъ*= лат. in-sula. Форма sal, распространенная посредствомъ придыханія въ sval, дала въ греч. σάλος, лат. salum названіе бурному движенію волнъ, вм σfαλος, какъ видно изъ греч. κονί-σσαλος *столбъ* пыли, нѣм. schwellen. Чеш. слово sval-мышица значитъ отекшая, толстая выпуклость. Наше *слякоть*, *слизистый*

Curt. 352 Fick. I. 796. Grassm. 1572. Grimm 210. Буд. 56 Pict. I. 144. 631.

отъ корня sard, chard *слѣдовать* можемъ сравнить съ нѣм. schleichen *ползать*=schlingen, англ. to slide *скользить* и пр. *Змѣя* называется по нѣм. Schlange (=чеш. plaz отъ корня parch ползать), *сани* Schlitten (*Слеза*?). Кажется, что и наше *хвор-ать* принадлежитъ къ корню sar и значитъ тоже самое, что лат. tabescere *таять*, (*слабый*.) По всей вѣроятности, и самостоятельный корень var, о которомъ мы выше говорили, произошелъ изъ ar вслѣдствіе придыханія (v+ar).

Въ своемъ мѣстѣ мы не говорили о корняхъ, начинающихся, звукомъ *n*, хотя о нихъ, какъ о подражательныхъ глухому шуму, слѣдовало говорить въ связи съ этими корнями. Мы руководились при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что не считаемъ корней съ *n* первобытными, а происходящими отъ болѣе древнихъ, начинающихся съ *m*. Намъ кажется, что звукъ *m* по своей древности уступаетъ только губному *p* и гортаннымъ звукамъ, такъ какъ представляетъ естественный звукъ, который мы должны слышать при самомъ простомъ закрытіи рта, между тѣмъ какъ звукъ *n* требуетъ извѣстной искусственности въ произношеніи. Несомнѣнно, что звукъ *n* весьма часто происходилъ изъ *m*, и по этому по неволѣ мы должны относиться къ нему болѣе критически, чѣмъ къ звуку *m*. Нѣсколько примѣровъ лучше объяснятъ нашу мысль. Сскр. ma, греч. μή—*не* едвали можно отдѣлять отъ сскр. na греч. νή—, лат. *ne*, нашего не, гот. *ni*; тоже самое можемъ утверждать объ усилительной частицѣ μά, лат. me, которую встрѣчаемъ также въ формѣ νή, ναί, лат. nê; третье *na* въ сскр. nas=*насъ*, лат. nos, греч. νώ безъ сомнѣнія, есть ни что иное, какъ наше *мы*, греч. ἡ-μεῖς отъ корня ma—*я*. Сскр nâman, лат. nômen, какъ выше показано, стоитъ вм. mâ-man отъ корня gam, лат. nûx орѣхъ вм. mux, какъ видно изъ греч. μύκηρος, nûtrire

вм. mut-rire отъ корня mat *питать* и пр. Стремленіе звука *т* къ переходу въ *п* явленіе весьма обыкновенное на концѣ корней и даетъ уже намъ право, не принимая въ расчетъ приведенныхъ примѣровъ, заключать о подобномъ явленіи и въ началѣ словъ, хотя тамъ, конечно, звукъ *т* гораздо рѣже поддавался вліянію фонологической перемѣны. Корень *ти* выражаетъ движеніе воды въ нашемъ *мыть*; очень можетъ быть, что это mu, ma есть *пракорень* сскр. snâ мыть, купаться или snu *течь*, греч. νάω, νέω, при чемъ нашему *махать* отвѣчало бы греч. νήχω плаваю, нашему *нырять* греч. να-ρός *текущій*. Корень mar далъ названіе *морю*; слѣды того же mar, по всей вѣроятности, имѣемъ въ нашемъ *нор-ить*, греч Νηρεύς *морской старикъ*, лит. ner-ti погружать; *но-ра* собственно значило *морская пропасть*, гдѣ, по преданію грековъ, жили души умершихъ ἔ-νεροι *Плавающій корабль* называется по сскр. nau, по греч. ναῦς, по лат. navis, по нѣм. Nachen. Греч. νότος=дождливый вѣтеръ. *Мыть* называется также по греч. νίζω, по сскр. nis, при чемъ опять сравниваемъ греч. ὀ-μιχ-έω, лат. mingere, сскр. mih, наше *мочить*, откуда получилъ названіе мокрый *снъıгъ* въ лат. nix, въ нѣм. Schnee, въ греч. νίφει, лат. ningit, зенд. çnizh *идетъ снѣгъ*. Наше *нагій*, нѣм. nackt, сскр. nagna собственно значитъ *вымытый, чистый*. Корень mih далъ названіе *мгла*, т. е. густому облаку, корень nabh (=nih mih) уже въ сскр. nabhas имѣетъ тоже самое значеніе—мгла, облако, воздухъ, небо, ср. греч. νέφος, νεφέλη, лат. nebula, нѣм. Nebel *мгла*, корнв. nef, анс. nifl, наше *небо*. Всѣ эти слова произошли отъ корня ambh, выражающаго обильное теченіе воды. Лат. nûbere, греч. осн. νεφ значила *покрывать*, затѣмъ и *выходить за мужъ*, ср. греч. νύμφη, невѣста, чеш. snoubiti. *Ночь* застилаетъ, какъ и снѣгъ,

Curt. 294. 317. Fick. I. 648. Grassm. 708. Grimm. 713. Pict. I. 110. Буд. 21.

своимъ покровомъ всю природу и поэтому тотъ же корень могъ дать отличное названіе ночи въ сскр. nakti, греч. νύξ, лат. nox, нѣм. Nacht (ср. лат nig-er черный). Въ нѣм. schnell быстрый, нашемъ *сновать* выработалось понятіе быстраго движенія изъ значенія *течь*, тоже самое мы замѣтили выше при корнѣ mu, miv. Греч νέομαι и νίσσομαι значитъ *приходить*, возвращаться; сскр. nas-*сходиться*, собираться, жить вмѣстѣ – объясняетъ значеніе греч. ναίω обитать, νεώς храмъ, обитель (ср. сскр. nîla, лат. nîdus, нѣм. Nest, наше гнѣздо=*жилище* птицъ). — Корню mad, выражающему бурному теченію воды, отвѣчаетъ сскр. ned *перетекать* nada *рѣка*, нѣм. nasz *мокрый* (ср. лат. madidus).

Для понятія *дѣлить* мы имѣли выше корень man, mar; подобное же значеніе имѣетъ кор. nam, который могъ пронзойти вслѣдствіе удвоенія корня ma. Греч. νέμω, *дѣлить*, лат. nemus роща, num-erus число, зенд. nema пастбище (=участокъ, греч. τέμενος), νομεύς *пастухъ* сохраняютъ слѣды этого корня, который въ нѣм nehmen получилъ значеніе *брать*, т. е. получать извѣстную часть (ср. сскр. upa-nam). Наше *из-нур-ять* стоитъ близко къ корню mar въ лат. mori *умирать*. Наше быть *нѣжный* собственно значитъ таять отъ наплыва чувствъ (ср. греч μαχ-λός, наше *мягкій*); таять отъ болѣзни, *чахнуть* называется по сскр. naç, съ чѣмъ можемъ сравнить лат nocêre и necâre убивать, греч. νέκ-υς, зенд. naçu мертвое тѣло Изъ сскр. значенія вытекаетъ новое значеніе корня naç *достигать*, проникать въ греч. ἐνεγκεῖν, лат. nanciscor, въ нашемъ *нести*; нѣкоторое затрудненіе повидимому представляетъ собою корень nagh *пихать*, *чесать*, откуда и наше *пронзить*, сскр. nikṣh, греч. νύσσω бодать, сверлить, нѣм nagen грызть Съ нимъ можно сравнить въ разрядѣ корней съ *т* греч. μάσσω, наше мучить. Наше *нога*=ноготь, греч. ὄνυξ, лат. ungula,

Curt. 313· Fick. I. 645. Grassm. 709 Grimm. 235.

нѣм. Nagel *гвоздь*. Этотъ корень, по всей вѣроятности, произошелъ изъ удвоенія корня gham (ghamgham-ghnagh *грызть*.) Кусающее насѣкомое получило отъ этого корня названіе *гнида*

Корень mad значитъ *пьсть* изъ *наслаждаться, изобиловать*, съ нимъ можемъ сравнить корень nud въ нѣм Nutzen, geniessen-наслаждаться, ѣсть, лит nauda *польза*. Съ нашимъ *миг-ать* можно сопоставить лат. nicere и conîvêre (осн. *nivignig*) *смыкать глаза*; цсл. *по-ницати*, наше *поникнуть*, греч. νεύω, лат. nuere (ср корень mu) близко подходитъ къ нашему *ныть*, т. е. упасть духомъ и къ цсл. *навь*, гот. nau-s *мертвый* (поникшій головою). Ср. слова *ницій, ницъ*, и пр ; наше *нужда* нѣм. Noth=унынie.

Подобное же положеніе, какъ разрядъ корней, начинающихся съ n, занимаютъ корни на j (сскр y) Большинство ихъ имѣло въ началѣ d, изъ котораго вслѣдствіе присоединенія j развилось изъ dj или чистое j, или греч ζ. Сскр. гл. yam почти несомнѣнно произошелъ изъ *dam*, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ всѣ его значенія. Сскр. yam=лат. domâre, нашему по-йматъ. Сскр. yama *узы* имѣемъ въ греч *ἡνία возжи* и *ζημία наказаніе*. Слову *домъ* отъ корня dam отвѣчаетъ цсл. *поята*, лет jum-tas *крыша* (=связанныя бревна). Отъ корня *yat* вм. *dat* произошелъ логическій корень *yu*, который имѣетъ въ сскр. яз. главное значеніе привязывать, *запрягать*. Оттуда получило названіе *право* въ лат. jûs (=обязанность), *присяга* въ гл. jurâre и пр. Къ намъ перешелъ этотъ корень въ формѣ yug въ нашемъ *иго*, съ чѣмъ можно сравнить нѣм. Joch, лат. jugum, греч. ζυγόν и глаголы сскр. yug, греч. ζεύγ-νυμι, лат. conjungere. Греч. δάμαρ *супруга* отвѣчаетъ лат. conjux. Тотъ же корень yu имѣетъ значеніе *защищать*, удалять (ср значеніе корня dam

Curt. 182. Fick. II. 201. Grassm. 1090.

побѣждать); лат. juvâre значитъ помогать Весьма вѣроятно, что сскр, yuvaut, наше *юноша*, нѣм. Jüngling, лат. juvenis собственно значитъ человѣкъ способный къ самозащитѣ, т. е. *взрослый*.—Корень *ya* распространился въ yat въ сскр. гл. yat, равный по значенію yam и въ зенд. глаголѣ yah, который перешелъ на европейскую почву въ греч ζώννυμι и въ нашемъ *опоясываться*. Наше *опасаться* вм. опоясаться равняется по значенію второму сскр yu съ значеніемъ *защищаться*.

X.

Корни, которые мы перечисляли на предыдущихъ страницахъ, произошли вслѣдствіе подражанія шумамъ природы, посредствомъ тѣхъ звуковъ, которые успѣлъ человѣкъ выработать въ первый періодъ своей исторической жизни. Это подражаніе дало первый толчекъ, начало сознательной мысли человѣка и далѣе онъ развивалъ свои понятія путемъ уже чисто идеологическимъ. Съ этимъ взглядомъ, конечно, будетъ несогласна всякая теорія, которая видитъ въ первомъ человѣкѣ какого то подражателя всѣхъ возможныхъ шумовъ и криковъ. Шумъ былъ только точкой опоры для сознательной мысли человѣка и поэтому онъ не могъ называть большинство предметовъ и дѣйствій по крикамъ и шумамъ, ихъ сопроваждающимъ. Много животныхъ, отличающихся рѣзко своимъ особымъ крикомъ, получило названіе отъ признаковъ, совсѣмъ другихъ и только сравнительно малая часть словъ образовалась вслѣдствіе подражанія крикамъ животныхъ Постараемся перечислить главные корни такого происхожденія.

Громкій и въ тоже самое время проницательный крикъ могло отлично выражать сочетаніе нѣмаго звука съ плавнымъ. Этимъ условіямъ удовлетворяютъ сочетанія въ родѣ kar, tar, var и пр. Kar имѣемъ въ скр. kar, греч. *καλέω*, нѣм. hallen, нашемъ *кри-чать*.—Особенно сильно выраженъ корень въ нашемъ *коло-*

колъ, сскр. karkari. Сюда относится и наше *слово* изъ kal, çal. Замѣчательно, что этотъ корень далъ названіе не только *голосу*, но и *слуху*. Никто не станетъ серьозно оспаривать, что сскр. çru, греч. κλύω, лат. clu-ere одинъ и тотъ же корень съ καλέω. Въ нашемъ *слышать* и *слушать* распространился корень посредствомъ придыханія въ *слух*—, ср. зенд. çrush, лит. klaysyti. *Слава* называется по сскр. çravas, по греч. κλέος, по лат. glôria вм. clovosia. Староирское clú значитъ *шумъ*, clúas *ухо*, cluw *слухъ*. Наше сл. *глухой*, чеш. hluchý, по всей вѣроятности, находятся въ близкой связи съ этимъ корнемъ, какъ и нѣм. hören, Gehör *слухъ*.—Усиленный, громкій крикъ птицъ особенно хорошо выражалъ кор. *kark*. *Пѣтухъ* назывался по сскр. krka-vâku, т. е. говорящій krka, съ чѣмъ можемъ сравнить греч κέρκος и κρέξ, наше *кур-а*, лит. kùrka. Наше *человѣкъ* по своей формѣ замѣчательно сходно съ krka-vâku и можетъ быть передано въ болѣе древнемъ видѣ сочетаніемъ kar-vâku, т е. говорящій членораздѣльно. Зенд. kahrka-tâç (=дѣлающій kahrka, *пѣтухъ*) отвѣчаетъ наше *чаро-дѣй* (чары *рѣчи*? ср. выше). Сскр. kark значило *шумѣть* и *смѣяться*, греч. κράζω, κλάζω кричать, нѣм. krähen=цсл. *кракати*. Сскр. kroçana-*кричащій* отъ гл. kruç (по греч κραυγή)=по значенію чеш. krocan, лит. kùrka. Лат. crepâre=нашему *хлоп*-ать, сскр. krap значило жаловаться, греч. κραιπάλη, лат. crapula *мяуканье*. Ближайшій корень къ kar – gar въ сскр. jar имѣетъ тоже самое значеніе, при чемъ весьма приближается къ нашему *славить* - и принимаетъ значеніе *прославлять*, *умолять* боговъ. Ср. лат. gratia благодарность, лит. gir-ti хвалить, наше *жертвовать* и малор. жартовать (шутить). Человѣческій *голосъ* называется по греч γῆρ-υς, по цсл. *глаголъ*. Наше *жаловаться* имѣемъ въ сскр. garh, въ нѣм. klagen, *про-*

Curt. 584. 177. Fick. II 68. Grassm. 355 Grimm. 247. 281. Буд. 178. Pict. I. 491.

зить въ сскр. garj, въ греч. Γοργώ-грозное чудовище. Лат. gingrîre подражаетъ крику гусей, сскр. ghar смѣху и треску, нѣм gellen звонкому шуму, (ср. названія *ласточки* въ греч χελ-ιδών, лат hir-undo). Къ этому корню нужно непремѣнно причислить и наше *хвал-ить* (*хулить*)=сскр. svar *шумѣть*, хвалить. Наше *ссора*=чеш. svár и значитъ *брань*, между тѣмъ какъ сскр svara, *звукъ* занимаетъ среднее мѣсто между значеніями по-*хвала* и *ссора*. Ср наше *свирѣль*, греч σύρριγξ и лат. susurrus *шепотъ* и названія животнаго греч ὗραξ, лат. sorex. Корень tar имѣемъ въ нашемъ *тараторить*, греч. τετορεῖν, лит. tar-ti, сскр târa *звонкій*. Лат. tetrinîre, греч τετράζω выражаетъ крикъ утокъ, ср наше *тетеревъ*, греч τέταρος, сскр tittiri. Сскр. гл. dhran, греч. θρῆνος выражаетъ звукъ протяжный, жалобный, θρόος шумъ вообще, и въ словѣ τεν-θρήνη, нѣм. Drohne *жужжаніе пчелы*. На подражаніе непонятному говору людей посредствомъ корней bar и bargh мы указали выше; слова. тамъ приведенныя, можемъ дополнить, нашими *болтать*, *брехать*, *бормотать*, *бурчать*, лат. fremere, греч. βρέμω и пр. Корень var далъ названіе *слову* въ лат. verbum, нѣм. Wort, лит Vardas; также греч ἐρέω *говорить*, ῥήτωρ *ораторъ* имѣютъ корень var (ср наше *врать*). Отъ корня mar имѣемъ чешское mluviti=*говорить*, наше *молва*. Нѣм. sprechen происходитъ отъ корня sparg, отъ котораго произошло и сскр sphûrj *гремѣть*, греч. σφαραγέω, чеш. praskati (ср выше). Какъ наше *воробей* отъ корня var, такъ и въ нѣм. яз эта птица получила имя отъ к. sparg—Sperling, староир. spurglis (ср. греч σπέργουλος-малая птичка). Отъ корня par имѣемъ въ чеш. яз. prav-iti *говорить*, prý=лат. dicitur, наше *с-порить*

Сильное рычаніе отлично передавалъ корень ra, ru или въ своей позднѣйшей формѣ la, lu. Сскр râ равно, какъ по формѣ,

Curt. 257 Fick. I. 842. Grassm. 1612. Grimm. 37. Pict. I. 606

такъ и по значенію, нашему *лаять*, лат. la-trâre. Но га имѣло собственно значеніе *кричать*, какъ видно изъ греч λαλέω болтать, λῆρος болтовня, лат. lamentum жалоба. Птица, называющаяся по сскр. râla, получила въ греч. яз. названіе λάρος, въ чеш. racek. *Горло* отъ своего дѣйствія имѣетъ въ греч названіе λάρυγξ, въ цсл. *лагола*. Корень ru имѣемъ въ сскр. гл. ru, греч. ὠ-ρύω нашемъ *ревѣть* (ср. лат. râvis охриплость). Сила корня значительно поднимается въ сскр. arc вм. rac, въ греч ὀ-ρεχ-θέω, лат. rictâre, въ цсл. *ракати*, въ нашемъ *рычать*. Замѣчательно, что рычаніе звѣря (*левъ*) дало названіе въ лат. яз. *лягушкѣ* въ словѣ râna (ср. извѣстное βρεκεκεκέξ). Громкій говоръ выражался въ греч. гл. λάσκω вм. λάκ-σνω, въ лат. яз. loq-uor, въ нашемъ словѣ *рѣчь* отъ корня rak, *мик-овать*. Наше *рычать* повторилось въ лат rug-îre, греч. аор. ἤ-ρυγ-ον *рыдать* въ лат. rudere, сскр. rud. *Медвѣдь*, какъ звѣрь рычащій, называется по сскр. ṛksha, по греч. ἄρκτος, по лат. ursus.

Слѣдуютъ глухіе звуки, подражающіе глухимъ крикамъ. Первое мѣсто между ними должны занимать тѣ, которые соединены съ звукомъ *n*, такъ какъ подобныя сочетанія занимаютъ среднее мѣсто между предыдущими корнями и сочетаніями совсѣмъ глухими. Такой корень, напримѣръ, встрѣчается въ сскр. гл. kvan, греч. κανάζω *шумѣть*, въ лат. canere *пѣть*. *Пѣтухъ* называется по нѣм. Hahn, *курица* Huhn и Henne. По всей вѣроятности, и *собака* отъ звонкаго лая была названа по сскр. çvan, по греч. κύων, по лат. can-is, по нѣм. Hund. Наше *пѣть* происходитъ отъ подражательнаго корня pan (изъ pam, bam), который сохранился въ сскр. pan *восхвалять*, греч. παιάν *пѣсня*. Къ тому же корню принадлежитъ и гл. *во-пить*, цс. *пипела*, греч. πῖπος лат. pipio, сскр. pippala *птичка*. Основа pisk цсл. словъ *писк*ъ, *пискати* дала

Curt. 458. Fick. I. 738 Grassm. 1169 Grimm. 281. Буд. 208. Pict. I. 534.

въ чеш. *pysk* названіе *рту*. Корень man далъ въ лат minurîre, греч. μινύρομαι названіе щебетанью птички, сскр. min-mina значитъ говорить въ носъ. Въ лат. яз. называется муза Camena отъ корня kan; очень можетъ быть, что и греч. Μοῦσα вм. Μαν-σα значитъ собственно *поющая*. Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ корень stan въ нашемъ *стонать*, сскр. stan, греч. στένω (ср. лат. tonâre и нѣм. Donner, сскр. stan, гремѣть). *Ротъ* какъ говорящій, былъ названъ въ зенд çtam-an, греч. στόμ-α.

Изъ глухихъ звуковъ лучше всѣхъ могъ послужить своей цѣли корень gâ (по сскр. пѣть). Въ формѣ, еще болѣе усиленной, его имѣемъ въ сскр. gaj изъ gag кричать и въ gagh *смѣяться*. Греч. καλχ-ανάω, какъ и наше *хохотать*, лат. cachinnâre, сскр. kakh значитъ *громко смѣяться* (ср. нѣм. höhnen бранить). *Пѣтухъ* называется по чеш. kohout, по цсл. *кокотъ*, по сскр. kukkuta. Въ названіи кричащаго горла въ сскр. kâkalaka соединены корни kar и ka (ср. лит. kaklas) *Кричать* называется по сскр. ku, отъ чего получила названіе кричащая птица въ греч. καύαξ, въ чеш. kav-ka. Удвоенный корень далъ названіе въ сскр. koka *волку*, въ цсл. *кучика собакъ*, въ греч. κόκκυξ лат. cucûlus.=цсл. *кукавица*. Наше *скучать* собственно значитъ *выть по собачьи*, какъ видно изъ древняго значенія этого слова. Ср. наше *жныкать*, греч. κνύζω, чеш. kňučeti и пр. Греч. καχ-χάομαι значитъ *хвастаться*, какъ и сскр. katth, греч. κωτίλλω болтать, цсл. *кудити*, сскр. kud, греч. κνυζάω=нѣм. hadern *бранить*. Болѣе сильный сскр. корень gad имѣетъ значеніе *говорить*, какъ и лит. zadeti (чеш. pohádka=басня hádka *ссора*.) Въ сскр. яз. имѣемъ корни hu изъ ghu и gu, которые оба повторились въ нашемъ языкѣ. Первымъ *громкимъ* корнемъ былъ gu, изъ котораго произошло ghu и ku Gu значило *шумѣть*,

Curt 215 Fick. II. 60. Grassm. 402. Grimm. 23. Буд. 169. Pict. I. 491.

кричать и получило въ греч. γοάω и γόος значеніе *жаловаться*, въ лит. gauti—*выть*, въ сскр. gaus, греч. βοῦς. лат. bos—*мычать*. Наше *гов-орить*, греч. ἐγ-γυάω, лат. (g)vovêre имѣютъ одинъ и тотъ же кор. gu, который въ позднѣйшей формѣ *ghu* равняется и по формѣ и по значенію нашему *звать* (сскр. hvâna=наше *звонъ*). Очень можетъ быть, что и лат. bovâre, греч. βοάω *кричать* предполагаетъ болѣе древнюю форму ga, gva, какъ и сскр. nu, лит. nauti форму mu, которая сохранилась въ греч. μῦθος, μυθέομαι *говорю*, лат. mûtire, староир. mâwen *ревѣть*, *кричать*. Болѣе сильный корень имѣемъ въ сскр. mak и muj изъ mug *мычать*; сскр. maka-makâya подражаетъ голосу лягушекъ, греч. μέμηκ-α (сскр. meka=μηκάς *козелъ*)—овцамъ. лат. mugîre—коровамъ, цел. *мечика* (новор. мышка, лит. meszka)—реву *медвѣдя*. Навѣрно и слово *медвѣдь* не имѣетъ ничего общаго съ словомъ *медь*, будучи чистѣйшимъ подражаніемъ реву этого животнаго посредствомъ корня mad, который въ сскр. гл. nad значитъ *ревѣть*, кричать, затѣмъ въ формѣ *nid*, по греч. ὀνειδίζω *поносить*, *презирать*; весьма вѣроятно, что и наше *низкій*, нѣм. niedrig (сскр. нарѣчіе ni) значитъ *презрѣнный*. Корова въ сскр. vâça, лат. vacca получила имя отъ корня vak *ревѣть* (сскр. vâç=лат. vagîre, греч кор. F-αχ въ ἠχ-ώ). По всей вѣроятности, и vak говорить произошло вслѣдствіе подражанія естественному звуку. Сскр. vâc, греч. ὄψ вм. F-όψ, лат. vox голосъ, наше *вѣче* принадлежатъ къ этому корню vak, отъ котораго образовалось и славянское собственное имя *Вячеславъ*, по чеш. Vácslav и чеш. гл. vece=лат. inquit. *Человѣческая рѣчь* называлась по греч. αὐδή отъ корня av=va(d), между тѣмъ какъ чеш. váda значитъ громкій споръ. Греч. ἀείδω пою, ἀηδών соловей можемъ сравнить съ сскр. vad *говорить*,

Curt. 477. Fick. I 707. Grassm. 1248. Буд. 193. Pict. I. 537.

кричать, *пѣть* и съ нашими гл. *отвѣчать*, *извѣстить* и пр. Слова съ начальнымъ *v* могли имѣть еще другой источникъ, т. е. произойти отъ корня, подражающаго дыханію, какъ и нашъ гл. *ха-ять*, который имѣемъ въ болѣе сильной формѣ въ цсл. *сочити* отъ корня sak изъ chak съ значеніемъ *бранить*, показывать (ср. чеш. sok соперникъ). *Говорить* называетси по нѣм. sagen, съ чѣмъ можно сравнить лат. in-sece, греч. ἔννεπε вм. ἔν-σεπ-ε— *скажи*. Наше *сказать* имѣемъ въ сскр. çams восхвалять, извѣщать (ср. чеш. káz-ati), въ лат. carmen вм. casmen и въ cens-êre *судить*.

XI.

Новый разрядъ корней рѣзко различается отъ всѣхъ предыдущихъ. Въ первомъ разрядѣ мы прослѣдили подражаніе голосомъ отдѣльнымъ шумамъ природы, во второмъ было нашей задачей бѣгло показать, какъ человѣкъ подражалъ крикамъ животныхъ и людей, здѣсь намъ придется познакомиться съ такими корнями, которые являются *произведеніемъ самаго дѣйствія человѣческаго организма, такъ какъ звуки, послужившіе основаніемъ подобныхъ корней, сопровождаютъ всегда то или другое дѣйствіе.* Первымъ и главнымъ корнемъ будетъ здѣсь тотъ, который былъ созданъ свободнымъ и громкимъ дыханіемъ, т. е корень *ach*, получившій со временемъ форму *as*, какъ показано выше. Этотъ корень могъ лишиться своего придыханія и получить форму *a*, а затѣмъ, посредствомъ разныхъ родовъ придыханія (носоваго или губнаго) явиться въ новыхъ формахъ *am* или *av* безъ всякой перемѣны своего кореннаго значенія. Такой корень *ach*, *as*, *am* или *av* мы должны считать первымъ и главнымъ корнемъ человѣческой рѣчи, не принимая даже въ соображеніе того обстоятельства, что онъ выражаетъ самое главное дѣйствіе человѣческаго организма. Первое его значеніе было *дышать* и въ этомъ смыслѣ онъ сохранился въ сскр. корнѣ *an* изъ *am*. *Дыханіе* называется по сскр. âtman вм. as-tman, какъ видно изъ греч.

ἀσθμαίνω-*тяжело дышу*, ἄσθμα=нѣм. Athem глубокое дыханіе Скр. âtman значитъ нетолько *дыханіе*, но и *душа*. *Легкія*, которыми мы дышемъ, называются по греч. ἦτορ, по нѣм. называется *жила* Ader, по чеш. ját-ra *внутренности*. Поэтому и *ротъ*, какъ дышущій былъ названъ по скр. âs, по лат. ôs, по чеш. ústa, наше *уста*. Ср. греч. παρ-ήϊον *лице*. Скр antra собственно значитъ область дыханія, затѣмъ *внутренности*, ср. греч. ἔντερον, наше *нутро*, лат. intra и пр. Также скр. asra *кровь*, греч. ἔαρ, старолат. assir, какъ начало жизни, получила свое имя отъ *as дышать*. Скр. гл. *as* значитъ *быть* и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что понятіе *быть* въ корнѣ *as*, греч. εἰμί вм. ἐσμί, лат (e)sum, въ нѣм. sein, нашемъ *есмь* произошло изъ *дышать*. Скр. âs *сидѣть* легко могло произойдти изъ as быть. Человѣкъ, какъ существо дышущее, назвалъ себя *ah* и это ah въ скр. aham, зенд. azem греч. ἐγώ, лат. ego, нѣм. ich, нашемъ *я* изъ *азъ* значитъ собственно *живое существо* Нѣсколько такихъ существъ называлось по скр. asta, по греч. ἡμεῖς. Лат as, греч. εἷς вм. ἅς *одинъ* первоначально могло значитъ *существо*, *особь*, т. е. единица. Переставочная форма этого корня была sa изъ cha и сохранилась въ скр. sva, зенд. hva, греч. ἑός и ὅς вм. fός, лат. suus изъ sovos, лит. sávas, нашемъ *свой* Скр sva значитъ собственно тоже самое, что сущест. âtman *самъ* и нѣтъ сомнѣнія, что и наше *самъ*, гот. sama, греч. ὁμός скр. sama=aham, т е. существо дышущее. Лат. as *одинъ* отвѣчаетъ скр. sa-, зенд. ha-, греч. ἁ-, ὁ-ἑ, напр. ἕ-κατον одно сто, sa-krt *разъ* и пр. Это слово уже въ скр. яз. значило *съ*, *вмѣстѣ* и развилось такъ-же изъ sa одинъ, какъ скр. sam, зенд. ham, греч. σύν, ἅμα изъ sama *самый* Сюда же принадлежитъ и возвратное мѣстоименіе *себя*, се-

Curt. 387. Fick. I, 12. Grimm. 185. Буд 236.

бъ греч. οὖ, οἷ ἕ, лат. sui, sibi, se, нѣм. sich. *Усвоить себѣ* что нибудь, *привыкнуть* называется по греч. ἔθω, по лат. consuescere, *привычка*, нравъ по греч. ἦθος, по нѣм. Sitte=нашему *свойство*. *Общество* (своихъ) называется по сскр. sabhâ, по нѣм Sippe, *товарищъ* (свой) по лит. seb-ras, *членъ общины* по цсл. *себръ* (Сербъ). Весьма удачно была названа *истина* отъ корня as *сущимъ* въ гот. sunja, ср. сскр. satya, греч. ἐτεός и ἐτυμός, наше *истый*. Этимологія, такимъ образомъ, есть наука о существѣ словъ. Ближайшее значеніе корня ah *дышать* было *желать*, какъ видно изъ зенд. az, греч. ἀχ-ήν желающій, лат. egêre, нашего *ох-отный*. Гораздо лучше сохранилось это значеніе въ формѣ корня ih, которая уже въ сскр. значитъ *жаждать*, желать, ср. греч. ἰχανῶν, лат. imitâri. Изъ этого ih уже въ сскр. имѣемъ ish, icchati вм. isskati *желать*, въ греч. ἵμερος *желаніе*, наше *ис-кать*. *Воля* называется по греч. ἰότης, богъ любви по сскр. ishma, *желаніе* icchâ и eshâ, *почетъ* по нѣм. Ehre, *почитать* (собственно *искать кого нибудь*) achten.— Въ переставочной формѣ cha выразился этотъ корень весьма матеріально въ греч. χαίνω, что собственно значитъ *разинуть ротъ* и дыхнуть, затѣмъ *зѣвать* и въ переносномъ смыслѣ *желать*. Оттуда происходитъ не только лат. hiâre, наше *зѣв-ать* цсл. *зіяти* (ha, ga, za), но и нашъ гл. *хотѣть*, который вполнѣ сохранилъ первобытную форму корня. Пустое пространство, подобное открытому рту, называется по греч. χά-ος, самъ *зѣвъ* (пасть, въ лат. яз. имѣетъ названіе faux, въ нѣм. Gaumen, наше жаждать=удвоеніе вм. жажадать, ср. чеш. žád-ati *желать*), новоп. Geiz *жадность*, по значенію очень близко подходятъ къ лат. fames *голодъ*, чеш. chut *аппетитъ*.

Третье значеніе корня ah въ сскр. яз. было *стѣснять ды-*

Curt 196. Fick. II. 34. Grassm. 237. Pict. III. 290.

ханіе (ср. наше *душить* и *дышать*), при чемъ преобладала форма agh, ср. греч. ἄγχω, лат. angustus, нѣм. eng, наше *узкій*. *Давящая боль* называлась по сскр. agha; по греч ἄχο-ς (=аханье) значило *боязнь*, ужасъ (angustiae). Замѣчательно, что въ зенд. яз. *грѣхъ* назывался ãzanh. Змѣя, *ужъ* называется по сскр. ah, зенд. azi, греч. ἔχις лат., angu s. Также наше слово *уже* собственно значитъ *близко* изъ *тьсно* Въ переставочной формѣ имѣемъ этотъ корень въ сскр. nah, лат. nectere. *вязать* (ср ниже).

Четвертое значеніе корня ah было *говорить*. Лат. orâre вм. os-âre собственно значитъ, какъ и греч. ἠμί, лат. ajo вм. ah-jo, *раскрывать ротъ*. Ср. наше *хаять*.

Дыханіе, какъ мы увидимъ при корнѣ *av*, приравнивается движенію птицы, огня, вѣтра и пр; поэтому неудивительно, что одинъ и тотъже корень *ah* могъ обозначать *движеніе* вообще. Сскр. корень *as* значитъ *бросать*, *is* стрѣла; стрѣла также называется ishu, по греч. ἰός, что доказываетъ тождество корней is и ish (ср. зенд. içu стрѣла). Этотъ корень ish значитъ приводить въ быстрое движеніе, оживлять, *одушевлять*. Весьма вѣроятно, что значеніе *одушевлять*, по греч. ἰαίνω и ἵαμαι *лѣчить* было первоначальное и развилось прямо отъ корня ah *дышать*. Сскр. сущ. ish соединяетъ понятія *напитокъ*, сокъ, *сила*, благо; гомер. ἱερός уже значитъ *святой*. Остатки сскр. ah *бьжать спѣшить* имѣемъ въ нѣм. Eis *ледъ*, который былъ такъ названъ отъ is *скользить*. На основаніи этого, конечно, можемъ предполагать пракорень ah съ значеніемъ *быстро двигаться*. Корень въ этой формѣ не существуетъ, но намъ кажется, что онъ сохранился въ формѣ сскр. гл. aç (ach, ak—) *спѣшить*, настигать, проникать. *Быстрый* называется по сскр. açu, по греч.

Curt. 190. Fick, II, 9. Grassm. 160 Pict. I. 623. Буд 161 163

ὠκύς, по лат. срав. степень oc-ior. Такимъ путемъ этотъ корень далъ названіе *ходьбы* въ греч. ἴχω, ἰκνέομαι-прихожу, въ нашемъ *ых-ать*. *Лошадь* называлась по лат. equus, по греч. ἵππος вм. вм. ἰκκζος, по староир. ech, по старогал. epo, по старон. ehu, по лит. aszvu. Основной придыхательный звукъ, какъ мы видимъ, подвергся всевозможнымъ перемѣнамъ. Изъ значеній *пройдти путь, достигать* развилось понятіе *проникать*, откуда получилъ названіе признакъ *острый* въ множествѣ словъ всѣхъ языковъ. Ср. греч. ὀξύς, ἄκ-ανος, *тернъ*, лат. acu *игла*, acies *остріе*, нѣм. ah-sa колосъ, наше *оселокъ*=цсл. *осла*, зенд. astre *кинжалъ*, сскр. ashtrâ=цсл. *остынъ* и пр. Острый камень (ср. выше лат. saxum) назывался по сскр. açman, по лит. родит. akmen-s; наше названіе *небесная твердь* и гом. χαλκοῦς οὐρανός показываютъ на возможность связи между понятіями *камень* и *небо*. Ср. нѣм. Himmel изъ гот. himins небо; греч. ἄκμων дало посредствомъ признака *твердый* названіе *наковальня*. Весьма интересно, что *слеза*, рѣжущая лице, называется по сскр. açra, по лит. aszara. *Острая сѣкира* называется по лат. ascia, по греч. ἀξίνη, по нѣм. Axt, *рѣзать* по сскр. as, *мечъ* по лат. ensis. Изъ *проникать* развилось значеніе *видѣть* въ сскр. akshi, зенд. aksh, *глазъ* по зенд ashi, *глаза* по греч. ὄσσε вм. ὀκϳε, ὀφ-θαλμός, по лат. oculus, лит. akis, цсл. *око* (ср. ок-но). Греч. ὄσσομαι *вижу* и ὄπωπα *я увидѣлъ*, какъ и приведенные примѣры, показываютъ на постепенную перемѣну звука *k* въ *p*. Гот ah-jan значило *думать, полагать, видѣть*, aha *умъ*, разумъ, ср. новон. achten и греч. ὄπος=Achtung и весьма близкое нашему *уп-овать*. Можетъ быть, понятіе *думать* развилось прямо изъ *дышать*, такъ что физически оно представляется намъ въ древней исторіи языка, какъ *умъ тыла*.—Возвратимся къ понятію *движенія*.

Curt 452. Fick. I. 4. Grassm. 137. Grimm. 244. Pict. I 427.

Староир. aka значитъ *ѣхать* не только верхомъ, но и на колесницѣ, на кораблѣ; въ сскр гл. aj изъ ag имѣемъ значеніе *устраивать, быа*, въ лат. agere, греч. ἄγω *вести, гнать*. (*Выонъ* назывался по сскр. ajru, по греч. ἀγρός, по лат. ager, по нѣм. Acker *поле*.) Сскр. ajra, какъ и лат agilis, значило *быстрый*, αἴσσω отъ корня αἰγ *прыгать*, отъ чего получила названіе *коза* въ греч. αἴξ, въ сскр. âja, въ нашемъ *ягненокъ*; сскр. ajina *шерсть* ягненка повторилось въ цсл. *агно* и *язьно*. *Орудіе передвиженія* называется по сскр. aksha, греч. ἄξων, лат axîs, нѣм. Achse, лит. aszis, наше *ось*. Ср. лат. âla вм. ac-la *крыло*. Сскр. корень *ac* значитъ не только *идти*, но и *загибать*, ср греч ἀγκύλος, лат angulus, наше *уголъ* (Лат. annus *годъ* изъ acnus=кругъ) и пр.—Корень, подражающій *дыханію*, далъ названіе не только *движенію вообще*, но и движенію разныхъ элементовъ, напр. наше *огонь*, лит. ug-nis, лат ignis, сскр. agni происходитъ отъ корня ah и движеніе легочнаго воздуха перенесено въ этомъ случаѣ на движеніе элемента, ближайшаго по своему вѣсу этому воздуху. Наше *уголь*, т. е. огненная масса, можно сравнить съ лит. anglis, сскр ajjala. Тотъ же корень имѣемъ въ сскр. aktu *свѣтъ*, дневное сіяніе, *день*, въ греч. ἀκ-τίς *лучъ*. Изъ понятія *свѣтъ* легко могло развиться значеніе *красить* и оттуда *мазать* Сскр. anakti соединяетъ оба понятія; лат. unguere значитъ только *мазать*. Изъ *мазать* посредствомъ понятія *покрывать* развилось *затмѣвать*, быть *темнымъ*, *слѣпымъ* (ср. выше кор. *mal*) въ *aktu ночь* соединяющемъ въ себѣ всѣ три понятія *свѣтъ*, *ночь* и *краска*, въ греч. ἀχ-λύς темнота, ἄκαρος слѣпой, въ лат. aquilus темный (aquila орелъ=черная птица), въ греч. ἀχ-ρός-безцвѣтный, блѣдный. Очень можетъ быть, что оттуда происходитъ и греч ἀγάλλω *украшать*, ἄγαμαι по-

Curt. 502 Fick. I. 480. Grassm. 8 Pict. I 453. Grimm 25. Буд. 184.

читать, удивляться, ἀγαπάω любить, ἀγαθός хорошій и пр

Движеніе воды обозначается этимъ корнемъ въ лат. aqua гот. ahva, aha вода.

Корень *av* весьма богато развился въ перестановкѣ *va*. Сскр. гл vas имѣетъ значеніе *обитать*, происшедшее изъ *существовать*, *дышать*, (сл. *обитать* происходитъ также отъ корня выражающаго дыханіе.) Сскр. vastu *домъ* повторяется въ греч. ἄστυ *городъ*, ἑστία *очагъ* и въ лат. названіи богини очага Vesta; нѣм. Wesen значитъ *существо*, сскр. vasu *добро* (ср греч. εὖ хорошо и родит. ἑάων). Сскр vacâ значитъ *мозгъ* костей и, какъ выше корень *as* далъ названіе *крови*, такъ отъ vas (ср. за-втра) произошло греч ἴς вм. fὶς жила, нервъ, *сила*, лат. vêna вм. vesna *жила* Сскр. va, греч. ἄημι, нѣм. wehen, наше *вѣять* значитъ собственно *дышать*, затѣмъ болѣе спеціально *дуть*. Потому это слово преимущественно употребляется о движеніи *вѣтра* въ сскр и зенд. vâta, греч. ἀέλλα, ἀήτης, нашемъ *вѣтеръ*, нѣм. Wetter (ср. Winter *зима*.) *Воздухъ* называется по греч. ἀήρ, чеш. vánice=сильный снѣгъ. *Движеніе пламени* выразилось въ сскр. ush вм. vash (ср. нѣм. waschen *мыть* о движеніи воды), въ лат. urere вм. usere, въ греч. εὕω *горѣть*, *жечь*. Этотъ корень имѣемъ въ нашемъ *ут-ро* вм. vat-ro= разсвѣтъ, въ лат. auster *теплый* (южный) вѣтеръ, нѣм. Osten *теплая* сторона (востокъ), греч. αὔριον *утромъ*, лат. aurôra, греч. ἠώς, сскр. ushas *заря*. *Золото* отъ своего блеска названо по лат. aurum, по лит. aukszas. *Сіять*, *разсвѣтать* называется по сскр. vas, *свѣтлое*, солнечное время по лит. vasara, по лат. vêr, по греч. ἔαρ вм. fέσαρ, по слав *весна*. Какъ видно изъ сскр. гл. ucchati вм. vas-skati, употребляемаго нетолько объ утренней,

---

Curt. 386. Fick. I. 759. Grassm. 1229. Grimm. 301. Pict. I. 109. 116. Буд. 13.

но и вечерней зарѣ (разсвѣтъ, сумерки), наше *вечеръ* получило названіе изъ тогоже источника, какъ лит. vakaras, лат. vesper, греч. ἕσπερος. Греч. σιγαλόεις значило *чистый*, блестящій, какъ нѣм. svigli, лат. sidus *звѣзда* показываетъ на корень s-vad и значитъ *сіяющая*, какъ и наше *звѣзда* вм. чеш. hvězda. (Правильная форма была бы свѣзда; ср. чеш. hvízdati, наше *свистить*). Корень былъ vach, съ двойнымъ придыханіемъ. При дальнѣйшемъ развитіи изъ корня vak произошелъ vag съ тѣмъ же значеніемъ, какъ видно изъ нашего *югъ*, греч ἀυγή сскр. vajas *сіяніе*, aujasa *золото*. Наша теорія происхожденія корней замѣчательно потверждается тѣмъ, что тотъ же корень vag (изъ vach=vas=va) далъ названіе *движенію воды* въ сскр. uksh вм vak-sh изъ vag×s (vag-ch—тройное придыханіе) и въ unch вм. vanch. Послѣдній корень значитъ *мыть*, какъ и нѣм waschen и wischen, первый корень значитъ *мочить*, *орошать*, ср. греч. ὑγ-ρός, лат uvidus *мокрый*. Сскр visha *сокъ*, ядъ (=текущее) имѣемъ въ греч. ἰός, лат vir-us. Значеніе *оплодотворять* можно узнать въ сскр. названіи *быка* ukshan, по нѣм. Ochs. Понятія *оплодотворять*, *родить*, *расти* столь близки, что не нужно даже свидѣтельства сскр. uksh, которое также значитъ *расти*, *крѣпнуть*, чтобы убѣдиться, что и греч. ἀέξω и αὔξω *помогаю расти*, αὔξομαι *расту*, нѣм. wachsen *расти* происходитъ отъ одного и того же корня vach *орошать*. Въ греч. ὑγιής *здоровый*, лат vig-êre *быть сильнымъ*, сскр. ajas и ojman корень получилъ понятіе *силы* Ср лат augêre умножать, auxilium помощь и пр Прилагательное augustus *величественный* мы соединяемъ съ тѣмъ же корнемъ, только въ значеніи *сіять*. Лат vigilâre и нѣм. wachen значитъ *бодрствовать* изъ *быть сильнымъ*, *свѣжимъ*, между тѣмъ какъ сскр. vaja = быстрота, храбрость, vaj-ra *молнія*.—

Curt. 187 Fick I. 763. Grassm. 244. Grimm 22. Pict I. 413 Буд. 10.

Корень vah уже въ сскр. яз. обозначалъ *движеніе на колеснице*, которая называлась по сскр. vahâ, по греч ὄχος, по нѣм. Wagen, по сл. *возъ* (лат. vehere, греч. ὀχεύ-ω=нашему везти.) Нѣм. Wâge отъ того же корня значитъ *вѣсы*, по чеш. váhy; нашему *вѣсить* отвѣчаетъ нѣм. гл. wiegen. *Висѣть* развилось путемъ чисто идеологическимъ изъ *вѣсить*. Наше гл. *вес-ти* не имѣетъ ничего общаго съ кор. veh, такъ какъ онъ принадлежитъ къ корню vad, подражающему своими звуками громкимъ ударамъ ходьбы. Сскр. vadh, греч. ὠθέω значило *громко ударять*, лат. vadere громко ходить, зенд. vad *вести*. За то наше *весло*, лат. vê(c)lum *парусъ* можемъ смѣло причислить къ корню vah. Но мы имѣемъ другой корень vad, который, несомнѣнно, есть распространеніе корня va и значитъ *течь*. Ср. сскр. ud вм. vad *течь*, uda, лат. unda, нѣм. Wasser, наше *вода*. *Водяной змѣй* называется по греч ὕδρα, *водяное животное* по сскр. udra, по слав. *выдра*, по нѣм. Otter. Какъ наше *потѣть* отъ корня ra *течь*, такъ и греч. ἰδίω, лат. sudâre, нѣм. schwitzen, сскр. svid *потѣть* образовалось отъ корня vad *течь*. Желѣзо называется по греч. σίδηρος, т. е. расплавленный металлъ. *Таять* называется по нѣм. schwinden, *чахотка* Schwindsucht. Можетъ быть, и *зима*, какъ ненастное время, было названо отъ этого корня по нѣм. Winter. *Движеніе* пѣшехода было обозначено формою av въ въ зенд. avaiti *идти*, ao-thra *башмакъ*. Наше *об-увь*, какъ и лат. in-d-u-ere, произошло отъ одного и того-же корня av *ходить*. Ср. цс. usma *кожа*. Еще лучше сохранилось значеніе *ходить* въ сскр. vi; зенд. vî значитъ ходить и vayêiti *гнать, охотиться*, какъ и лат. venâri. Лат. via значитъ *дорога* и наше вой-ско отъ кор. *hu*=лат. agmen. Сскр. viç имѣетъ значеніе *входить*, т. е. проникать и очень близко стоитъ къ выше при-

Curt. 248. Fick. II. 211. Grassm. 1239. Grimm 52. Pict. I. 132. Буд 192.

веденному корню iç, отъ котораго отличается своимъ двойнымъ придыханіемъ. Цсл. *вити* значитъ *гнуть*, какъ и лат. viêre, нѣм. winden. Среднее понятіе между *ходить* и *вить* было двигаться не совсѣмъ прямымъ путемъ, загибать (ср. выше ank). Оттуда получило названіе *ви-но*, въ лат. vî-num, греч. οἶνος, которое названо было такъ отъ вида вьющейся виноградной лозы, называемой по лат. vît-is, по греч. οἴνη. (Ср. наше *вьютъ*.) Наше *война*, *воевать* показываетъ, какъ изъ *вить* могло развиться значеніе побѣждать въ лат. vincere. греч. νικάω вм. ϝνικάω. Нашему *воинъ*, можетъ быть, отвѣчаетъ лат. vir, сскр. vî-ra мужъ. Изъ vi *вить* имѣемъ въ сскр. vicati, лат. vincire значеніе *вязать*, въ сскр. vâyati *ткать*. Выше мы видѣли, какъ отъ корня da *вязать*, *соединять* бревна получилъ свое названіе *домъ*; тоже самое значеніе находимъ въ греч. οἶκος и лат. vicus домъ, нашемъ *весь* деревня.

Корень vi преимущественно обозначаетъ быстрое легкое движеніе; поэтому неудивительно, что быстро летающая птица называется по сскр. vayas, vi, по лат. avis, по греч. αἰετός *орелъ*. Весьма вѣроятно, что и лат. ôv-um, греч. ᾠόν, наше *яйцо*, чеш. vej-ce собственно значитъ *птичій плодъ*. Ср. наше *витать* въ значеніи *летать*.

Особенно важное значеніе получилъ этотъ корень въ *области внутренняго міра*; почти всѣ способности души были обозначены въ языкѣ тою или другою формою корня va. Кромѣ того многія органическія отправленія нашего тѣла такъ или иначе соединены съ *va дышать*. Поэтому *спать* называется по греч. αὠτέω или ἄεσαι. Едва-ли можно сомнѣваться, что и наше *спать* имѣетъ начало въ корнѣ cha, выражающимъ тяжелое дыханіе. Фонологическій путь при его образованіи слѣдующій: cha+p,

Curt 390. Fick. I. 25. Grassm 1250. Pict. II. 308. Буд. 127

или va+p, затѣмъ hvap, svap, изъ чего произошли сскр. svapnas, греч. ὕπνος, лат. somnus и sopor. *Спать* именно значитъ *сопѣть*, т. е. тяжело дышать *Спанье* также было названо отъ *хрипѣнья*, сопровождающаго это дѣйствіе, почему для этого годились преимущественно такіе корни, въ которыхъ сочетаются гортанный съ плавной *r*. Гортанный корень *хар* въ нашемъ *храпѣть* обозначаетъ само дѣйствіе (храпѣнья), между тѣмъ какъ слово для *спанья* образовалось отъ корня dra въ сскр. drâ, греч. δαρθάνω, лат dormîre, нашемъ *дремать*, отлично выражающемъ подобное дѣйствіе. Гортанный корень находимъ въ англ. to sleep нѣм schlafen (наше *слабый*?) изъ первоначальной формы *ghrâp* —. Сскр. av на второмъ мѣстѣ значитъ *насыщаться* изъ av *раскрывать ротъ* (ср выше χατ-έω, лат. satur, наше *сытый* отъ кор. cha), въ греч ἄσαι, лат. avidus, avârus *жадный*, наше *овесъ*, лат avêna собств. *кормъ*. *Внимательно слушать* въ греч. αἰω, въ сскр. avi *внимательный* также получило названіе отъ av раскрывать ротъ, отъ чего произошли названія *уха* (вм. avcha) въ греч. οὖς изъ αὐσατ (ср наше *ушать*), лат auris, лит. ausis, нѣм Ohr. Изъ *слушать* легко могло развиться понятіе *чувствовать* въ греч αἰσθάνομαι *понимать*, въ нашемъ *умъ*, *разумъ*, *явный* и прч. Сскр. *av* соединяетъ понятія *насыщаться*, образовать кого нибудь, *любить*, *защищать*; домашнее животное, привязанное къ человѣку, называется по сскр. avi, по греч. ὄϊς, по лат. ovis, по сл. *овца*. Ср. лат. amâre *любить*.—Переставочный корень va развилъ всѣ эти понятія гораздо богаче. Такъ, подобно выше приведенному корню cha, сскр. vaç значитъ *желать*, ср. греч. ἔχων и ἀέκων. Тоже самое vak значитъ *понимать* въ лит. vokti, въ нашемъ *уч-иться*, *привыкать*, *наука* вм. *навыка* и въ греч. ἀ-βαχέων непонимающій Другую его форму имѣемъ въ сскр. vat *пони-*

Curt. 289. 403. Fick I. 24. Grassm. 121. Grim. 212. Pict. I. 443. Буд. 184. 214.

мать, лат. vat-es *мудрецъ*, *вѣщій*. Значеніе *понимать* мы также считаемъ за основаніе нашему *вѣдѣть*, сскр. vid *Наука* называлась по сскр. veda, *знать* по греч. ϝόϐμεναι, οἶδα, по нѣм. wissen Изъ *вѣдѣть* развилось *видѣть* въ сскр. vid, греч. ἰδεῖν, лат. vidêre Впрочемъ мы должны замѣтить, что сскр. vyadh (лат. dīvido?) значило также *раздѣлять* (собств. сверлить).

Третій корень, образованный (носовымъ) дыханіемъ, былъ *an* изъ *at*. Сскр. *an* значило не только *дышать*, но и *дуть*. Мы уже выше привели нѣкоторыя слова, сюда принадлежащія; дополняемъ ихъ сскр. anila *вѣтеръ*, anala *огонь*, греч. ἄνεμος *дуновеніе*, вѣтеръ, лат. animus *душа*. Ср. лат. an-hêlâre тяжело дышать. Наше *вонять* имѣетъ другое значеніе, но принадлежитъ сюдаже. Уже выше было нами показано, что agh значило также *стѣснять дыханіе*, давить, особенно въ своей формѣ amgh, angh. Это angh дало начало корню nagh, который имѣемъ въ сскр. naḥ, лат. nectere *вязать* и въ нѣм. nahen *шить* Нѣм. nahe=нашему *уже*. Въ греч νέω, по лат. nêre корень имѣетъ логическую форму *па* (*ни-ть*). Сскр кор *in* имѣетъ почти тѣже значенія, какъ выше angh *давить*, *тьснить*, сущест. ena-*оскорбленіе*, *несчастіе*, *грѣхъ*, ср. греч. αἰνός *страшный*.

Оба звука, образовавшіеся дѣйствіемъ дыханія, соединены въ корнѣ chvap, несомнѣнные слѣды котораго мы имѣемъ въ лит. Kvapa-s *духъ*, *дыханіе* Лет. kwépet значитъ *дышать*, греч. καπνός, сскр. kapila *дымъ*, между тѣмъ какъ греч. καπ-ύω *дышу*, κε-κα-φηώς *тяжело дышащій* сохранили первое значеніе Не трудно узнать и въ нашемъ *копоть*, *коптѣть*, въ лат. vapor вм. cvapor *дымъ* слѣды значенія *дымить*, *курить*. Лит. kvepti имѣетъ значеніе *пах-нуть*, съ чѣмъ можемъ сравнить и греч. κόπ-ρος *навозъ*, получившее свое названіе отъ непріятнаго запаха. Наше *кип-ѣть*

Curt. 242 Fick. II. 15 Grassm. 1276. 50. 142.

слово тогоже самаго корня, въ разныхъ своихъ значеніяхъ показываетъ, какъ въ переносномъ смыслѣ изъ *дышать* могло развиться *желать* (дышать, горѣть, желать) въ лат. *cup-ere* и *волноваться*, *сердиться* въ скр. kup.

Всѣ остальные корни, образовавшіеся посредствомъ дыханія, должны находиться въ ближайшей связи съ предыдущими. Основнымъ ихъ элементомъ было всегда придыханіе и широкая гласная, остальные же звуки болѣе или менѣе оттѣняли извѣстный родъ дыханія. Правильное измѣненіе болѣе древняго *a* въ *u* свидѣтельствуетъ о позднѣйшемъ болѣе широкомъ развитіи этихъ корней. За ихъ основаніе принимаемъ корень *hu* изъ *ha*, выражающій не свободное, а болѣ спертое дыханіе, подобное дуновенію вѣтра. При посредствѣ легочнаго воздуха мы именно тогда производимъ болѣе или менѣе сильный вѣтеръ, когда устройство нашего рта таковое, что онъ непремѣнно произноситъ гласную *u*. Мы можемъ выпускать свое дыханіе безпрерывно, или по частямъ, т. е. останавливая свободною струю воздуха на ея пути тѣмъ или другимъ органомъ. Закрытіемъ рта производится звукъ *b* или *p*, который съ послѣдующимъ затѣмъ дыханіемъ образуетъ b+ha, или b+hu. Далѣе мы можемъ прекратить путь дыханію посредствомъ языка, упирая его въ верхнюю часть зубовъ, вслѣдствіе чего образуются корни d+ha, d+hu. Первое значеніе этого корня сохранилось въ нашемъ *дышать*, чеш. dýchati, лит. dus-t Скр. dhû значитъ *дуть*, раздувать, особенно огонь и въ этомъ смыслѣ было перенесено на европейскую почву въ греч. θύω, которое значило нетолько *раздувать*, но и *дымить*, *жечь*, совершать жертвоприношеніе. Поэтому скр dhuv-ana значитъ *огонь*, dhûma, лат. fûmus, лит. dumas *дымъ*. *Пыль*, поднимающаяся къ небу на по-

Curt 258. Fick. II 130. Grassm. 679. Grimm. 283 Pict. I. 222.

добіе дыма, называется по сскр. dhûli, по лат. fuligo, по англ. dust. Тоже самое значеніе имѣетъ греч. τῦφος, сскр. dhûpa, откуда и греч. τυφλός слѣпой (собственно *черный*). Другой греческій гл. θύω=dhû-nami и значитъ *быстро двигаться*; *буря* называется по греч. θύ-ελλα. Безъ всякаго сомнѣнія, и гл. θέω (основ. θυ) тождественъ съ двумя предыдущими; θέω значитъ *бѣжать*, какъ и гл. θύνω и сскр. dhan, соединяющее въ себѣ понятіе *течь* и *бѣжать*, ср. лат. fons *источникъ* и сскр. dhâ-râ *ручей*, *лучъ*, *сѣмя* (греч. θορός-сѣмя). Этотъ корень dhan произошелъ изъ dham, который значитъ въ сскр. яз. *дуть* и представляетъ собою, такимъ образомъ, болѣе древнюю форму корня dhu, сохранившуюся и въ нашемъ *дуть* (у=am). Впрочемъ въ сскр dhav. сохранилась коренная форма позднѣйшаго dhu, равная по значенію выше упомянутому dhan, что ясно свидѣтельствуетъ о тождествѣ всѣхъ этихъ формъ. Ср англ. the dew, нѣм. Thau *роса* о движеніи воды. Для понятія *горѣть* изъ *дуть* сскр. яз. выработалъ спеціальный корень dah изъ dhah. Сскр. dâha значитъ жара и ni-dagha жаркое время, т. е. *лѣто* (ср. лат. dagà), между тѣмъ какъ нѣм. Tag изъ dagâs дало тоже самое названіе *свѣтлому дню*. Этотъ корень dah=dav, отъ котораго произошло du въ сскр. dunoti *жечь*, затѣмъ и *мучить*, въ греч. δαίω *жгу*, δύαω *мучу* и пр. Впрочемъ значеніе *мучить* могло развиться изъ *душить*, какъ видно изъ чеш. dáviti, нашего *за-давить* и пр. Во всякомъ случаѣ въ тождествѣ всѣхъ этихъ корней не можетъ быть никакаго сомнѣнія. Изъ корня dhav произошелъ корень dhiv, изъ dav кор. div. Корень dhi значитъ въ сскр. *сіять* изъ *горѣть*, далѣе *замѣчать*, *думать*; такъ, сущ. dhî значитъ *набожность*, *молитва*, ni-dhyâ-na *созерцаніе*, *зрѣніе*, *взглядъ*. Всѣ эти по-

нятія коренятся въ основномъ *горѣть* (ср. выше). Названіе *праздника*, дня молитвы, въ лат. dies festus (греч θέσσασθαι просить) принадлежитъ къ кор. dich (сскр. dish молитва). Греч. θεάομαι значитъ *вижу*.—Корень div въ сскр. яз. значитъ *сіять*, затѣмъ *полагать*, въ зенд. dôithra *глазъ—видѣть*, ср. греч. δι-ζημαι вм. δι-δϝημαι *высматриваю*, ищу, δῆλος *ясный*. Наше *у-дивляться*, какъ и греч. θαυ-μάζω, отъ кор. dhav, собственно значитъ *смотрѣть*, какъ видно напр. изъ чеш. dív-atise. Этотъ корень далъ названіе свѣтлому дню въ лат. nun-din-ae (девять дней), dies, сскр diva, греч. ἔνδιος дневной, въ англ. day и den и пр. Сскр. divas, diva послужило сверхъ того названіемъ *свѣтлаго неба* (ср. лат. sub dio *подъ небомъ* и греч. δῖος *небесный*) и затѣмъ дало имя главному арійскому богу въ своемъ Dyaush pitar, т. е. отецъ свѣтъ (небо), въ греч. Ζεὺς πατήρ изъ Δϝεὺς πατήρ, въ лат. Jupiter изъ Djoupiter, староп. Ziwes, или англс. Tives. *Богъ свѣта* уже въ сскр. deva, въ лат. deus, въ греч. θεός (отъ корня dha=da) dêvas потерялъ свое первоначальное значеніе и оставилъ въ этихъ названіяхъ новое высокое понятіе – отвлеченнаго божества.

Въ области внутренняго міра корень dha сохранилъ самое высокое понятіе въ нашемъ *духъ*, *душа* и *думать*, очень близкомъ по значенію съ зенд. du. Наше *задыхаться отъ гнѣва* показываетъ, какую сторону *души* лучше всего могъ изобразить этотъ корень. Греч. θῡ-μός значитъ преимущественно *гнѣвъ*, затѣмъ *храбрость*, сскр. dush *злиться*, dvish *ненавидѣть*=греч. прил. ὀ-δυσ-σάμενος, какъ и лит. dus-ma гнѣвъ. Ср. наше *ди-кій*, цсл. *дивый*, греч. δυς—. Болѣе древняя форма тогоже корня das, греч. δέω значитъ *нуждаться*; намъ кажется, что ея первое значеніе, подобно греч. εὖνις отъ корня av, было *мишаться чувства*,

Curt. 513. Fick. I. 635. Grassm 604. Grimm. 288. Pict. III. 412. 276.

задыхаться, терять духъ, въ потвержденіе чего приводимъ греч. θαν-εῖν отъ кор. dhan *помирать*, ср. сскр. dhan и dvhas, нѣм. dau *помирать*, dauth Tod *смерть*, наше *давиться*.

Корень *dha* подражаетъ своимъ сочетаніемъ еще другому дѣйствію нашего организма, т е. *сосанью дитяти* Сскр. dhâ, греч. θῆ-σθαι, лат. fê-lâre, наше *доить* значило *сосать*; *молоко* называлось по сскр. dadhan, (послѣднему слову этимологически отвѣчаетъ наше *дождь*, т. е. жидкость). *Женщина*, кормящая своего ребенка, называлась по лат. fêmina; не иначе слѣдуетъ толковать и наше слово *дьва*, не имѣющее ничего общаго съ корнемъ div *сіять*, лат. filius, лит. dêlas сынъ *дитя* и пр. Наше *дочь*, чеш. dce-ra, dci, имѣла старую тему *дчити*, по лит. dukter —, по нѣм. Tochter, по греч. θυγάτηρ, по сскр. duhitar. Любопытно, что и нѣм. названіе *добродѣтели* Tugend отъ гл. taugen *годиться* относится къ болѣе древнему гот. dûg-un, сскр. duh *доить*, приносить пользу. (Наше *тучный, тукъ*?) *Сосать* называется по сскр. cûsh и намъ кажется, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оба слова-наше *сосать* и сскр. cûsh происходятъ отъ придыхательнаго корня *cha*, чеш. ssáti, ssavec = нѣм. saugen, Saugjind), отъ котораго происходитъ и греч. κυνέω вм. κοσ-μέν, нѣм. kussen цѣловать, наше *кіснуть*; квасъ = по значенію и по этимологіи-слову *сокъ*. Тоже самое можемъ утверждать о лат. câs-eus = нашему *сыръ*, собственно *текучее*

Третій корень, образованный посредствомъ самаго дѣйствія дыханія, bhu особенно хорошо развился въ славянскихъ языкахъ. Сскр. гл bhû, какъ и наше *быть*, имѣетъ уже болѣе отвлеченное значеніе *существованія*. Не смотря даже на аналогію корня *ach, as*, намъ кажется несомнѣннымъ, что первое значеніе bha или bhu было *дышать*. *Дуть* называется пока по чеш fou-kati отъ кор.

Curt. 258. Fick. I 638. Grimm 185. Pict. III. 38. Буд. 20.

fu, phu, такъ что мы можемъ смѣло предположить, что сскр. гл. pû, основнымъ значеніемъ котораго было *дуть*, (pavate=вѣтеръ дуетъ) произошелъ изъ болѣе древняго bha, pha, phu *дышать*. Сскр. гл. pû также значитъ *вонять*, и это значеніе корня pû такъ развилось изъ болѣе древняго *дышать* (ср. наши *духи*), какъ наше *вонять* изъ корня an *дышать*. Наше *пахнуть*, *запахъ* сохранилъ, какъ и лат flâre *дуть* (нѣм. blasen) отъ корня phal, слѣды придыханія. Скажемъ сначала о корнѣ *pu*, какъ наилучше сохранившемъ свое конкретное значеніе. За основаніе возьмемъ цсл. *пыхати* и *пахати*-дышать, *пахъ* дыханье. Въ лат. яз. вслѣдствіе перестановки придыханія съ теченіемъ времени образовалась форма spa изъ chpa, живая въ словахъ spîrâre *дышать*, spîr-itus *духъ*. Въ греч ψυχή *душа* предполагаемъ первоначальную форму spach, слѣды которой имѣемъ въ σπήλαιος *пещера* (ср. ἄντρον отъ кор. am) Сскр. гл. sphâ значитъ *надуваться*, распространяться, sphîti *ростъ*, *счастіе*; по всей вѣроятности, этотъ гл. образовался, какъ и наше *пух-нуть*, чрезъ подражаніе своими звуками надуванію щекъ. *Надутая щека* называется по лат. bucca, толстый пухленькій мальчикъ по рус. *пузырь* (=также чеш bublina), *бутузъ*, по нѣм. Bube, толстый животъ *пузо*, по нѣм. Bauch, *толстый* по греч. παχύς, по сскр. bahala. Наше *пупъ*, чеш. pupek есть удвоеніе тогоже корня и собственно значитъ *толстый животъ*. Болѣе древнюю форму того же корня имѣемъ въ лат. spuere, греч. πτύω, нѣм. speien, нашемъ *плевать* (ср сскр. phena, лат. spû-ma, наше *пѣна*, греч. πίνος и чеш. špína *грязь*). Звукъ *r* въ послѣднемъ словѣ считаемъ за неорганическій, т. е. непринадлежащій къ корню, подобно звуку s въ греч. πνέω отъ кор. πνυ изъ pu *дышать*, *дуть*, πνεῦμα *духъ*. Весьма вѣроятно, что и лат. pulmo *легкія*, греч. πνεύμων и πλεύμων, чеш. plíce, цсл.

Curt. 509. Fick. I. 678. Grassm. 839. Grimm. 301. Pict. III. 274

плутата имѣютъ корень phu. Сскр. pu дало названіе не только вѣтру (pâvana), но и *огню* pavana, ср греч. πῦρ, нѣм. Feuer. (Греч. πυρρός, лат. burrus, наше *бурый* значитъ огненнаго цвѣта, лат com-bur-ere *сожигать*.) Далѣе *pu* значитъ чистить хлѣбъ при помощи *вѣялки*, которая называется по греч. πτύ-ον. Изъ этого произошло лат. прил. pû-rus и put-us *чистый*, лат. put-are чистить (умомъ), сскр. pû-ta. Въ переносномъ смыслѣ нашему *умный* (отъ кор. am) отвѣчаетъ греч. πινυτός и πεπυμένος, собственно *дышущій*, затѣмъ *умный*. Сскр. pu имѣло далѣе значеніе *творить умомъ*, изъ чего образовалось въ греч. ποιέω, ποίησις—названіе поэтической дѣятельности. Изъ значенія *одушевлять* лего могло произойдти *производить*, отъ чего произошли сскр. putra сынъ, лат. παῖς, pu-er. *Душа*, оживляющая не только тѣло человѣка, но и растеній (по нѣм. Baum дерево), и затѣмъ первый человѣкъ, далѣе духъ всего міра, назывался по сскр. purusa.

Въ корнѣ bhu преобладаетъ значеніе *плодить* изъ *одушевлять*. Греч. φύω, лат. fuere лучше всего сохранютъ это значеніе, утерянное почти совсѣмъ въ нашемъ *быть*, лит. bu ti, нѣм. bin, сскр. bhû. Въ формахъ этого корня преобладаетъ понятіе *происхожденія*, между тѣмъ какъ въ корнѣ as мы болѣе чувствуемъ *существованіе*. Это отношеніе корня *bha* къ *sa* ототлично выразилось въ формахъ латинскаго глагола, гдѣ формы совершенныхъ временъ, какъ дѣйствія происшедшія, готовыя, образовались посредствомъ корня bhu, между тѣмъ какъ несовершенныя времена имѣютъ вспомогательный корень as. Производитъ или природа, или рука человѣка. *Зданіе*, какъ произведеніе человѣка, называется по сскр. bhavana, по чеш. bu-dova (ср. нѣм. bau-en *строить домъ*, затѣмъ bauen просто *работать*, по греч.

Curt. 279. Fick. I. 699. Grassm. 942. Pict. II. 309.

ποιέω, Bauer *земледѣлецъ*. Человѣкъ, какъ *созидатель*, могъ отлично называться словомъ bhav-ant, по греч. φώς, но мы предпочитаемъ толковать эти слова, какъ и греч. ἀνήρ, сскр. ner отъ корня an нѣсколько иначе, объясняя φώς=πεπνυμένος, т. е. существо одушевленное, наполненное умомъ. Творецъ всего міра могъ быть названъ подобнымъ именемъ и очень можетъ быть, что нашъ *Богъ*, зенд. bhaga не значитъ *дарящій*, а *созидающій* или Высшій Духъ (сскр. bhâva умный человѣкъ). *Міръ*, вѣчно созидающійся, назывался по сскр. bhûman, *природа* по греч. φύσις, часть растительной природы имѣемъ въ нѣм. Baum *дерево*; въ греч. φύλλον, по лат. folium, *листъ* въ чеш. bylina, въ цсл. *быль*

На движеніе *свѣта*, пламени переносится этотъ корень въ сскр. bha *сіять* свѣтить, въ греч φαίνω, φάος свѣтъ, сскр. bha *звѣзда*, въ нашемъ *бѣ*-лый=сіяющій. Лит. be-ti значитъ *замѣчать*, какъ и сскр. гл. bhal (bhâ-la сіяніе). Наше *босый*, лит. bas-as, нѣм. bar значило *сіяющій*, какъ видно изъ сскр. bhâs *свѣтъ*, bhâsu *солнце*. — Корень pu, о которомъ мы говорили выше, значилъ въ греч. πτοέω, лат. pavêre *прогонять*, *пугать*, т. е. какъ будто *сдуть* съ мѣста (ср. наше *пухъ*); тоже самое значеніе имѣетъ распространенный корень bhug въ греч. φεύγω, лат. fugere, нѣм biegen= сскр. bhuj *гнуть*, далѣе въ нашемъ *бояться*, лит. bijoti, сскр. bhî. Наше *буйный* значитъ собственно *быстрый* или *процвѣтающій*. Этотъ корень является удвоеннымъ въ греч. φέβομαι *боюсь*, дрожу=нѣм. beben, лат. febris *трясотка*, лихорадка. — Особое развитіе получилъ корень bhag, пріобрѣтшій значеніе чистаго *движенія* въ нашемъ *бѣжать* (нѣм. Bach *потокъ* о движеніи воды), въ лит. bėg-ti, сскр. bhaj По несомнѣнному свидѣтельству сскр. гл. bhaj, тотъ, къ которому мы *прибѣгаемъ*, *служимъ* (=цсл. богати), получилъ названіе *богатый*=покрови-

Curt. 189. Fick. II. 163. Grassm. 951. Pict III. 415.

тель, кормилецъ, хотя это значеніе могло развиться и по слѣдующей линіи понятій: *толстый*, сильный, могучій (ср. выше bahu и сскр. гл. bam̐h умножать.) Изъ этихъ послѣднихъ значеній легко объясняется, какъ изъ значенія *раздавать пищу* развилось *пасть* въ греч. φαγεῖν, сскр bhaksh. Ср. наше *букъ* и бобъ, лат. fâgus, fâba.

Въ переносномъ значеніи имѣемъ тотъ же корень въ нашемъ *бодрствовать*, *будить*, *наблюдать*. Въ сскр. яз. онъ имѣетъ форму bhudh изъ bhadh (ср. чеш. bád-ati *размышлять*) и значитъ *проснуться*, замѣчать, въ греч. πυνθάνομαι *узнавать*, въ нѣм. bieten, Bote *извѣщать*. Сскр. buddha значитъ познающій, buddhi *знаніе*, ср. греч. πύσ-τις. Такимъ образомъ наше *вѣдѣніе*, сскр. veda отъ корня va и buddhi равны по значенію нашему *умъ*, греч πνεῦμα въ πεπνυμένος и значатъ собственно *духъ*. Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ въ насъ кор. bha относительно того, произошелъ ли онъ вслѣдствіе подражанія природному звуку, или развился, какъ новое понятіе *говорить* изъ *дыхать*. Въ послѣднемъ случаѣ это bha, не имѣя ничего общаго съ корнемъ bu *шумѣть* (ср. наше пчела вм. бъчела), образуетъ особое названіе для человѣческой рѣчи въ греч. φημί, лат. fâri, сскр. bhan, нашемъ *баю* (чеш. básník=поэтъ.).

Curt. 262. Fick. I. 162. Grassm. 921. Буд. 133 Pict. III. 287

XII.

Ближайшій разрядъ корней, образованныхъ самымъ дѣйствіемъ нашего организма, находится въ весьма тѣсной связи съ корнемъ *cha*. Основное значеніе его — *хватать*; если же попробуемъ изобразить это дѣйствіе посредствомъ нашего рта, то непремѣнно услышимъ сочетаніе *chap* (раскрытіе рта и его быстрое закрытіе), живое пока въ нашемъ *хапать*, *хапунъ* и пр. Это chap или gap должно считать прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ корней. Изъ chap или hap могли развиться gab, kap, далѣе zap, sap и пр. Въ сскр. яз. имѣемъ въ этомъ значеніи гл. jabh отъ кор. gabh, ср. нѣм. gaffen раскрывать ротъ, чеш. zobati *пєть* (о птицахъ), zobák *клювъ*. Сскр. jambha, греч. γαμφή равно, какъ по этимологіи, такъ и по значенію, нашему *губы*, между тѣмъ какъ въ словѣ *зубъ* имѣемъ позднѣйшую форму тогоже корня, ср. греч. γόμφος *зубъ*, гвоздь, лит. gembja *гвоздь*, нѣм. Kamm *гребешокъ* (т. е. рядъ зубовъ). Также наше *реб ро* вм. жеб ро собственно значитъ *острая кость* (ср. *перси*, *перстъ* отъ кор. prk — рѣзать); слово *жабры* этимологически равно зенд. zafra, нѣм. Kiefer *ротъ* Лат gab-alus значитъ *вилы* (нѣм. Gabel), сскр. gabhîra *глубокій*, зенд. gaf-ya зіяющая *пропасть*. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что тотъже корень, распространенный посредствомъ неорганическаго *r*, имѣемъ въ нашемъ *грабить*, *грабли* и пр. Сскр. grabh значило *хватать*; въ греч. ἁ-γρεφνα *грабли* и въ лит. gréb-ti развилось новое понятіе *гре(б)сти*,

Curt. 174. Fick. II. 87. Grassm. 478. Grimm. 286. Буд. 211.

сгребать, затѣмъ и *рыть* въ нашемъ *гробъ*, нѣм. graben, греч. γράφω (пишу), въ лат. glûbere (ср. наше *желобъ*). Изъ garbh *хватать* имѣемъ garbh *носить* (=быть беременною) въ сскр. garbha и греч. δόλφος *лоно матери* (βελφίς вм. δελφίς пузатая рыба); въ βρέφος вм. γρέφος *дѣтеныш*ъ, въ нашемъ *жеребенокъ*, и нѣм. Kalb *теленокъ*=сскр. garbha *дѣтеныш*ъ (ср. наше горбъ, гурьба и пр.).

Прекрасно выражаетъ это дѣйствіе нашего организма корень abh=bha, pha (ср. выше). Если сразу наполнимъ полость рта воздухомъ, выговаривая гласную *a* и закрывая ротъ, то услышимъ именно этотъ корень abh, который такимъ образомъ выражаетъ *наполненіе*, обиліе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *закрываніе, удерживанье* силою. Послѣднее значеніе сохранилось въ нашемъ *оба*, нѣм. beide, лат. ambo, греч. ἄμφω, сскр ubhâ, такъ какъ *оба* собственно значитъ *держимые вмѣстѣ*. Греч. ἀμφίς *кругомъ* гораздо ближе, чѣмъ наше *съ обѣихъ сторонъ*, стоитъ къ картинѣ раздутыхъ щекъ, которыя дали названіе этимъ словамъ. Корень *bha* далъ слово *пѣна* (=перетекающая слюна), одинаковое значеніе имѣетъ и греч. ἀφρός морская пѣна и сскр. abhra *облако*, конечно, съ той разницею, что здѣсь признакъ обилія, *перетеканія* перенесенъ на *воду вообще*. Сскр. abhraya значитъ *перетекающій*, лат. ebrius *пьяный*, греч. ἄβρος (сущ. ἥβη) изобилующій силами, какъ и чеш. obr, гот. abras *громадный*, *богатырь*, гигантъ. Въ греч. имѣемъ въ этомъ значеніи и ὄβ-ριμος и ὄμβ-ριμος, т. е. въ этомъ языкѣ сохранились обѣ формы и первоначальная abh и носовая ambh. Сскр. ambhas имѣетъ два значенія *вода* и *сила*, изъ которыхъ первое повторилось въ греч. ὄμβρος, лат. imber (и umbra *тьнь*) *дождь*. Этотъ корень ambh впослѣдствіи получилъ значеніе *покрывать* и перешелъ на европейскую

Curt. 338. Fick. I. 491. Grassm. 260 Grim. 23. Pict. I. 431. Буд. 187.

почву въ перестановкѣ naƀh изъ maƀh. При этомъ нѣм. Nebel: ὄμβρος=Nabel: ὀμφαλος, и мы нисколько не сомнѣваемся произвести оба слова ὄμβρος и ὄμφαλος отъ одного корня, принимая за соединяющее звено значеніе *наполнять*. Полное, *тучное* облако (*туча*) и тучный животъ получили свое названіе отъ картины полнаго лица и нѣтъ никакой причины отдѣлять сскр. nâbhi, лат. umbilîcus и выше помянутыя слова отъ корня aƀh только потому, что ихъ значенія слишкомъ далеко ушли одно отъ другаго. Лат. aƀies сосна равно по значенію греч. πί-τυς (πίων жирный) или нашему *букъ*, по лат. fâgus. По всей вѣроятности, и amnis *рѣка* произошло изъ amƀnis. Тоже самое начало имѣетъ и сскр. ap *вода*, греч. ὀπ-ός сокъ, лат. ops сила (opulentus богатый). Лит. upis (старон. ape), чешская рѣка. Upa сохраняютъ живые остатки корня aƀh.

Какъ корень garp изъ gap, такъ и *marp* развилось изъ *map хватать*. Наше *с-нопъ* отъ корня nap, map собственно значило *горсть*, по нѣм Garbe, т. е. та масса соломы, которую мы можемъ взять въ руку. Затѣмъ это слово получило значеніе *соломенная веревка*. Второстепенные корни marp и mark *хватать* (ср. выше) лучше всего сохранились въ формахъ narp и nark въ старон. словахъ snërhen и snërfen *вязать* и въ новон. Schnur *веревка*, съ чѣмъ сравниваемъ греч. νεῦρον, лат. nervus, наше *нервъ*.

Позднѣйшую форму корня sap находимъ въ чеш. sáp-ati *терзать* изъ *хватать*; она существовала въ переносномъ смыслѣ въ греч. σαφ-ής и σοφός *мудрый*, въ лат. sapiens отъ sap pere=gustâre *вкусить*. Но въ древнихъ яз. преобладаетъ форма kap въ лат. capere *хватать*, capulum и κώπη *рукоятка* (почеш. čepel), греч. κάπτω-ловить ртомъ, ср. наше *цапнуть*, нѣм. hab-en=лат. haƀ-êre *имѣть*. *Пища* называется по лат. cibus.

Curt. 316. Fick I. 794. Grassm 70. Grimm. 713. Pict. I. 267.

Отъ этихъ корней едвали можно отдѣлить сскр. âp, лат. apiscor въ adipiscor *достигать* изъ *хватать*. Сюда же относятся названія *предлоговъ*, выражающихъ направленіе, цѣль, сскр. api, греч. ἐπί, лат. ob(ire) и *дѣла*, за которое мы беремся, хватаемся: сскр. âp-as, лат. op-us, *имущество* по сскр. ap-nas, по греч. ἄφ-ενος, по лат. op-es (ср. нѣм. Habe).—Конечно и другіе нѣмые звуки могли образовать также этотъ корень; наиболѣе удобнымъ послѣ *p* для этого былъ звукъ *m* (ср. выше корень дѣтскаго языка ham). Слѣды этого корня мы видимъ въ нашемъ *имѣть*, которое значило собственно *хватать*, какъ и лит. im-ti, лат. emere, сскр. am, пріобрѣтшее уже значеніе *вредить*, *нападать*. *Плечо*, какъ хватающая часть тѣла (рука), называется по сскр. aṁsa, по греч. ὦμ-ος, по лат hum erus (ср. наше *су-ма*, сум-ка, хом-утъ.) Наше *утка*, нѣм. Ente, греч νῆσσα, лат. anas, сскр. âṇi (морская птица) собственно значитъ *ловящая ртомъ*. *Гусь* называется по сскр. haṁsa, по греч. χήν(χαίνω), по лат. anser, по нѣм. Gans и несомнѣнно, это слово находится въ ближайшей связи съ корнемъ ghnagh *грызть* (изъ хватать), происшедшимъ вслѣдствіе удвоенія корня ham, gham. Тоже самое значеніе и происхожденіе имѣетъ корень ghad въ сскр gadh *хватать*, греч. χανδάνω и γέντο (Зье лицо онъ хватилъ); лат prehendere, нѣм. Hand *рука*, англ to get, въ нашемъ *жадный*, чеш. zádati=*ждать* т. е собственно стоять съ открытымъ ртомъ. Лат. praeda произошло изъ rgae-hed-a *добыча*. Ср. наше *хват-ать*, чеш. chyt-iti, наше *похитить*-словить. Гл. *на-сытить* собственно значитъ наполнить открытый ротъ и представляетъ собою позднѣйшую форму корня chat (ср лат sat-ur, нѣм. satt). Къ выше упомянутому sapere по значенію очень близко подходитъ сскр. svad изъ chvat *пробовать языкомъ* (ср чеш. гл. ochut-nati

Curt 510. Fick, I. 65. Grassm. 1636. Grimm. 334. Pict. I. 481. Буд. 176.

и корень cha), затѣмъ *находить вкуснымъ* (по чеш chutný). Греч. ἀνδάνω тогоже корня, ἥδομαι значитъ *радоваться*, ἡδονή *удовольствіе*. Наше *наслаждаюсь* вм. насваждаюсь буквально передаетъ греч. ἥδομαι, какъ и наше *сладкій*=лит saldus, нѣм. süss изъ suts, лат. suâ(d)vis, греч ἡδύς, сскр. svâdu Лат per-suad-êre значитъ собственно *обольщать*, затѣмъ *убѣждать*.

Значеніе *хватать* сохранено въ сскр. har, въ названіяхъ *руки* въ сскр. har-ana, по греч χείρ, лат. hir, изъ чего получилъ названіе властвующій сильной рукою господинъ въ лат. her-us, нѣм. Herr. Но этотъ корень gar имѣетъ еще новое весьма важное значеніе, выросшее изъ подражанія дѣйствію тѣла Приниманіе пищи горломъ непремѣнно вызываетъ сочетаніе гортаннаго и плавнаго звуковъ и образуетъ корень *gar* съ значеніемъ *глотать*. Наше *гор-ло, глотка* имѣемъ въ сскр. gala, лат. gul-a, нѣм. Kehle, или въ болѣе древней формѣ въ сскр. gar-gara, лат gurges, греч. γέργερος Наше *жрать* (=*глотать*, чеш hltati) встрѣчается въ сскр. gar, лат. vorâre вм. gvorâre, греч. βι-βρώσ-κω. Лит gér-ti значитъ *пить*, сскр. gar-a напитокъ Наше *голодъ* собственно значитъ *жадность* (ср. корень garbh и сскр. гл. gardh, греч. γλίχομαι вм. γλίθ-σκομαι). Гот. gridis, изъ чего Grad значитъ *шагъ*, gred-us, изъ чего Gier-*жадность*, чѣмъ объясняется и лат. gradior *ходить* изъ стремиться, жаждать и наше *грядущій*. Очень близко подходитъ къ этимъ словамъ наше *харкать*, чеш. srkati, нѣм schlucken, греч. λύξω вм. χλύζω и пр. Птица *журавль* получила свое имя отъ длиннаго горла и называется по лат. grus, по греч. γέρ-ανος, по нѣм. Kranich (Krahn) Не только украшеніе шеи—*ожерелье*, но и ея покрышка въ словѣ *грива* (сскр. grî-va) произошли отъ этого корня gar. (Ср. нѣм. Mähne

Curt. 477. Fick II. 88, Grassm. 405. Grimm. 227. Pict. I. 617. Буд. 174.

грива и наше *мон-исто*). Наше *хлебать* имѣемъ въ позднѣйшей формѣ въ греч. ῥοφέω, вм σροφέω, въ лат. sorbêre, лит. sreb-ti. Очень близко къ этимъ корнямъ стоитъ сскр. гл. chard, греч. σκορδινᾶσθαι=vomere, наше *скаред-ный*, т. е. возбуждающій отвращеніе, подобно дурно пахнущему растенію (греч σκόροδον *чеснокъ*, сскр. kardama болотистое растеніе.) — Первый звукъ корня hap замѣнился посредствомъ плавной въ сскр. корнѣ *rabh хватать*, при чемъ звукъ *r* отлично рисуетъ всю быстроту и силу подобнаго дѣйствія. Это первое значеніе лучше всего сохранилось въ лат lambere, греч. λάπ-τω, въ нашемъ *лобзать*, т. е. хватать ртомъ, закрывать ротъ. *Ротъ* называется по лат. labrum, по нѣм. Lippe Дѣйствіе *рта* переносится на дѣйствіе рукъ и затѣмъ этотъ глаголъ значитъ просто *хватать*. Наше *лоп-ать* (=ѣсть) имѣетъ уже въ чеш. lapati значеніе *хватать*, хотя и тамъ въ поговоркѣ lelky lapat говорится такъ преимущественно о дѣйствіи рта. Слово *рука*, происшедшее изъ первоначальной формы ramka, слово гораздо позднѣйшее, чѣмъ *лап-а*, такъ какъ оно образовалось вслѣдствіе распространенія изъ логическаго корня *ra* (—p). Значеніе *хватать* имѣемъ въ лат. rap-ere, нѣм. raub-en, греч. λαμβάνω. *Добыча* называется по лат. rap-îna, по греч. λάφ-υρον, по нѣм. Raub, по чеш. lup (ср. греч. ἅρπαξ=лат. rapax). Всѣ предметы, обнимающіе или содержащіе что нибудь, могли получить названіе отъ этого корня rap *хватать*. Греч. λαθή значитъ *длань* (по чеш. hrst), нѣм. Loffel ложка наше *лопата* греч. λέβης миска, λέμβη *чел.нъ*, наше *лобъ* (содержащій мозгъ), греч. λόβος внѣшняя часть уха, названная такъ по своей формѣ очень похожей на длань, лат. limbus *членъ*, нѣм. Leber *печенка*, (греч. λόβος *ушко*, *печенка*) произведены

Curt. 532. Fick. I. 741. Grassm 1146. Grimm. 285. Буд. 207.

отъ того-же корня. Тотъже корень въ его логической формѣ имѣемъ въ греч. λι-λαί-ομαι *страстно желаю* и въ λάω *хочу*, въ придыхательной формѣ въ сскр. lash *жаждать*, лат. las-civus *страстный* (въ дурномъ смыслѣ), въ нашемъ *ласка*, ласкаться. Наше *радость*, *ра-доваться* равно по формѣ нѣм. laden *приглашать*, т. е. радъ видѣть кого нибудь

Дѣйствительное происхожденіе этого корня было одинаково съ кор. *rap*, какъ видно изъ лат rict-us, нѣм. Rachen *пасть* (хватающая), откуда это названіе было перенесено на *руку*; цсл. *рачити*=по значенію нашему *хотѣть* Наше *лак-ать* и *а-гкать* (алчный—лакомый), лит. lak-ti *жадно пьсть* (о собакѣ) достаточно ясно свидѣтельствуютъ о такомъ его происхожденіи. *Схватить что* нибудь=*собирать* или *получить*; первый глаголъ имѣемъ въ лит rinkti, (лат. и греч. legere, λέγω?), второй въ нашемъ *по-лучить*, греч. λαγχάνω (ср. *об-рѣсть*, *встрѣ-тить* и пр.) Чеш. lákati *приманивать* съ тѣмъ же значеніемъ встрѣчается въ лат. allicere, lac-ere, сущ. lax и laqueus (ср. наше *лесть*, отъ кор. лах—, названіе животнаго *лис-ица*, чеш. lísati se). Мы нисколько не затрудняемся присоединить къ этимъ корнямъ и наше *любить*, происшедшее изъ болѣе древнихъ корней rubh, rabh (rabh хватать) и имѣющее значеніе *страстно желать*. Сскр. сущ. значитъ *жадность*, *страстное желаніе*, какъ и лат. lubido. Нѣм. Liebe, наше *любовь* дали имя чувству болѣе благородному. Чеш. líbiti=лат. безличному gl lubet *любо*, между тѣмъ какъ líbati значитъ *цѣловать*, собственно *хватать* ртомъ, какъ и нѣм. küssen и liebkosen, находящіеся въ ближайшей связи съ лат. gus-tare (собств. закусить.) Также чеш hub-ičkovati и лат. osculâri значатъ *касаться* ртомъ (huba, os-ротъ). По сскр. rih значитъ не только *цѣловать*, но и *лизать* (ср.

Curt. 504. Fick, II. 207. Grassm 1146. Grimm 281. Pict. I. 574. Буд. 196.

греч. λείχω, лат. lingere, нѣм. lecken). *Любовь* называется также по сскр. ra, по греч. ἔρως, *любить* по греч. ἔραμαι, *наслажденіе любовью*, спокойствіе по сскр. ra-ti, съ чѣмъ можемъ сравнить нѣм. Rast *отдыхъ* и Lust *наслажденіе*. Всѣ эти слова едва ли возможно отдѣлить отъ предыдущихъ. Болѣе широкій корень ram имѣемъ въ сскр. ram. *наслаждаться*, ram *отдыхать*, почивать (ἤρεμα *спокойно*), въ греч. ἔ-ραν-ος *игрушка*. Богиня *любви* называется по лат. Ven-us, *красивый* по сскр. vâ-na. Этотъ новый корень *vam* равенъ по своему внутреннему значенію выше упомянутому am, отъ котораго произошло не только наше *имѣть*, но и лат. amâre любить. Первое его значеніе было одинаково съ предыдущими корнями. Сскр. van изъ vam значитъ не только *жаждать*, желать, любить, но и *достигать*, стремиться, нападать, *побѣждать*. Прил. vanus обозначало не *любовника*, но и *нападающаго* врага. Старон. wini значило пріятель, супругъ, новон Ge-winn *пріобрѣтеніе*, барышъ, Wahn *мнѣніе*, надежда, Wonne *прелесть*, какъ и сскр. vanas. (Ср. лат. avêre, сскр. avas расположеніе). Нѣм. wünschen *желать* въ сскр. яз. имѣетъ форму vânchati.—На первый взглядъ покажется весьма страннымъ, что мы присоединимъ прямо къ этимъ корнямъ сскр. vam, греч. ἐμέω, лат. vomere, но мы должны признать ихъ генетическую связь, лишь только вспомнимъ, что и послѣднее vam значитъ собственно *открыть ротъ*. Корень *am* созданъ быстрымъ открытіемъ и закрытіемъ рта, его перестановка напротивъ начинается закрытіемъ и кончается открытіемъ рта. Если мы пожелаемъ выразить продолжительное закрытіе рта звукомъ, то ни одинъ звукъ алфавита не можетъ этого сдѣлать такъ, какъ *m*. Этотъ нѣмой звукъ по преимуществу образовалъ особый глаголъ *ти*, который въ греч. μύ-ω значитъ *закрывать ротъ*,

Curt. 325. Fick. I. 735. Grassm. 1148.

глаза (мигать). *Нѣмой* называется по сскр. mû-ka, по греч. μῦ-κος, по лат. mû-tus, наше *нѣ-мой* имѣетъ кор. ma. Сскр. гл. mû значитъ *вязать*, греч. ἀ-μύν-ω *защищать* изъ *запирать*.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые другіе корни, созданые дѣйствіями нашего организма, (какъ напр. кор. phu, изъ котораго произошло наше *плевать*, нѣм. speien, лат. spuere, греч. πτύω) перейдемъ къ послѣднему и главному корню, выражающему *движеніе*.

Въ нашей работѣ встрѣтилось такое множество корней, выражающихъ понятіе *идти*, что на самомъ дѣлѣ весьма затруднительно рѣшить, къ которому изъ нихъ принадлежитъ сскр. i, лат. îre, греч. εἶμι, наше *и-дти* (чеш. jíti), лит. eiti. Этотъ корень весьма похожъ на логическій корень *a* изъ *ach*, *as*, выражающій существованіе, и такъ какъ множество словъ корня as, is выражаетъ движеніе, то мы предпочитаемъ соединять корень i глагола îre съ первымъ и главнымъ корнемъ нашего языка, т. е. ach. Звукъ *i* самъ по себѣ вполнѣ удобенъ для выраженія направленія Сскр. ema значитъ *дорога* (по греч. οἶμος), и *вѣчное время*, совершающее свой путь безъ остановки, называется по лат aevum, *путь жизненный* aetas, по сскр. âyu, по греч. αἰών (ср. αἰεί всегда.)

Curt 324. Fick. II. 30. Grassm. 192.

XIII

Послѣ того, какъ мы прослѣдили все поле арійскихъ языковъ, познакомились хоть въ бѣглыхъ чертахъ съ происхожденіемъ и развитіемъ корней, мы можемъ вновь вернуться къ вопросамъ, послужившимъ началомъ нашей работы. *Что такое корень по отношенію къ понятію, что такое понятіе по отношенію къ корню?* Мы нашли *три* источника корней: во первыхъ подражаніе глухимъ шумамъ природы, далѣе подражаніе крикамъ животныхъ, наконецъ звуковое выраженіе отдѣльныхъ функцій нашего организма.

Эти три источника были чисто физическаго свойства; человѣкъ во всѣхъ случаяхъ посредствомъ выработанныхъ звуковъ передавалъ свое физическое ощущеніе. Слѣдовательно, *всѣ корни имѣютъ физическое начало*, но только начало. Дальнѣйшая работа будетъ уже чисто умственнаго свойства. Первые звукоподражательные *корни* образуютъ собою *первыя логическія категоріи ума*, затѣмъ все, что подходитъ подъ эти категоріи—все огромное море нашихъ ощущеній соединяется съ тѣмъ или другимъ корнемъ. При посредствѣ одного признака, выраженнаго первобытнымъ корнемъ, накопляется въ головѣ цѣлая масса предметовъ и дѣйствій, имѣющихъ этотъ признакъ подъ однимъ общимъ именемъ, которое помогаетъ памяти удержать все это богатство въ нашемъ умѣ. Предметы и дѣйствія состоятъ изъ множества признаковъ, и каждый признакъ въ свою очередь можетъ соединить новые предметы, новыя дѣйствія съ первоначальнымъ призна-

комъ, съ первоначальнымъ корнемъ. Въ головѣ образуется громадная сѣть логическихъ цѣпей, на которой свѣтлыми точками являются первобытные корни. Безъ этихъ точекъ сѣть бы порвалась и въ головѣ царствовала бы умственная слѣпота Поэтому мы сказали, что безъ рѣчи нѣтъ ума, безъ корня нѣтъ понятія. *Корень есть первое понятіе человѣка*, можетъ быть, весьма грубое, въ логическомъ смыслѣ весьма несовершенное, но отъ этой грубой физической точки умъ возносится все выше и выше къ самымъ удаленнымъ тайнамъ умозрѣнія. Первое понятіе носитъ отпечатокъ перваго корня; оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣми логическими опредѣленіями, которыя записываютъ философы въ своихъ книгахъ Красота, напримѣръ, получаетъ имя не отъ своей божественной силы, а отъ краснаго цвѣта, который въ свою очередь называется такъ отъ цвѣта разрѣзаннаго мяса (кор. kart.)— Корень есть типъ первыхъ ощущеній и, такъ какъ корень состоитъ изъ звуковъ, то онъ преимущественно служилъ выраженіемъ такихъ признаковъ, которые соединялись съ извѣстнымъ шумомъ. Если бы всѣ дѣйствія и предметы сопровождались извѣстнымъ шумомъ, какая нибудь гигантская память могла бы образовать языкъ, гдѣ каждый предметъ или дѣйствіе имѣли-бы свое особое имя, подражающее своимъ звукомъ данному явленію. Но такъ какъ одинъ извѣстный шумъ бываетъ общимъ для множества предметовъ и дѣйствій, то человѣку возможно было посредствомъ одного подражательнаго корня соединить массу понятій Нужно признать, что подобныхъ корней было большое количество, такъ какъ безконечному сочетанію шумовъ природы языкъ человѣка могъ подражать всевозможнымъ сочетаніемъ своихъ готовыхъ звуковъ. Но только тѣ изъ корней, значеніе которыхъ дѣлало понятнымъ въ человѣческомъ разговорѣ само ихъ сочетаніе, т. е. удачны, въ доста-

точной степени, могли удержаться, какъ корни человѣческой рѣчи. Должно быть, много звуковъ было произнесено, много сочетаній утрачено, пока не остались побѣдителями такіе корни, которые были всѣмъ понятны даже безъ внѣшней мимики. Это были, конечно, корни физически выражающіе самыя простыя явленія нашей жизни и только, когда связь между такимъ корнемъ и понятіемъ окрѣпла, т е. *когда первые корни были готовы, начинается новый логическій періодъ языка.* Пріобрѣтенное понятіе, гдѣ корень=понятію, разрабатывается и изъ него извлекается цѣлое множество новыхъ понятій, которыя уже составляютъ богатство ума и разрабатываются въ значительной степени безъ языка при помощи другихъ ощущеній. Насколько ростетъ внутреннее содержаніе корня, настолько оно теряетъ свою подражательную силу и, наконецъ, дѣлается простымъ символомъ, при помощи котораго мы имѣемъ въ постоянномъ распоряженіи то безмѣрное богатство внутренняго міра, которое мы вычеканили изъ грубаго звукоподражательнаго корня. На этой степени звукъ не имѣетъ никакого значенія, мы не чувствуемъ болѣе своихъ словъ, потому что мы всякое ощущеніе давно превратили въ понятіе, не нуждающееся во внѣшней поддержкѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что нужно строго различать живописный корень, передающій извѣстное ощущеніе, и логическій, соединяющій посредствомъ одного признака множество понятій Только въ томъ случаѣ, гдѣ теченіе времени не разрушило первоначальныхъ звуковъ корня, логическій корень совпадаетъ съ живописнымъ. Но изъ этого ясно видно, что корни логическіе—чистѣйшая, хотя и весьма полезная, фикція грамматиковъ, которые въ своемъ желаніи упростить корни на самомъ дѣлѣ совсѣмъ упраздняютъ первый періодъ языка. Мы не возстановимъ никогда всѣхъ живописныхъ корней, но сдѣлать попытку къ этому гораздо полезнѣе, чѣмъ продолжать грам-

матическимъ путемъ фонологическую порчу, вслѣдствіе которой большинство первоначальныхъ корней совсѣмъ измѣнило свой видъ. Сколько было такихъ природныхъ корней, вопросъ нерѣшимый, такъ какъ мы можемъ приблизительно опредѣлить только то количество корней, которое осталось въ разговорѣ перваго человѣка, какъ основаніе для зданія человѣческой рѣчи Если считать напр. корень vard за выраженіе разныхъ ощущеній, передаваемыхъ то звуками vard, то var, или va, сверхъ того за подражаніе человѣческой рѣчи посредствомъ звуковъ var, или va, — то получаемъ пять разныхъ живописныхъ корней Логикъ, замѣтивши ихъ общіе признаки, станетъ постепенно выключать тѣ звуки, которые чужды самому общему признаку, и можетъ наконецъ дойти до одного корня va Грамматикъ, смѣшивая логику и природу, хотя признаетъ за корень vard или var, но объясняетъ его происхожденіе наростаніемъ изъ первобытнаго va. Такое наростаніе могло случиться, но тогда нашъ грамматическій корень vard есть, собственно говоря, соединеніе трехъ живописныхъ корней va+ra+da, изъ которыхъ каждый выражаетъ извѣстный родъ шума. Мы занимаемъ среднее мѣсто между грамматикомъ и логикомъ. Если природа въ своей логикѣ соединяла сама разные корни, то мы признаемъ первымъ корнемъ самый богатый, т. е. такой, который соединялъ наиболѣе ощущеній, и только изъ такихъ корней допускаемъ происхожденіе другихъ, теряющихъ въ своемъ внутреннемъ содержаніи то или другое ощущеніе, такъ какъ корень, выражающій ощущенія a+b+c, непремѣнно можетъ выражать и ощущенія a+b, или только одно изъ всѣхъ этихъ ощущеній. Природа въ этомъ случаѣ несогласна съ строгой логикой, которая не допускаетъ лишнихъ признаковъ и стремится къ обобщенію, выключая все, что превышаетъ это обобщеніе. Языкъ есть орудіе, а каждое

орудіе будетъ годно и тогда для извѣстной цѣли, когда при его помощи мы можемъ сдѣлать гораздо болѣе. Огонь грѣетъ и свѣтитъ намъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что огонь не можетъ намъ только свѣтить И чѣмъ болѣе языкъ дѣлается орудіемъ, тѣмъ болѣе можетъ выражать его живописный корень, и въ концѣ концовъ можетъ случиться, что корни vart=var=va и пр., но во всякомъ случаѣ корень vart мы должны считать первоначальнымъ Какъ цвѣтокъ потерявшій свой запахъ, вянетъ, теряетъ всѣ свои украшенія, такъ и корень съ теченіемъ времени, потерявъ первоначальное значеніе, все болѣе и болѣе искажается въ своемъ внѣшнемъ видѣ и ничѣмъ уже не свидѣтельствуетъ объ ощущеніи своего создателя. Изъ kart въ періодъ тысячелѣтій сдѣлалось *чи*, сочетаніе, могущее въ крайнемъ случаѣ подражать шипѣнью, но не тому энергичному дѣйствію, которое его создало. Мы никогда не узнали бы истиннаго значенія этого *чи*, если бы множество словъ не побѣдило разрушительной силы вѣковъ и не передало намъ этого корня въ первоначальномъ его видѣ Тѣ сотни тысячъ словъ, которыя разсѣяны по всему арійскому міру, застраховали немногимъ первобытнымъ корнямъ вѣчное существованіе въ человѣческой рѣчи, такъ какъ при тщательномъ разсмотрѣніи и сравненіи всей этой массы мы находимъ въ одномъ и томъже языкѣ формы одного и тогоже слова, отстоящія другъ отъ друга по своему образованію на цѣлыя тысячелѣтія, и въ тоже самое время находимъ то звено, которое соединяло форму самую древнюю съ самой новой. Изъ этого мы убѣждаемся, что даже до нашего времени сохранилось множество словъ въ своемъ первобытномъ видѣ, и что фонологическая порча, всемогущая по отношенію къ отдѣльнылъ словамъ, какъ смерть къ отдѣльнымъ людямъ, безсильна противъ словеснаго типа—корня Наше слово *зола* эти

мологически отстоитъ отъ своего арійскаго прапредка ghara по крайней мѣрѣ на четыре тысячи лѣтъ, между тѣмъ какъ другое сродное ему слово *гор-ѣть* такъ юно по своей формѣ, какъ было слово ghara во время своего происхожденія. Намъ извѣстны законы фонологической порчи; также и причина ихъ поддается объясненію. Пока языкъ былъ подражаніемъ шумамъ природы, онъ долженъ былъ сохранить всю силу или, лучше сказать, всю *громкость* перваго подражанія, но, лишь только языкъ изъ подражательнаго сдѣлался логическимъ, какъ онъ сталъ стремиться къ смягченію, и сама собою наступила порча вслѣдствіе излишняго смягченія звуковъ. Конечно, не однократно люди возвращались къ твердому произношенію, но это были только частные случаи, и нѣтъ сомнѣнія, что безъ письма языкъ со временемъ совсѣмъ выродился бы и оставлялъ бы все менѣе и менѣе слѣдовъ своего происхожденія. Изобрѣтеніе письма значительно остановило это вырожденіе; языкъ дѣлается все болѣе и болѣе консервативнымъ, и повидимому перемѣны звуковъ совершаются крайне, медленно, хотя и постоянно. *Языкъ, такимъ образомъ, является неразрушимымъ зданіемъ*, и множество его данныхъ, тщательно собранныхъ и разработанныхъ, даетъ возможность чувствовать ту чудную музыку корней, которая создала человѣческую рѣчь. Посмотримъ начало и конецъ періода развитія языка. Корень, какъ словесный типъ ощущенія человѣка, есть величина психологическая, т. е. его форма совпадаетъ съ содержаніемъ,—корень нашего времени есть только величина логическая, т е. чистѣйшая форма, сама по себѣ не имѣющая никакого значенія Но эту форму мы можемъ уподобить нити, на которую человѣкъ нанизалъ безконечное число своихъ понятій Психологія или, лучше скажемъ, психогенезисъ уступила свое мѣсто логикѣ. И,

такъ какъ развитіе языка, послѣ пріобрѣтенія достаточнаго количества корней, совершилось путемъ чисто логическимъ, вовсе не было нужды создавать новыхъ корней для новыхъ ощущеній, потому что каждое новое ощущеніе весьма легко соединялось логически съ какимъ нибудь готовымъ корнемъ, навѣрно уже выражавшимъ разныя понятія, весьма близкія логически къ этому ощущенію Даже такія ощущенія, какъ *свѣта*, *тепла* и пр. не нуждались въ особыхъ корняхъ, такъ какъ легко могли соединиться логически съ готовыми корнями, подражающими звукамъ и и шумамъ. Отсюда мы можемъ утверждать, что составъ первобытныхъ корней едва-ли увеличился съ теченіемъ времени, напроивъ навѣрно достаточно большое количество первоначальныхъ типовъ погибло въ борьбѣ за существованіе. Полагаемъ, что живописныхъ корней было весьма много изобрѣтено, но вслѣдствіе строгаго естественнаго подбора уже въ первый періодъ языка уменьшилось ихъ число до того minimum'а, которое мы встрѣчаемъ теперь. Однако и при такомъ условіи нельзя не признать, что нѣкоторые корни съ нашей точки зрѣнія совершенно лишни, такъ какъ выражаютъ съ одинаковою силою одинаковое значеніе. Но именно въ этомъ-то состоитъ живописность перваго языка, что онъ часто выражалъ не только ощущеніе, но и разные оттѣнки одного и тогоже ощущенія, которые, конечно, мы теперь можемъ понимать весьма смутно. Логикъ, отвергнувшій психологическую силу языка, не признающій его естественнаго происхожденія, долженъ сократить число корней изъ тысячъ и сотень корней грамматика до *единицъ*; грамматикъ, который смотритъ на корень, какъ на γράμμα, т. е какъ на написанное, и не признаетъ вѣчной измѣнчивости корня, умножитъ ихъ до сотень и тысячъ, такъ какъ каждый корень съ теченіемъ времени можетъ имѣть весьма

значительное количество видовъ. Такъ напримѣръ, ощущеніе, вызвавшее корень *kart*, выразилось въ исторической жизни языка по крайней мѣрѣ въ 200 формахъ. Грамматики, признавая за разные корни kard и kart, *посту́ают* весьма не логично, что останавливаются на своемъ пути и не увеличиваютъ число своихъ корней до этой цифры, но не болѣе логично поступаетъ и логикъ, который, сокративъ число своихъ корней до какого нибудь десятка, не рѣшается высказать формулу, что корень можетъ быть только одинъ на томъ простомъ основаніи, что всѣ понятія, какъ бы они ни были разнородны, непремѣнно можно соединить однимъ общимъ звеномъ. Послѣдній не рѣшается такъ сдѣлать потому, что уничтожилъ бы всякую форму корня, и корень былъ-бы чѣмъ-то въ родѣ ἓν καὶ πᾶν, первый напротивъ своей формою задавилъ бы всякій смыслъ корня. Мы привели крайніе примѣры, но нужно признаться что таковъ именно путь, по которому идетъ большинство филологовъ. Работа грамматиковъ была необходима и во всѣ времена благодатна, но смѣшивать эту трудную, часто необыкновенно геніальную работу съ вопросомъ о происхожденіи языка—величайшая ошибка новой филологіи. Да, грамматики правы—корней было безчисленное количество, подобно безсчисленному количеству цвѣтовъ на лугу, но корней, какъ типовъ—имѣемъ весьма мало, едва-ли болѣе полъ сотни, какъ видно изъ нашего перечня. Изъ этого малаго количества корней развились милліоны словъ По исчисленію Marsha у М. Мюллера minimum англійскихъ словъ опредѣляется числомъ 100000; эту цифру одного языка одного періода времени мы можемъ смѣло удвоить. Но сверхъ того каждое слово имѣетъ столько отношеній къ другимъ словамъ, т. е. всякое понятіе измѣняется подъ вліяніемъ другихъ понятій столько разъ, что получается неимовѣрное число

словесныхъ формъ. По исчисленію Курціуса греческій глаголъ подвергается 507 такихъ измѣненіяхъ санскритскій 891. Какое выйдетъ громадное количество формъ, если умножить число глаголовъ на число измѣненій! Каждая изъ этихъ формъ выражаетъ какое нибудь наше понятіе, чувство, всякая изъ нихъ есть одна волна того безконечнаго моря, которое называется душой человѣка. Какая задача для лингвиста! Онъ долженъ вернуть это теченіе назадъ и прослѣдить отъ первыхъ началъ ту картину, которая созидалась въ душѣ человѣка подъ вліяніемъ всего сущаго. Понять историческое значеніе всѣхъ словъ значитъ понять умственный ростъ человѣка; а поэтому филологъ въ своей спокойной работѣ старается узнать тайну самыхъ скрытыхъ изгибовъ души всего человѣчества. Передъ нимъ не лежитъ безжизненный трупъ, но самое живое, осмысленное проявленіе человѣка — его рѣчь, какъ ей говорили и думали люди во всѣ времена своего бытія. Всѣ ощущенія, понятія, мысли человѣка должны были воплотиться въ рѣчи его и поэтому предметъ филолога дѣлается весьма интереснымъ изслѣдованіемъ о происхожденіи всѣхъ понятій человѣка. Филологъ находитъ, что философъ, произнесши великія слова nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu совершенно правъ, но онъ между ощущеніями и умомъ ставитъ *слово* и выражаетъ формулу происхожденія ума гораздо полнѣе nihil est in intellectu, quod, ut vox, non fuerit in sensu, т. е. безъ ощущенія не было бы слова, безъ слова не было бы ума. Человѣкъ съ готовымъ умомъ можетъ думать не только безъ словъ, но и безъ ощущеній, но безъ этой физической подкладки не было бы никогда ни *нашего* языка, ни ума. Не удивительно, что менѣе свѣдущая публика считаетъ всѣхъ физіологовъ чувства матеріалистами, такъ какъ они, по видимому, разбиваютъ божественныя начала нашего ума. То-

муже упреку могутъ подвергнуться и знатоки языка послѣ того, какъ покажутъ, что нѣтъ ни одного слова въ человѣческой рѣчи, слѣдовательно и нѣтъ ни одного понятія, которое не имѣло бы чисто физическаго начала. Но именно въ томъ то и состоитъ великая сила знанія, что оно не останавливается при такомъ заключеніи, а задаетъ себѣ непремѣнно вопросъ: какимъ образомъ случилось, что вся эта физика создала въ насъ столь глубокую метафизику, что изъ всѣхъ тѣхъ простыхъ физическихъ понятій выработались съ теченіемъ времени столь дивныя метафизическія стремленія и вопросы, которыхъ мы простымъ своимъ умомъ рѣшить не можемъ, но которые постоянно и безпрерывно тревожатъ умъ человѣка, свидѣтельствуя этимъ о своемъ истинномъ существованіи. Разобраны всѣ слова, всѣ ощущенія—извнѣ ничего не вошло въ умъ человѣка, что бы его дѣлало способнымъ къ метафизическимъ вопросамъ, слѣдовательно эта способность есть истинное проявленіе его существа,—*noumenon*, между тѣмъ какъ не только языкъ, но и все наше внѣшнее явленіе—phaeno menon, которое только по этому и правдиво, что оно въ тѣсной и непрерывной связи съ первымъ, отъ котораго исходитъ.

Этотъ великій результатъ, предсказанный уже давно философами, подтверждаютъ люди науки нашего времени. Физика на нашихъ глазахъ превращается въ метафизику. Новая лингвистика присоединяется къ ихъ работамъ и своей, по видимому, отрицательною работою показываетъ на новый источникъ ихъ знанія, который-не отъ міра сего. Далѣе филологъ, находя въ этихъ милліонахъ словъ разныхъ временъ и разныхъ народовъ точно такіе-же законы, какіе владѣютъ всѣмъ сущимъ, замѣчая на всякомъ словѣ отпечатокъ той силы, того ума, который проявляется во всемъ, не можетъ изъ этого не почерпнуть увѣренности въ силы человѣческія, не можетъ не гордиться своей наукой, какъ изслѣдованіемъ рубежа между человѣкомъ и остальною природою.